

НАРОДЫ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА

I

ИДЛОСАТ

1971

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИДЛОСАТ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ
1971

1971

1971

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА – КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

инв. № 265/4

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. П. ТОЛСТОВА, Т. А. ЖДАНКО,
С. М. АБРАМЗОНА, Н. А. КИСЛЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1962

592

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том серии «Народы Мира» представляет собой обобщающий труд по этнографии многонационального населения Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской и Казахской Советских Социалистических Республик, освещающий историческое прошлое и современную жизнь народов всех этих республик, их хозяйство в прошлом и настоящем, семейно-бытовой уклад, материальную и духовную культуру и искусство. Всестороннее описание этой крупной историко-этнографической области нашей страны, народы которой, миновав капиталистическую стадию развития, за годы Советской власти преодолели свою отсталость, унаследованную от дореволюционного прошлого, и в результате осуществления ленинской национальной политики совершили переход от феодализма к социализму, до недавнего времени было еще неосуществимой задачей вследствие недостаточной изученности этнографии Средней Азии; в особенности мало было исследовано современное состояние культуры и быта разных национальностей и происходящие в их среде в условиях социализма этнографические процессы. Однако в конце 1940-х и в 1950-х годах многолетними этнографическими и комплексными археолого-этнографическими экспедициями Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР и академий наук республик Средней Азии и Казахстана был собран обширный полевой материал как историко-этнографический, так и по этнографии советского периода. В значительной степени этот материал был за указанный период обработан, изучен и опубликован в ряде изданий АН СССР и на местах. Новый полевой материал, собранный в разных районах и у разных групп населения Средней Азии и Казахстана, широко использован в настоящем издании. В период подготовки тома Институт этнографии АН СССР организовал специальные научные командировки для изучения современного состояния некоторых мелких народностей и этнографических групп (среднеазиатских цыган, среднеазиатских евреев, белуджей, ферганских каракалпаков, ирани и др.), что помогло восполнить пробелы в накопленном экспедициями материале.

В главе «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» использованы новейшие данные археологических исследований, проводившихся на территории этих республик.

Авторы тома приложили все усилия к тому, чтобы по возможности полнее осветить современную трактовку главных научных проблем этнографии народов Средней Азии и Казахстана. К числу этих важнейших проблем следует отнести: проблему этногенеза народов Средней Азии и Казахстана; проблему экономических, политических и культурных связей и взаимоотношений степных племен с земледельческим населением

оазисов Средней Азии на разных исторических этапах; вопрос об исторической роли полуседлого населения Средней Азии и Казахстана; проблеме пережитков родоплеменной организации и конкретных форм их влияния на общественную жизнь народов в прошлом, а также тесно связанный с этой проблемой вопрос о сущности патриархально-феодальных отношений, явившийся темой дискуссии на одной из научных сессий историков и этнографов в Ташкенте (1954 г.); ряд этнографических проблем, связанных с трактовкой значения культурного наследия народов Средней Азии и т. д. Не менее велик и важен круг освещенных в томе проблем этнографии советского периода, связанных с процессом социалистического преобразования культуры и быта крестьянства и рабочего класса и осуществлением ленинской национальной политики в Средней Азии и Казахстане. Программа Коммунистической партии и решения XXII съезда КПСС выдвигают перед этнографами целый ряд новых важнейших теоретических проблем, возникающих на современном этапе развития национальных отношений в СССР. Как отметил в своем докладе на историческом съезде Н. С. Хрущев, в условиях социализма действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе: происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик и в то же время под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение¹.

В условиях развернутого коммунистического строительства происходит дальнейшее сближение наций. «Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов... Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними»².

Возникает задача исследования этих процессов, происходящих в среде народов СССР, в частности и у народов Средней Азии и Казахстана; на этнографическом материале разрабатываются такие вопросы (частично нашедшие отражение уже и в настоящей книге), как современное развитие социалистических наций; проблема всестороннего экономического и культурного сотрудничества и сближения народов Средней Азии и Казахстана со всеми братскими народами нашей страны; пути развития национальной культуры и формирование элементов общесоветской культуры (материальной и духовной) у народов Средней Азии и Казахстана; проблема национальных традиций — прогрессивных, способствующих развитию современных форм жизни, и консервативных, тормозящих это развитие, не отвечающих условиям жизни и потребностям людей нашего времени; тесно связанный с этой проблемой вопрос о реакционной роли ислама и мусульманского духовенства в современной жизни.

Том «Народы Средней Азии и Казахстана» содержит введение и 20 глав и делится на два полутома.

В первый полум том включены: «Введение», в котором даны общие сведения о численности и этно-лингвистическом составе населения республик Средней Азии и Казахстана; пять вводных глав, относящихся ко всему тому: «Географический очерк Средней Азии и Казахстана», «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана», «Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана», «Иранские языки народов Средней Азии», «Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана», а также главы, посвященные отдельным народам Средней Азии: «Узбеки», «Каракалпаки», «Таджики». Особый раздел, «Прицамир-

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 190.

² Там же, стр. 405—406.

ские таджики», посвящен характеристике мелких народностей Памира, постепенно сливающихся с таджикской социалистической нацией.

Второй полутом посвящен описанию остальных крупных народов Средней Азии и Казахстана, а также мелких народностей и нацменьшинств. Он содержит следующие главы: «Туркмены», «Киргизы», «Казахи», «Уйгуры», «Дунгане», «Корейцы», «Среднеазиатские арабы», «Среднеазиатские цыгане», «Среднеазиатские евреи», «Белуджи», «Курды», а также «Русское и украинское население Средней Азии и Казахстана».

Том подготовлен научными сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР совместно с этнографами академий наук союзных республик Средней Азии и Казахстана. План коллективной работы по созданию тома «Народы Средней Азии и Казахстана» обсуждался на втором среднеазиатском совещании археологов и этнографов в Душанбе, в октябре 1956 г., в результате чего подготовка глав и материалов к тому была включена в планы научно-исследовательских работ ряда институтов союзных академий.

Некоторые главы полностью или почти полностью подготовлены авторскими коллективами ученых союзных академий, другие написаны совместно научными сотрудниками Института этнографии и этнографами академий наук союзных республик или с использованием их материалов в отдельных разделах.

Авторская работа над отдельными главами первого полутома была распределена следующим образом:

«Географический очерк Средней Азии и Казахстана» — Э. М. Мурзев; раздел «Хозяйственно-культурные типы» — Б. В. Андрианов;

«Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» — С. П. Толстов, Т. А. Жданко (с участием М. А. Итиной и Ю. А. Рапопорта. Для некоторых разделов использованы предоставленные АН Узбекской ССР материалы И. М. Муминова и М. Г. Вахабова);

«Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана» — Н. А. Баскаков;

«Иранские языки народов Средней Азии» — В. А. Лившиц;

«Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана» — В. В. Гинзбург;

«Узбеки» — коллектив Института истории и археологии АН Узбекской ССР под руководством О. А. Сухаревой (для раздела «Исторические сведения» использованы материалы К. Акилова, М. Г. Вахабова, Ш. И. Иногамова, К. Л. Задыхиной, Б. Х. Кармышевой, а также новейшие исследования А. М. Аминова, В. Е. Непомпина и др. Для раздела «Основные занятия» использованы материалы К. Акилова, Ф. А. Арипова, Я. Г. Гулямова, Б. А. Десятчикова, Б. Х. Кармышевой, Н. В. Маленина, О. А. Сухаревой, Р. Я. Рассудовой. Раздел «Города и селения» написан О. А. Сухаревой, «Транспорт» — И. М. Джаббаровым, «Жилище» — В. Л. Ворониной и А. К. Писарчик, «Одежда» — М. А. Бижжановой, К. Л. Задыхиной и О. А. Сухаревой, «Пища» — А. К. Писарчик, «Общественный и семейный быт» — М. А. Бижжановой, К. Л. Задыхиной и О. А. Сухаревой, «Здравоохранение» — А. А. Кадыровым, «Физкультура и спорт» — И. М. Джаббаровым, «Просвещение» — Н. П. Архангельским. Для раздела «Наука» использованы труды и материалы Х. М. Абдуллаева. Раздел «Фольклор» написан И. М. Джаббаровым, «Литература» — С. Касымовым и О. Шарафутдиновым, «Театр» — В. П. Дьяченко, «Музыка» — Т. Е. Вызго, «Изобразительное искусство» — Л. И. Ремпелем и М. К. Рахимовым);

«Каракалпаки» — Т. А. Жданко (для некоторых разделов использованы материалы сотрудников Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР Р. К. Косбергенова, У. Х. Шалекенова, С. К. Камалова, Б. Исмаилова);

«Таджики» — Н. А. Кисляков (для раздела «Жилище» использованы материалы В. Л. Ворониной; раздел «Фольклор» написан Р. Амоновым, «Музыка» — О. Л. Данскер, «Театр» — Н. Х. Нурджановым, «Литература» — М. Ш. Шукуровым, «Изобразительное искусство» — Н. А. Белинской, «Припамирские таджики» — А. Қ. Писарчик).

Общее редактирование тома осуществлено редколлекцией в составе чл.-корр. АН СССР, почетного академика АН УзССР С. П. Толстова (главный редактор), Т. А. Жданко (заместитель главного редактора), С. М. Абрамзона и Н. А. Кислякова. К редактированию отдельных глав и разделов привлекались научные сотрудники Института этнографии Б. Х. Кармышева, Г. П. Снесарев. В редактировании главы «Узбеки» принимала участие редакционная группа АН Узбекской ССР в составе О. А. Сухаревой, И. М. Джаббарова и К. Шаниязова.

В редактировании тома и подготовке его к печати участвовала Б. Г. Гершкович.

Рецензировали первый полутом А. А. Валитова и Б. О. Долгих.

Для научной консультации и рецензирования некоторых разделов привлекались искусствоведы Г. Л. Чепелевецкая, Н. В. Черкасова, музыковед В. С. Виноградов и другие специалисты.

Схематические карты к главе «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» подготовлены Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопортом и М. А. Итиной. Карта хозяйственных типов Средней Азии и Казахстана составлена Б. В. Андриановым. Карта плотности населения и все этнографические карты к тому составлены Я. Р. Винниковым. Рисунки и таблицы выполнены художниками Т. В. Полетикой, Т. Л. Юзепчук и В. А. Гиппиус.

Большая часть фотографий подобрана из собраний Музея антропологии и этнографии и научных архивов экспедиций Института этнографии АН СССР (фотографы Среднеазиатской и Хорезмской экспедиций Ю. А. Аргиропуло и Г. А. Павлиди); использованы также фотоматериалы Выставки достижений народного хозяйства, фотохроники ТАСС, Узбекского телеграфного агентства; часть фотографий подобрана и прислана отделами этнографии академий наук союзных республик Средней Азии.

В подборе и подготовке иллюстраций принимали участие Н. П. Лобачева, С. П. Русайкина, Л. Ф. Моногарова, Е. П. Николаичева.

В составлении списков литературы принимала участие Т. Н. Томина. Глоссарий редактировала Б. Х. Кармышева с участием Н. Н. Ершова.

Указатель составили Г. П. Снесарев, Н. Г. Борозна, М. А. Синеглазова, Ф. Д. Люшкевич, Л. А. Фирштейн.

Статистические сведения о численности населения во всех главах тома основаны на данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.; в тех случаях, когда использованы другие данные, в подстрочных примечаниях сделаны ссылки на источник. Статистический материал переписи 1959 г. разработали и подготовили сотрудники лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР.

В настоящем томе местные термины даются в тексте первый раз курсивом, на литературном языке описываемого народа. При дальнейшем повторении термины даются в русском написании, с максимальным приближением к произношению на языке данного народа; исключение составляют широко известные слова народов Средней Азии и Казахстана, вошедшие в русский язык (чигирь, джигит, медресе, мечеть, мулла и др.), которые даются в написании, принятом для них в русской литературе.

ВВЕДЕНИЕ

Союзные среднеазиатские республики — Узбекская с входящей в ее состав Кара-Калпакской АССР, Таджикская с Горно-Бадахшанской автономной областью, Туркменская и Киргизская занимают обширную территорию в 1238,4 тыс. кв. км на юго-западе Азиатской части СССР. К северу от них на пространстве в 2756 тыс. кв. км располагается Казахская ССР, крупнейшая из союзных республик после РСФСР по размерам своей территории; южная и юго-восточная части Казахстана по природно-географическим условиям относятся географами также к Средней Азии. Западная граница Средней Азии является естественной — она примыкает к Каспийскому морю; на востоке и юге среднеазиатских республик проходит государственная граница СССР с Китаем, Афганистаном и Ираном. Протяженность ее от горного узла Хан-Тенгри на стыке Киргизской и Казахской республик и Китая до сел. Гасан-Кули на восточном побережье Каспийского моря — около 4 тыс. км. К юго-востоку от Таджикистана, отделенные от него лишь узкой полосой гор и долин афганской территории — так называемым Афганским коридором, ширина которого местами не превышает 15 км, проходят государственные границы Индии и Пакистана. На востоке Казахская ССР граничит с Китайской Народной Республикой.

По данным переписи 1959 г. общая численность населения среднеазиатских республик составляет 13 668 тыс. человек, Казахстана — 9310 тыс. Средняя плотность населения Средней Азии — 12 человек на 1 кв. км, по республикам же она сильно варьирует, значительно падая в Туркмении и Кара-Калпакии, где преобладающую часть территории составляют пустынные пространства, а также в Горно-Бадахшанской автономной области (табл. 1). Некоторые же области Узбекистана по плотности населения приближаются к центральным промышленным районам РСФСР и Украины; так, например, в Андижанской области она составляет 182 человека на 1 кв. км, а в Ферганской области — 96 человек. Неравномерно распределяется население и в Казахстане.

Средняя Азия и Казахстан представляют собой крупный экономико-географический район, занимающий важное место в народном хозяйстве Советского Союза. Климатические условия, богатейшие природные ресурсы, производственные навыки населения обуславливают направление хозяйственной специализации и развития экономики этого восточного района нашей страны. Средняя Азия является основной хлопковой базой СССР; помимо хлопководства, специфику сельского хозяйства среднеазиатских республик составляют пастбищное животноводство, шелководство, виноградарство и садоводство. Все эти виды хозяйственной деятельности

Таблица 1

Территория, численность и плотность населения республик Средней Азии и Казахстана (на 1960 г.) *

Республика	Площадь тыс. кв. км	Численность населения тыс. чел.	Число жителей на 1 кв. км
Узбекская ССР	408,9	8105,6	20
В том числе Кара-Калпакская АССР	165,6	510,1	3
Таджикская ССР	143,0	1980,0	14
В том числе Горно-Бадахшанская автономная область	63,7	73,0	1
Туркменская ССР	488,0	1516,4	3
Киргизская ССР	198,5	2065,8	11
Всего в Средней Азии	1238,4	13667,8	12
Казахская ССР	2756,0	9309,8	3
Всего	3994,4	22977,6	6

* См. «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик», М., 1960 г.

являются традиционными для местного населения, накопившего многовековой трудовой опыт земледельческого и скотоводческого хозяйства; в настоящее время они гармонично развиваются на новой, мощной технической и научной базе социалистического сельского хозяйства.

Казахстан с его Целинным краем стал за последние годы одним из главных поставщиков зерна в Советском Союзе и крупнейшим районом животноводства. Однако ведущую роль в экономике среднеазиатских республик и Казахстана играет созданная за годы Советской власти индустрия: тяжелая промышленность — цветная и черная металлургия, горнодобывающая, машиностроительная, химическая, развивающаяся газовая промышленность, легкая, пищевая и другие, а также энергетическая; широко используются неиссякаемые запасы мощной силы течения среднеазиатских рек для строительства гидроэлектростанций.

Средняя Азия является одним из древнейших мировых центров цивилизации. В южных ее районах, как и в странах древневосточной цивилизации Передней Азии, более пяти тысячелетий назад появилось орошаемое земледелие. Население степных областей было знакомо с ирригацией уже в эпоху бронзы — во II тысячелетии до н. э. В середине I тысячелетия до н. э. в Средней Азии существовали могущественные государства.

На протяжении своей многовековой истории народы Средней Азии и Казахстана создали богатую и самобытную культуру, истоки и пути развития которой все более определенно выявляются в результате исследований советских археологов, историков и этнографов. Средняя Азия и Казахстан, население которых имеет много общих черт в своей материальной и духовной культуре, возникших вследствие общности исторических судеб и большой этнической близости, составляют единую историко-этнографическую область. В итоге длительного процесса этнического развития, осложнявшегося частыми передвижениями населения и переселением в Среднюю Азию на разных исторических этапах более или менее значительных групп народов соседних стран и областей, здесь образовались крупные народности, часть которых до революции уже стала на путь формирования буржуазных наций; в условиях советского строя сформировались шесть социалистических наций: узбекская, казахская, таджикская, киргизская, туркменская и каракалпакская.

Кроме этих основных народов в Средней Азии и Казахстане живут значительные группы представителей других национальностей, основная масса которых находится в зарубежных странах Востока (дунгане, корейцы, уйгуры, арабы, белуджи, курды, иранцы и др.), а также в разных областях на востоке европейской части СССР (татары, башкиры, мордва и др.) и на Кавказе (армяне, азербайджанцы, балкарцы, чеченцы и др.). Значительную часть населения составляют русские, украинцы, белорусы (табл. 2).

Таблица 2

Численность основных национальностей в республиках Средней Азии и Казахстане по данным Всесоюзной переписи 1959 г. (в тыс. чел.)

Национальность	Узбекская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Киргизская ССР	Казахская ССР	Всего в Средней Азии и Казахстане	Всего в СССР
Всего населения	8106	1980	1516	2066	9310	22978	208827
В том числе:							
Узбеки . . .	5038	454	125	219	137	5973	6015
Казахи . . .	335	13	70	20	2795	3233	3622
Таджики . .	311	1051	—	15	—	1377	1397
Туркмены .	55	—	924	—	—	979	1002
Киргизы . .	93	26	—	837	—	956	969
Каракалпаки	168	—	—	—	—	168	173
Уйгуры . .	—	—	—	14	60	74	95
Дунгане . .	—	—	—	—	10	10	22
Корейцы . .	138	—	—	—	74	212	314
Татары . . .	445	57	30	56	192	780	4968
Русские . .	1091	263	263	624	3974	6215	114114
Украинцы .	88	27	21	137	762	1035	37253
Белорусы .	—	—	—	—	107	107	7913

Республики Средней Азии многонациональны, но в них численно преобладает основная национальность. Многонациональна и Казахская ССР, где основная национальность — казахи составляет 29,6% всего населения, хотя абсолютная численность казахов, как и других народов Средней Азии, существенно возросла за последние 20 лет (с 3101 тыс. человек в 1939 г. до 3622 тыс. в 1959 г.). Значительный приток русских, украинцев и представителей других национальностей в Казахскую ССР, происшедший в основном в 1940-е — 1950-е годы, был связан отчасти с перебазированием на восток многих промышленных предприятий из центральных районов страны в годы Великой Отечественной войны, но главным образом вызван бурными темпами нового промышленного строительства в Казахстане, а также охватившим весь Советский Союз движением за освоение целинных земель.

За пределами СССР, в Китайской Народной Республике, Афганистане, Иране и некоторых других странах зарубежного Востока, имеются более или менее многочисленные группы народов, основная масса которых живет в советских республиках Средней Азии и Казахстане. Так, 1,2 млн. узбеков и более 2,6 млн. таджиков живут в Афганистане; около 650 тыс. туркмен имеется в Иране, Афганистане, Ираке и других странах Передней Азии¹. Среди населения КНР, преимущественно в Синьцзяне, живет 509 тыс. казахов, 71 тыс. киргизов, 14 тыс. узбеков. На юго-западе Синьцзяна, в

¹ С. И. Брук. Население земного шара. Приложение к карте «Народы мира». М., 1961, стр. 67, 77, 96, 97.

горных местностях, живет 14 тыс. припамирских таджиков, говорящих на сарыкольском и других диалектах шугнано-рушанской группы языков².

За рубежом, в КНР, живет основная масса уйгуров и дунган, составляющих группы надменьшинств в Средней Азии и Казахстане. В Афганистане, Иране и Пакистане находятся центры расселения белуджей, а корейцы, живущие в нашей стране, составляют лишь небольшую группу тридцатипяти миллионного корейского народа.

Многоязычное население республик Средней Азии и Казахстана говорит на языках разных лингвистических семей и групп. Наибольшее число народов относится по своей лингвистической принадлежности к тюркской группе алтайской семьи языков. В эту группу входят государственные языки социалистических наций — узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, а также уйгуров, татар и некоторых других национальных групп. Тюркоязычные народы составляют около 55% населения республик Средней Азии и Казахстана. В этих республиках сосредоточено более половины всего тюркоязычного населения СССР.

Среди языковых групп, относящихся к индоевропейской семье, главное место в Средней Азии занимает иранская. В лингвистическом отношении к иранской группе (западная ветвь) относятся таджики. Таджикский является вторым языком у постепенно забывающих свой родной древний язык небольшой группы ягнобцев, насчитывающей 2,5 тыс. человек, и припамирских таджиков, постепенно сливающихся с таджикской нацией. Собственный язык ягнобцев и не менее древние языки припамирских таджиков (шугнанцев, рушанцев, ваханцев, бартангцев, язгулямцев, ишкшимцев, баджуйцев), общая численность которых составляет немного более 42 тыс. человек, также относятся к иранской группе индоевропейских языков, но к восточной ее ветви.

На таджикском языке говорят и некоторые небольшие по численности народности и этнографические группы: среднеазиатские («бухарские») евреи, живущие главным образом в Бухаре, Самарканде и в городах Ферганской долины (всего около 23 тыс. человек); среднеазиатские цыгане (в Ферганской долине, в Самаркандской области и других районах, всего около 5 тыс. человек); небольшое число белуджей, живущих в южных районах Таджикской ССР и утративших (в отличие от белуджей Туркменской ССР) родной язык.

Из других языков иранской группы, распространенных у национальных меньшинств, проживающих в Средней Азии, следует отметить белуджский, курдский и персидский. Белуджи, живущие в Туркмении, говорят на хорасанском диалекте белуджского языка, отличающемся от диалекта белуджей Пакистана. Курды, из которых наиболее древние пришельцы в Среднюю Азию живут в небольшом числе в пределах Туркмении, в Ашхабадской и Марыйской областях, являются выходцами из Хорасана и говорят на наречии курманджи. Небольшая группа персов-ираны (называемая также фарси), живущая в Бухаре, Самарканде и в сельских местностях близ этих городов, представляет собой потомков переселившихся в разное время в Среднюю Азию уроженцев Ирана. Бухарские ираны ираноязычны, самаркандские в большинстве тюркоязычны, они говорят на узбекском языке. Ираны, живущие в сельских местностях Бухарской области, в большей степени, чем городские, сохраняют свои этнические и языковые особенности; в их говоре много элементов персидского языка.

Помимо языков иранской группы, на территории Средней Азии и Казахстана имеют большое распространение языки славянской группы индоевропейской лингвистической семьи — русский, украинский, белорусский и др. Следует отметить, что русский язык в республиках

² С. И. Брук. Население Китая, МНР и Кореи. Пояснительная записка к карте народов. М., 1959 стр. 15, 16, 34.

Средней Азии и в Казахстане, как и в других национальных республиках нашей страны, все более прочно входит в быт и культуру всех коренных национальностей в качестве второго языка; процесс этот происходит параллельно с развитием национальных языков. Русский язык играет важную роль в укреплении связей между разными национальностями, облегчает их ознакомление с сокровищами русской и мировой науки, литературы, техники. С другой стороны, благодаря русскому языку достижения каждой национальности в области экономики, культуры и искусства становятся достоянием всех народов.

Из народов, говорящих на других индоевропейских языках, в Средней Азии и Казахстане имеются представители армянской группы (армяне), германской (немцы), романской (молдаване), греческой (греки). В меньшей степени распространены языки кавказской и уральской лингвистических семей. Корейцы Средней Азии, сохраняя свой родной язык, говорят также на узбекском, казахском и других местных языках, большинство из них владеет и русским. Дунгане Средней Азии сохраняют свой родной язык, относящийся к китайской группе китайско-тибетской языковой семьи. Свообразна группа среднеазиатских арабов, говорящих на узбекском или таджикском языках; утрачивая свои этнографические особенности и родной язык, они сливаются с узбекской и таджикской нациями, хотя часть из них продолжает еще считать своим родным языком арабский. Из общего числа около 8 тыс. среднеазиатских арабов при переписи 1959 г. назвали своим родным языком: арабский — 2,5 тыс., узбекский — 2,2 тыс., таджикский — 2,8 тыс. человек.

* * *

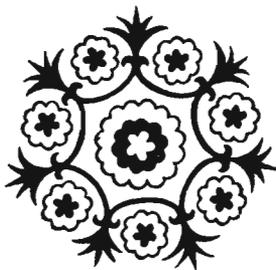
За 20 лет, истекших со времени переписи населения 1939 г. до Всесоюзной переписи 1959 г., численность населения республик Средней Азии и Казахстана сильно возросла. При общем увеличении численности населения в целом по СССР на 9,5%, в республиках Средней Азии и в Казахстане население увеличилось на 38,1%, в том числе в Узбекской ССР — на 28%, в Таджикской ССР — на 33%, в Туркменской ССР — на 21%, в Киргизской ССР — на 42%, в Казахской ССР — на 53%.

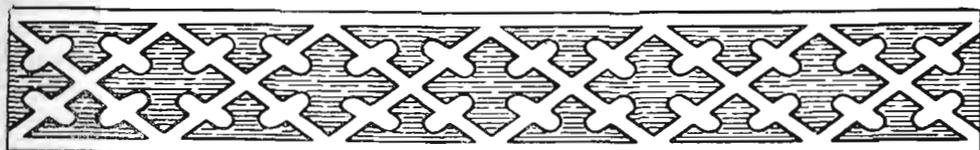
Такие высокие темпы роста численности населения этих республик были обусловлены значительным естественным приростом, а также, в еще большей степени, притоком населения из других союзных и автономных республик Советского Союза. Это связано с крупными сдвигами, происшедшими за указанный период в размещении производительных сил, с ускоренным развитием экономики республик Средней Азии и Казахстана, как и других ранее отсталых восточных районов страны, созданием там новых промышленных центров, освоением новых земель, открытием и разработкой природных богатств и другими явлениями экономической жизни, вызвавшими существенные передвижения и приток населения. С этими же факторами связаны крупные изменения, происшедшие в соотношении численности городского и сельского населения в республиках Средней Азии и в Казахстане. Так, удельный вес городского населения по отношению ко всему населению республики возрос в Узбекской ССР с 23% в 1939 г. до 34% в 1959 г.; в Таджикской ССР — с 33% до 46%, в Киргизской ССР — с 19% до 34%, в Казахской ССР — с 28% до 44%. Это увеличение произошло отчасти за счет естественного прироста городского населения, но в основном за счет перехода значительного числа сельских жителей на работу в города и рабочие поселки и притока населения в новые промышленные центры Средней Азии и Казахстана из других районов страны.

В среде многонационального населения Средней Азии и Казахстана в условиях социалистического строя происходят интенсивные этнические

процессы; с одной стороны, развиваются и становятся все более монолитными крупные нации, в составе которых прежние мелкие локальные и родоплеменные группы теряют следы своей былой замкнутости и обособленности; с другой стороны, сближаются с местным коренным населением и вкрапленные в разные районы группы национальных меньшинств, давно усвоившие язык окружающих их узбеков, таджиков или другого местного населения и ставшие двуязычными. Некоторые мелкие группы, с давних пор поселившиеся в Средней Азии и Казахстане и частично уже утратившие свои прежние языки, восприняв вместо них в качестве родного язык узбеков или таджиков (среднеазиатские цыгане, среднеазиатские арабы, ирани и др.), постепенно сливаются с этими нациями.

Экономическое и культурное сотрудничество, братская дружба, растущие интернациональные связи способствуют все большему сближению наций и народностей Средней Азии и Казахстана между собой и с другими народами Советского Союза; продолжая развивать свою национальную культуру, достигшую небывалого расцвета за годы Советской власти, они наравне со всеми крупными и малыми народами нашей страны участвуют в создании новых форм общесоветской социалистической культуры и быта.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Пять советских социалистических республик — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркмения занимают обширную территорию, протянувшуюся от Западной Сибири на севере до Афганистана и Ирана на юге, от берегов Волги и Каспийского моря на западе и до Китая на востоке.

Расположены Средняя Азия и Казахстан в умеренных и южных широтах Советского Союза, между 55° и 35° с. ш., а четыре собственно среднеазиатские республики — между 45° и 35° с. ш., т. е. в самых южных широтах СССР, в полосе перехода от умеренного климата к субтропическому.

На территории Средней Азии и Казахстана, составляющей 4 млн. кв. км, природные условия очень разнообразны. На западе и севере простираются обширные равнины, различные по рельефу и составу слагающих их поверхностных отложений. На востоке и юге значительная площадь занята горными хребтами, которые уходят за пределы СССР, образуя единый великий горный пояс, обрамляющий с юга западную и центральную части азиатского материка.

Обширные равнины Казахстана и запада Средней Азии лежат на разных уровнях, но большей частью в пределах 200—500 м над уровнем океана, а в больших межгорных котловинах поднимаются до 1000 м. Глубочайшие сухие впадины нашей страны находятся в Средней Азии: Сарыкамышская котловина (дно высохшего озера) в самом глубоком месте на 45 м ниже уровня океана, а впадина Ахчакая (северо-западная часть Каракумов) — на 92 м; близ Каспия лежит впадина Карагие, где отмечена самая низкая точка на суше СССР — минус 132 м.

Горы Средней Азии начинаются на юго-западе небольшими возвышениями и хребтами Балхан, далее на восток переходящими в невысокий, но довольно широкий горный хребет Копет-Даг. Восточная часть Средней Азии занята двумя высокими горными системами — Памирской и Тянь-Шанской, каждая из которых состоит из большого количества горных хребтов, в основном широтного направления. Отроги Тянь-Шанской системы тянутся далеко на запад и северо-запад, однако наибольшей мощности и высоты они достигают на востоке. Это самые высокие горы СССР, многие хребты имеют высоту 4000—5000 м, а отдельные вершины достигают и даже превышают 7000 м. К северу от Тянь-Шаня, в центральной части

Казахстана, простирается Казахский мелкосопочник, а на северо-востоке территория Казахстана захватывает западную часть Алтая.

Географическое положение Казахстана и Средней Азии в сравнительно низких широтах определяет и климат края, умеренно теплый на севере и жаркий в южных его частях, с устойчивым сухим и знойным летом. Средняя Азия и Казахстан расположены внутри самого большого материка мира — Евразии, вдали от океанов, вследствие чего климат их резко континентальный; он отличается большими амплитудами колебания температур как суточных, так и годовых и крайне ничтожным количеством осадков, минимальным для СССР (на Памире 20—30 мм в год). Значительное влияние на смену климатических поясов с севера на юг оказывает рельеф, дополняющий широтную зональность вертикальной.

В высоких горах круглый год лежит снег, а в долине Аму-Дарьи, в Термезе находится полюс жары Советского Союза, здесь летом температура в тени поднимается до $+50^{\circ}$. По своим природно-климатическим особенностям высокие горные долины и плато напоминают северную тундру. На сыртах центрального Тянь-Шаня средняя июльская температура достигает всего $+5^{\circ}$, на Памире $+14^{\circ}$, а морозы здесь доходят до 47° . Мерзлые грунты, пятна снега, мелкие холодные озера, низкие подушкообразные жесткие кусты — таков суровый высокогорный пейзаж. Внизу, в песчаных пустынях, солнце печет невыносимо. На солончаках и в каменистых пустынях часто даже неприхотливый верблюд не найдет пищи, а на орошенных подгорных равнинах зеленеют сады и произрастают субтропические культуры.

Снега и ледники гор Средней Азии являются колоссальными и неисчерпаемыми источниками воды, питающими как крупные, так и второстепенные реки, несущие жизнь среднеазиатским оазисам. Главные реки Средней Азии — Аму-Дарья, берущая свое начало в горах Памира, и Сыр-Дарья, питаемая от ледников и снегов Тянь-Шаня. Среди других рек Средней Азии, орошающих плодородные оазисы, наиболее значительны Зеравшан, Чу, а также низовья Мургаба, Теджена и Атрека. По территории Казахстана протекают Иртыш, Или, Урал и Ишим. Наиболее крупными озерами являются Аральское море, питаемое водами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, оз. Балхаш, в которое впадают Или, Тобол, Иссык-Куль и Зайсан.

Высокие снежные горы и безжизненные пустыни не стали препятствием для развития хозяйства и культуры населения Средней Азии. С глубокой древности развивалось здесь орошаемое земледелие и существовала высокая цивилизация. Благоприятные природные условия страны — продолжительное теплое лето, плодородные лёссовые почвы, возможность искусственного орошения обширных районов, многочисленные равнинные и горные пастбища и изобилие полезных ископаемых — способствовали развитию на протяжении многих веков разнообразных форм хозяйственной деятельности, сложению разных культурно-хозяйственных типов у населения Средней Азии и Казахстана. Живущие на этой территории большие и малые народы связаны общностью исторических судеб и близостью многих черт культуры и быта.

Географическое положение Средней Азии и Казахстана определило и их торговое значение; в далеком прошлом, еще до открытия морских дорог, основные пути сообщения, связывающие Восточную и Центральную Азию с Восточной Европой и странами Ближнего Востока и Средиземноморья, проходили через описываемую территорию.

В наше время через Среднюю Азию и Казахстан проложены наземные и воздушные транспортные линии, связывающие Советский Союз с Ираном, Афганистаном, Индией и Китаем.

Казахстан и среднеазиатские республики ныне выделяются развитой промышленностью, особенно базирующейся на добыче и переработке

полезных ископаемых: угля, нефти, газа, железных руд, цветных металлов, фосфоритов, различных солей. Открытие и разведка газовых месторождений в Кызылкумах позволили использовать экономичное топливо не только для снабжения городов этих республик, но и строить гигантский газопровод через всю территорию Казахстана далеко на север — до Урала.

ПРИРОДНЫЕ ЗОНЫ И ЛАНДШАФТЫ

Среднеазиатские республики и Казахстан расположены в зонах степи, полупустыни и пустыни.

Степная зона занимает север Казахской ССР; ее южная граница проходит по 50—51° с. ш. В нее входит Рудный Алтай, часть Западно-Сибирской низменности, северная часть Казахского мелкосопочника и южные отроги Урала.

Степи, полупустыни и пустыни Зима здесь холодная, лето умеренно жаркое, средние температуры января ниже, чем, например, в Москве, и колеблются от -13 до -20° , июльские — от $+16$ до $+21^{\circ}$, годовые — от 0° до $+5^{\circ}$. Осадки распределяются в течение года неравномерно, наибольшее их количество выпадает в теплый период — с мая по октябрь. При среднем количестве годовых осадков 150—350 мм случаются годы сухие и, наоборот, с повышенной влажностью. В северной полосе зоны в пределах республики на фоне разнотравно-злаковой растительности выделяются березовые колки, что позволяет говорить о колковой лесостепи. Однако и здесь растительность преобладает степная, изменение которой связано с рельефом, увеличением континентальности и сухости с запада на восток. Широко известны также сосновые леса на борových и гранитных дресвяных почвах, местами окруженные целинными ковыльными степями; живописными борами славится район курорта Борового в массиве Кокчетая.

В то время как на севере зоны господствуют черноземы, на юге их место занимают темно-каштановые почвы с местными признаками засоления.

В прошлом степная зона отличалась малой распаханностью и часто представляла собой обширные массивы с нетронутой ковыльной растительностью.

Однако в настоящее время, в результате успешного освоения целинных и залежных земель, степная зона республики выделяется высоко развитой земледельческой культурой и является крупнейшим в стране поставщиком яровой пшеницы.

Зона полупустынь на равнинах Казахстана занимает обширную территорию. В Советском Союзе наибольшая площадь полупустынь приходится на Казахскую ССР. На востоке они охватывают южную часть Казахского мелкосопочника, на западе — Приаральскую и Прикаспийскую низменности. Южная граница зоны проходит по 45—46° с. ш. Температурный режим полупустыни немного отличается от показателей, обычных для степи. Зима почти такая же холодная — средние температуры января колеблются от -11 до -18° , но зато малая мощность снежного покрова и сильные холодные ветры создают более тяжелые климатические условия и вызывают глубокое промерзание почвы. Однако лето здесь жаркое: средняя температура июля колеблется от $+20$ до $+24^{\circ}$; дни, когда температура в тени поднимается до $+30$, $+32^{\circ}$, не являются исключением в течение всех летних месяцев. Годовые температуры всюду положительные — от $+2$ до $+4,5^{\circ}$. Характерно, что по увлажненности полупустыня Казахстана мало отличается от степной зоны. В среднем осадков выпадает на 35 мм меньше, чем в степи, и их количество колеблется от 120 до 270 мм. Но осадки распределяются более равномерно по сезонам года; лето

Верблюды на пастбище в песках Каракум

уже не выделяется как относительно влажное время. Заметна только наибольшая сухость в первые три месяца года (январь — март). Такое распределение осадков приводит к ряду важных последствий. В летнее время ощущается недостаток влаги для выращивания сельскохозяйственных культур, что особенно существенно, если учесть нарастание температур с севера на юг. Но зато малое количество снега позволяет пользоваться зимними пастбищами и подножными кормами для отгонного животноводства.

При господстве злаково-полынной растительности на светло-каштановых почвах, бедных органическими остатками, для полупустыни характерно очень пестрое, комплексное распределение растительности в зависимости от условий микрорельефа, состава материнских пород, наличия песчаного субстрата, увлажнения, засоления. Последний фактор приобретает большое значение, как создающий очаги пустыни среди пустынной степи. Поэтому говорят и пишут о пятнистой полупустыне, что характерно для некоторых районов Центрального Казахстана.

Неполивное земледелие в зоне полупустынь может развиваться для ограниченного ассортимента культур. В прошлом эта часть Казахстана являлась зоной кочевого скотоводства, опыт которого учитывается и современной системой отгонного животноводства. Использование кормовых ресурсов полупустыни при умелом сочетании сезонных пастбищ имеет большие перспективы. Распространенные солянково-полынные пастбища могут быть использованы для пастбы в холодное время года. Злаковые полупустыни и участки степной растительности являются базой весенних и отчасти летних пастбищ. Это приводит к необходимости организации отгонного животноводства с перегоном стад на небольшие расстояния.

Зона пустынь охватывает большие пространства Казахской ССР, а также часть территории среднеазиатских республик. По площади ей принадлежит первое место.

Пустыни обладают значительными природными богатствами, требующими, правда, для их использования упорной работы и капиталовложений. Однако при искусственном орошении и надлежащей агротехнике на

лессовых сероземных почвах дают прекрасные урожаи такие ценные культуры, которые в других местах Советского Союза мало где произрастают. Именно в зоне пустынь хорошо развиваются хлопчатник, рис, джугара (сорго), виноград, гранатник, многие садовые, эфиромасличные культуры.

Зона пустынь в природном отношении не однообразна. Здесь выделяются три подзоны: северная (казахстанская), средняя (туранская) и южная (субтропическая). Кроме того, весьма важным фактором, резко меняющим почвы, растительность и животный мир, служит состав поверхностных отложений: пески, лёсс, глинистые отложения, коренные породы. Такие изменения хорошо заметны при сравнении граничащих районов подгорных лессовых равнин с песками в районе Голодной степи или устюртских останцов с глинистым субстратом с песками Каракумов или солончаками в западной части Туркмении.

Сравнение климатических показателей по трем подзонам говорит о значительном нарастании средних температур с севера на юг и увеличении длительности безморозного периода. Заметно также некоторое различие в характере выпадения осадков. В северной, казахстанской, подзоне весьма сказывается влияние полярных и арктических воздушных масс. В средней, туранской, подзоне преобладают массы среднеазиатского формирования в сочетании с воздушными массами западного переноса. Зимой нередки вторжения сибирского антициклонального холодного воздуха, проникающего даже в южную подзону, отчего здесь бывают дни с низкими зимними температурами. Южную часть Средней Азии (к югу от параллели 43°) климатологи выделяют в особый иранский субтропический район, в котором обычны массы южного тропического воздуха в сочетании с местными и северными. Вообще зимняя погода южной подзоны весьма неустойчива, но отличается более высокими температурами, чем в туранской подзоне.

Эти три подзоны отличаются также радиационными и температурными показателями: растет количество месяцев со средними температурами свыше 20° — с трех месяцев на севере пустыни до пяти на юге.

В северной подзоне зима весьма сурова (в январе средняя температура — 10° и ниже), в средней подзоне январские температуры тоже почти всюду отрицательны; это весьма отличает их от южной подзоны, где январская температура всюду положительная.

Заметна разница также между годовыми температурами: в северной подзоне она составляет +5°, в средней подзоне она поднимается до +15°, а в южной на равнинах — до +17,4°. Любопытно сравнение этих подзон по количеству месяцев в году со средними положительными температурами: в северной подзоне их 7—8, в средней — 8—11, в южной — 11—12. Безморозный период в северной подзоне продолжается 150—190 дней, в южной подзоне, в Кара-кале — 236 дней, в Термезе — 234, в Байрам-Али — 212. Вегетационный период (со средними температурами свыше 10°) имеет на севере сумму температур в 3500—4000°, а на юге достигает 5800° (в среднем 4500—5000°).

Характер выпадения осадков позволяет более определенно подчеркнуть природу пустынь северной подзоны как пустынь умеренного пояса, средней зоны — как переходной, наконец, южной — как субтропической. В то время как в казахстанских пустынях осадки выпадают равномерно в течение года, со слабо выраженным весенним максимумом, в пустынях переходной подзоны весенний максимум и летний минимум выражены весьма отчетливо. В субтропической подзоне в летние месяцы, как правило, осадков нет совершенно, основная масса их выпадает в виде дождя в течение декабря — апреля, т. е. в холодное время года. Это говорит о средиземноморском ритме осадков и тем самым о субтропической природе южной подзоны. Таким образом, климатические условия позволяют легко

выделить ее в самостоятельную единицу. Длительный безморозный период и большое количество месяцев со средними температурами выше 20° обуславливают продолжительный вегетационный период с температурами, позволяющими культивировать тонковолокнистые сорта хлопчатника, для нормального развития которого необходимы среднемесячные температуры не менее +15°. Не случайно, что северная граница тонковолокнистого хлопчатника совпадает с северной границей субтропической подзоны; позднесозревающие сорта хлопчатника распространены в южной части Таджикистана, в Мургабском оазисе и в оазисах Копет-Дага Туркмении и в Сурхандарьинской области Узбекистана.

Ограничение произрастания и плодоношения многолетних субтропических культур в южной подзоне предопределяется почти повсеместно возможными резкими снижениями зимних температур, в отдельные годы до -20, 30°. Исключение представляет районы юго-западной Туркмении (бассейн Сумбара), характеризующиеся относительно мягкими зимами, где сказывается влияние южной, наиболее теплой и глубокой части Каспийского моря и защитного действия Копет-Дага, прикрывающего с севера эти места. В результате этого в Кара-кале средняя температура января равна +4,2° — величина, нигде не повторяющаяся в пределах советской Средней Азии.

Северная граница хлопководства вообще, так же как и разведения грецкого ореха, примерно совпадает с северной границей туранской подзоны. В казахстанской подзоне хлопчатник почти не культивируется, его производство здесь нерентабельно из-за неподходящих климатических условий. На поливных землях в северной подзоне пустыни выращивают рис, сахарную свеклу, клеверину.

Казахстанская подзона характеризуется преобладанием пустынных серобурых почв с сильным проявлением солончаковатости и солонцеватости при отсутствии лёссовидных пород и лёссовых почв. На Устюрте весьма развиты структурные сероземы и гипсоносные почвы, иногда создающие гипсовую кору выветривания, известную под местным названием *бозинген*. Обычными компонентами растительного ландшафта в условиях северной подзоны являются многолетние полукустарники ряда полыней и солянок, которые растут мозаичными группировками в зависимости от микрорельефа. Современные и древние аллювиальные равнины выделяются наличием песчаных массивов, гладких, твердых глинистых пространств — *такыр* — с растрескавшейся, лишенной растительности поверхностью, солончаков и луговых почв с комплексом эфемероидов¹, полыней и солянок. Впрочем, эфемеровая и эфемероидная растительность мало характерна для северных пустынь, что связано с отсутствием выраженного дождливого периода, а отсюда и отсутствием запасов влаги в почве.

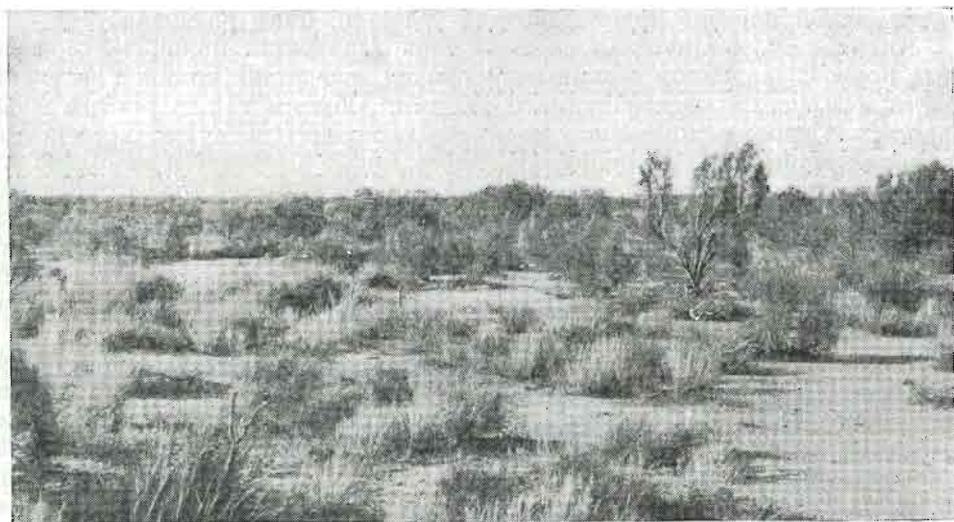
В туранской подзоне, наоборот, весенний максимум осадков вызывает обильный, но кратковременный расцвет эфемеров и эфемероидов на песках и подгорных равнинах, где зональный тип почв — сероземы обладают весьма малым содержанием гумуса, но высокой карбонатностью, чем объясняется их плодородие. Растительность туранской подзоны, помимо эфемеров и эфемероидов, характерна наличием крупных кустарников. Типичный эфемероид представляет собой осока *илак* — важное кормовое растение. На подгорных равнинах весной расстилается густой и пестрый ковер цветущих трав, главным образом луковичного мятлика и узколистой осоки.

В подгорных равнинах, сложенных новейшими рыхлыми отложениями, выделяется комплекс полусаванн, или субтропических степей,

¹ Эфемероиды — группа многолетних растений, быстро заканчивающих цикл вегетации в течение весеннего влажного периода. Эфемеры — однолетние растения с очень коротким жизненным циклом.

Пески Матайкум в Приаралье

Заросли саксаула на центральном Устюрте

Водоем на такырах подгорной равнины Копет-Дага

отсутствующих в казахстанской подзоне. Растительность этих полусаванн в туранской подзоне имеет короткий весенний цикл развития.

Южная, субтропическая подзона характеризуется наличием сероземных почв, содержащих весьма мало гумуса вследствие крайней засушливости и высокого температурного режима. Обычны также такыры и солончаки. Сероземы в нижнем поясе гор переходят в сухие коричневые почвы со степной растительностью. Здесь также выделяется комплекс полусаванн, но в отличие от туранской подзоны, вследствие того, что средние температуры января равны нулю или положительны, вегетация захватывает холодную половину года и весну; летом, в период засух и высоких температур, развитие травяной растительности прекращается. Такой ритм развития растительности характерен, как известно, для тропических саванн.

В пустынной зоне обширные площади заняты песками Сары-Ишик отрау, Каракум и Кызылкум. Пески хорошо сохраняют влагу, они более доступны для корневой системы растений, чем твердые глинистые грунты. Поэтому песчаные пустыни богаче других растительностью и издавна использовались человеком для выпаса скота, особенно овец, коз и верблюдов, находящихся здесь для себя прекрасный корм из осок, ветвей кустарников. В Каракумах и Кызылкумах пастбища используются в течение круглого года. Зимой в песчаных котловинах сравнительно тепло, здесь не страшны зимние ветры, снега обычно бывают очень мало и подножный корм всегда доступен животным. В последние годы на песчаных пастбищах развилось каракулеводство, которым особенно славится Бухарская область.

В песчаных пустынях наиболее характерны невысокие заросли (в 2—4 м высоты) белого саксаула с примесью многих полукустарников. Из-за чрезмерного выпаса скота и истребления крупных кустов на топливо происходит разрушение и уничтожение осокового покрова; в таких случаях

песок начинает передуваться ветрами, образуя барханы, и сохраняются только те растения, которые приспособлены к жизни на подвижном песке. Они никогда не образуют густой заросли, так что издали пески кажутся совсем безжизненными. Но большая часть наших песчаных пустынь в Средней Азии и Казахстане покрыта растительностью; на голые барханы приходится не более нескольких процентов общей площади пустынь.

Богат и разнообразен животный мир пустынной зоны. На обширных равнинах живет джайран, антилопа-сайга. Наиболее распространены хищниками являются волк, лисица, дикий кот (барханный кот), пустынная рысь, или каракал, хорек, дикобраз. В пустыне обитает несметное количество тушканчиков, сусликов, песчанок; пресмыкающиеся представлены различными видами ящериц, среди которых есть и крупные — агамы и вараны, а также черепахи; встречается множество змей, в том числе ядовитых. Очень разнообразен мир птиц. Здесь водятся жаворонок, чекан, пустынная славка, саксаульская сойка, дрофа, саджа, беркут, филин и др. Встречается множество различных насекомых, паукообразных, в том числе фаланга и ядовитые каракурт и скорпион.

Типичными домашними животными являются верблюд, осел, лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза.

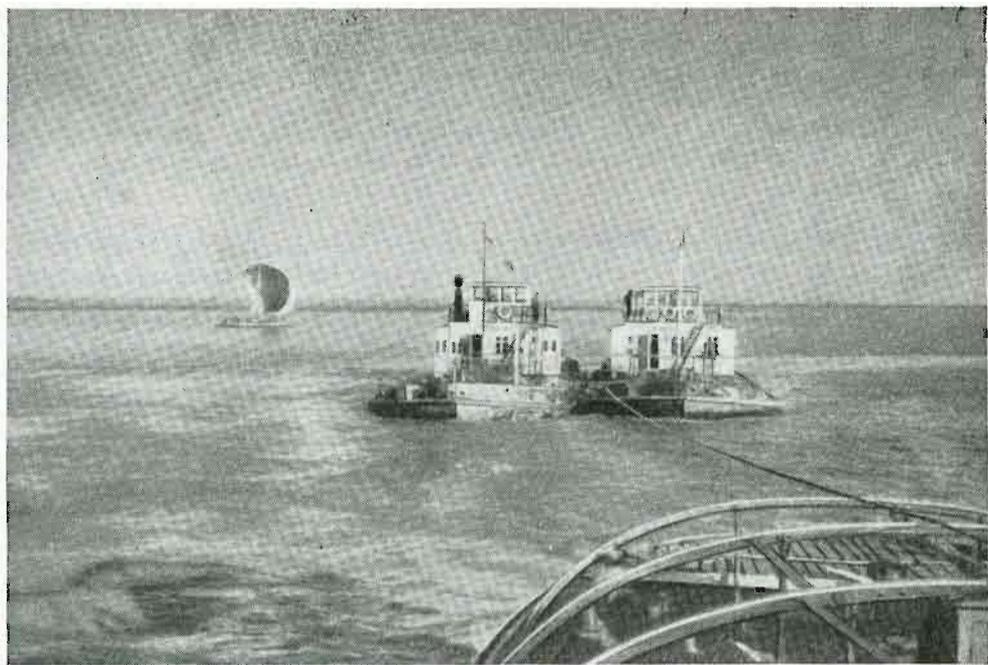
Оазисы в долинах и дельтах рек

Реки Средней Азии и Южного Казахстана зарождаются в горах и многие из них исчезают по выходе на пустынные равнины. Речная вода фильтруется в рыхлых отложениях подгорных равнин, ее разбирает человек для орошения богатых оазисов Ферганы, Мургаба, Зеравшана, известность которых теряется в глубине веков.

Реки пустынной зоны, их водные запасы служат для человека важным средством, при помощи которого он побеждает пустыню. Это особенно ярко видно на примере Сыр-Дарьи и ее бассейна. Достаточно сказать, что Ферганская долина, орошаемая Сыр-Дарьей и ее многочисленными притоками, — важнейший экономический район. Когда-то в Сыр-Дарью в пределах Ферганы впадало много полноводных рек, берущих начало в высоких горах Чаткальского, Ферганского, Алайского и Туркестанского хребтов. В наше время эти реки почти ничего не отдали Сыр-Дарье. Их воды человек использовал для орошения земель, создав современные ландшафты Ферганы — тенистые сады, изумрудные поля, серебристые каналы. Возникло Ферганское кольцо оазисов, больших, плодоносных. Тысячелетиями боролся человек за воду и постепенно использовал запасы почти всех притоков Сыр-Дарьи: р. Сох со сложной и разветвленной ирригационной системой, рек Исфара, Исфайрам, Шахимардан, Акбура, Кассан, Гава и многих других. Использовать воду притоков было легче, чем подчинить большую реку. Вот почему жители Ферганы строили оросительные системы на сравнительно небольших реках, и только в нашу эпоху люди смогли создать такие гидротехнические сооружения, которые заставили работать и многоводную Сыр-Дарью.

Еще до революции началось строительство голодностепской системы орошения. Строительство Фархадской гидростанции недалеко от г. Беговат позволило увеличить мощность этой системы и освоить новые земли. Ныне осуществлена постройка Кайракумской гидростанции близ Ленинабада, которая является крупнейшей в Средней Азии. Комплекс сооружений на Сыр-Дарье и ее притоках — каналы, гидростанции, водохранилища — постепенно изменяют режим реки.

Другой яркий пример воздействия человека на природу — долина Зеравшана, в особенности Бухарский и Самаркандский оазисы. Когда-то Зеравшан впадал в Аму-Дарью чуть ниже г. Чарджоу, ныне ни одна его капля не достигает Аму-Дарьи. Советские люди бережно используют водные запасы Зеравшана. В его долине колхозники Самаркандской и Бухарской областей построили громадное Катта-Курганское водохранилище, ко-

На Аму-Дарье

торое питается водами реки во время половодья и отдает их на орошение при низком уровне. Узбеки называют это водохранилище «Узбекским морем».

Узбекистан занимает первое место по орошаемой площади, 40% орошаемого земледелия в СССР приходится на эту республику.

В дельте Аму-Дарьи расстилаются поля, виноградники, сады знаменитого Хорезмского оазиса, издавна славившегося своим земледелием и искусством орошения.

Аллювиальная низменность Аму-Дарьи (Хорезмская) наклонена от реки к периферии. Однообразие этой низменности нарушают частые русла, как естественные, так и искусственные каналы, да редкие невысокие столообразные останцы, сложенные коренными породами. В других местах нельзя встретить выходы материнских пород, погребенных под мощным слоем аллювиальных отложений Аму-Дарьи.

Хорезмский оазис сложен речными осадками. Ежегодно Аму-Дарья выносит до 200 млн. тонн взвешенного материала, или, другими словами, 0,2 куб. км. На каждый квадратный метр орошаемой земли здесь река ежегодно откладывает почти два с половиной килограмма земли.

Подсчитано, что уровень поливных земель Хорезмского оазиса ежегодно в среднем повышается от 1 до 7 мм. Аму-Дарья много осадков оставляет в древней и современной дельтах, на поливных землях, в тростниковых зарослях, разливах. Чем ближе к Аральскому морю, тем светлее вода, тем меньше в ней мути. В своей современной дельте (вниз от Нукуса) река оставляет 80—85% груза, и только 15—20% твердых частиц попадают в Аральское море. Они идут на строительство подводной дельты.

Многочисленные русла, ныне сухие протоки древней дельты, пересекающие западную часть Хорезмской низменности, сбрасывают оставшиеся после орошения воды в Каракумы; но в прошлом бывали периоды, когда по ним текла амударьянская вода, достигавшая Сарыкамыша. Через Сарыкамышские озера, имевшие глубину около 100 м, и далее через старо-

речь Узбой Аму-Дарья временами имела частичный сток в Каспийское море. Но в основном в последние столетия Аму Дарья подмывает правый берег, отходит на восток. Правда, были «броски» неудержимой реки на запад, но кратковременные. Перемещение реки на восток привело к тому, что многие западные рукава отчленились от нее, лишились питания, высохли. Население Хорезма должно было прилагать громадные усилия к поддержанию водоносности оросительных каналов.

В наши годы река иногда как бы «вспоминает» свой древний покинутый путь. Во время особенно большого паводка она прорывает берега, устремляется по старым руслам, орошая сухую, расстрескавшуюся глину равнин, и порою доносит воду по руслу Куныдарья (что по-туркменски значит старая река) до самого Сарыкамыш.

В настоящее время считается бесспорным, что Узбой — действительно хорошо сохранившееся русло большой реки, некогда пересекавшей закаспийские пустыни, и что эта река и Аму-Дарья — не одно и то же. Аму-Дарья не могла в узбойском русле вместить и половины своих вод. Узбой представлял собой самостоятельную реку, бравшую начало в Сарыкамышских озерах. Она впадала в Балханский залив Каспийского моря; Сарыкамышские же озера питались частью вод Аму-Дарьи. Таким образом, Узбой можно сравнить с Волховом или Свирью, т. е. реками-протоками между озерами. От того, сколько воды сбрасывала Аму-Дарья в Сарыкамыш, зависела жизнь Узбоя. Когда уровень озера падал, «умирала» р. Узбой; уровень поднимался — река вновь текла к Каспию.

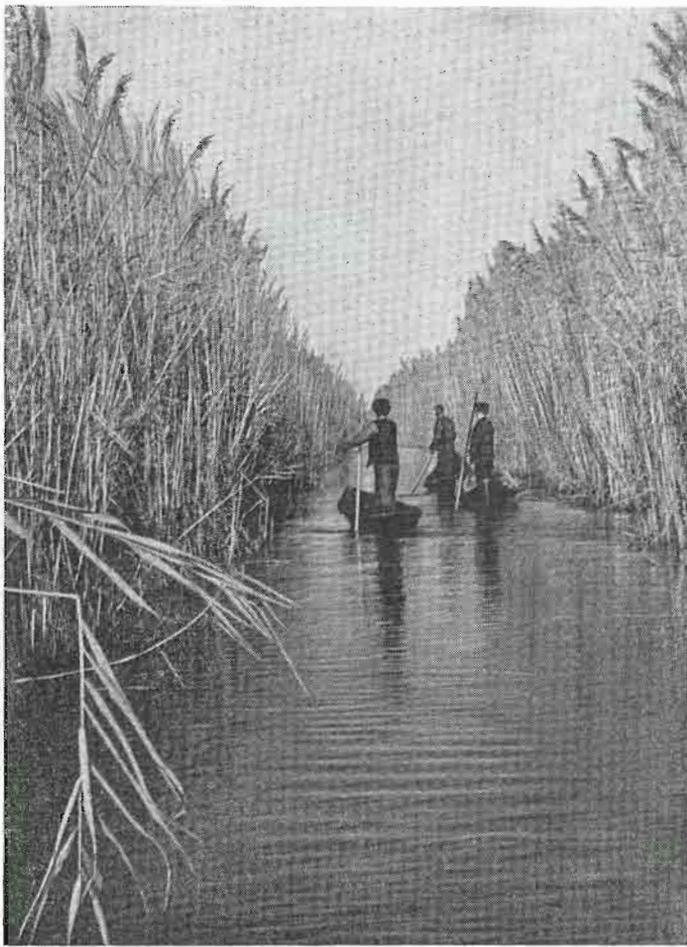
Реки Казахстана, за исключением южных Тяньшанских, меньше используются для орошения, но зато в наши годы растет их значение в водообеспечении промышленных центров и в выработке гидроэнергии. Так на Иртыше работают Усть-Каменогорская и Бухтарминская ГЭС. Построен каскад станции на р. Алмаатинке. Предполагается построить пятисоткилометровый канал из Иртыша до города Караганды для снабжения его предприятий. Судостроение развито относительно слабо на рр. Иртыш, Или, Урал, а также на озере Балхаш и на Аральском море.

По запасу гидроэнергии выделяются Таджикская и Киргизская республики. Строительство Нурекской ГЭС на р. Вахш и гидростанции на р. Нарын резко изменит энергообеспеченность всех четырех среднеазиатских республик.

С реками, их долинами и дельтами связана своеобразная тугайная растительность. Тугаи — это лес, заросли кустарников, тростников, растущих в условиях избытка влаги. Тугаи напоминают джунгли, они обиль-

Берег Аму-Дарьи, разрушаемый дейгишем

«Тропа» в амударьинских плавнях

но орошаются паводковыми водами. Когда реки разливаются на много километров, затопля низкие террасы, только кроны деревьев выступают из воды. Реки приносят много ила, тем самым обновляя почвы тугаев и обогащая их питательными продуктами. Когда же сходит вода, верхний слой почвы подсыхает и покрывается чуть заметной белесоватой пылью солей. Но близкие грунтовые воды бесперебойно питают растительность. Даже в самое жаркое лето растения живут в условиях избытка влаги.

Тугайный лес состоит в основном из тополей; тополь *туранга* или *пет-тэ* достигает 7—8 м высоты, листья у него округлые, толстые, негнувшиеся и легко ломающиеся. Другой тополь — разнолистный, с узкими и длинными, как у ивы, листьями на молодых побегах и сердцевидными — на взрослых. Деревья оплетены лианами. В тугаях растет также кустарник *лох* или, как его здесь называют, *джида*.

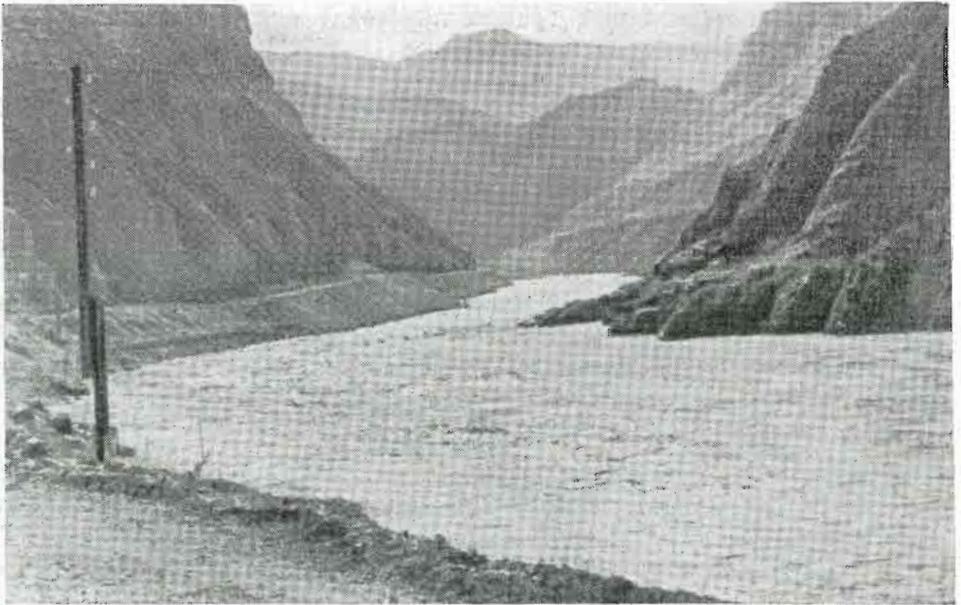
Тугаи — кочующий ландшафт. Река, меняющая русло, может смыть тугайные берега или уйти от них в сторону за 10—15 км, и тогда только жалкие сухолюбивые кустарники остаются от бывших пышных зарослей.

Типичными представителями животного мира тугаев являются кабан, камышовый кот, на юге — бухарский олень; из птиц характерны кукушка, сорока, кулик, болотный лунь, болотная сова, фазан.

Совсем особый ландшафт характерен для оазисов с их богатейшей культурной растительностью. Резко выделяясь зелеными красками на

Долина р. Чу перед входом в Боомское ущелье. Тянь-Шань

Верховья р. Зеравшан

фоне серовато-желтых пустынь, оазисы говорят о победе человека, отнявшего у пустыни сухие территории и превратившего их в цветущие места. Борьба за расширение оазисов продолжается и теперь. Каждый год, со вступлением в строй новых оросительных сооружений, территории, вчера безжизненные, зацветают веселой гаммой красок полей и садов.

В наши дни осуществляются большие ирригационные работы в зоне Каракумского канала, в долине Сурхан-Дарьи, в Фергане и во многих районах Средней Азии. Особенно следует отметить ирригационные работы в Голодной степи; здесь на месте пустынь возникают оазисы, все расширяющие свои границы, создаются города и поселки новоселов, побеждающих пустыню.

В оазисах культурная растительность очень разнообразна. Важное место принадлежит сейчас хлопчатнику — это ведущая и определяющая культура сельского хозяйства республик Средней Азии. Многообразны хлебные злаки: пшеница, ячмень, рис, просо, кукуруза, джугара; из бобовых — горох, маш, фасоль, бобы, люцерна и др. Очень много в оазисах плодовых деревьев. Больше всего здесь абрикосов, персиков, груш, яблок, граната, слив, айвы, миндаля, черешни, а также винограда; Семиречье славится своими яблоками; на юге Средней Азии культивируется сахарный тростник. Типичные для городов декоративные деревья — пирамидальный и серебристый тополь, орех, платан (чинар), карагач, шелковица, клен, каштан, ива, белая акация.

Богатая растительность придает селениям и городам очень своеобразный облик. Новые проспекты и старые переулки окаймлены прекрасными аллеями высоких и тенистых деревьев, под которыми журчат воды арыков. Часто за оградами городских домов сажают виноград, разбивают фруктовые сады, цветники и огороды. Для большинства городов среднеазиатских республик и Южного Казахстана применимо определение «город — сад». Города без заметных границ переходят в окружающие их сады, виноградники, хлопковые плантации.

Горы Как было указано выше, наличие в Средней Азии и Казахстане высоких гор дополняет широтную зональность еще вертикальной зональностью.

На Алтае горные разнотравно-злаковые степи с кустарниками поднимаются в казахстанской части гор до 350—400 м. Лиственные породы — береза, тополь, осина — встречаются у подножия или по склонам гор, в долинах рек. Часто береза сопутствует сосне. Некоторые авторы поэтому пишут о поясе березовой лесостепи, сменяющемся царством хвойных лесов, состоящих из сибирской лиственницы, пихты, ели, кедра, сосны. Выше других произрастает кедр. Почти все эти виды деревьев говорят о сибирском характере растительности.

Леса перемежаются лугами с высоким разнотравием. Выше 2000—2500 м над уровнем моря уже преобладают луга, образующие хорошо развитый альпийский пояс.

В полупустынной зоне Казахского мелкосопочника горные массивы Улутау и Чингистау достигают и даже превышают 1000 м над уровнем моря. В них резко выделяется степной пояс со злаковой растительностью и даже с березняками в долинах, дно которых покрыто лугами на плодородных почвах.

Тянь-Шань обладает большой гаммой вертикальных поясов. Нижний пояс Тянь-Шаня составляют пустыни на сероземах — *адыр*, для которых характерно обильное развитие весной многих эфемеров и эфемероидов. В это время года растительность данного пояса сходна с луговой; летом эфемеры сменяются развивающимися и сохраняющимися во время жары засухоустойчивыми пустынными полукустарничками, главным образом полынями и солянками. По мере подъема в горы эфемеровые пустыни уступают место пырейной или пырейно-разнотравной

Селение в долине р. Магион в Таджикистане

Селение в горном Таджикистане

полупустыне. Здесь возможно земледелие, но без орошения не всегда обеспечен урожай.

Выше появляются сухие ковыльно-типчаковые степи, в которых главные растения — злаки: ковылы, типчак, пырей, бородач. Этот пояс особенно широко распространен в Средней Азии.

Следующий пояс в горах — пояс луговых степей, зарослей кустарников и лиственных лесов. Начинается он на высотах 1200—1500 м. Здесь произрастает разнообразная растительность: много злаков, зонтичных, сложноцветных и др. Из кустарников преобладают шиповник, таволга, жимолость, боярышник, барбарис. В лиственных лесах, располагающихся отдельными островами, встречаются клен, карагач, грецкий орех, алыча, яблоня, груша, но здесь нет ни дуба, ни липы, ни бука.

В горах Ферганского и Чаткальского хребтов широколиственные леса занимают определенный пояс на высоте 1100—1900 м над уровнем моря. Ниже — очень сухо, выше — холодно и теплолюбивые породы деревьев вымерзают. Крайний верхний предел распространения лиственных лесов в Таджикистане — 2800 м, а в северной Киргизии — 1700 м.

Субальпийские луга, степи и хвойные леса располагаются в области высокогорий. В Ферганском хребте они появляются на высоте 2500—2700 м. Это пояс летних пастбищ — *джайляу*, куда отгоняют колхозные и совхозные стада на откормку. Особенно славятся джайляу Сусамыра и Алайской долины в Киргизии.

В этом же поясе, преимущественно в глубине ущелий, на их северных склонах, встречаются хвойные леса из тяньшанской ели, поднимающиеся до высоты 2800 м. Еловые леса сменяются арчевыми зарослями.

Самый высокий пояс — альпийские луга. Здесь господствуют низкорослые осоки, кобрезии, некоторые злаки, из кустарников — стелющаяся арча.

На Памире растительность развита слабо. Почвы здесь песчано-щебнистые, глинистые, каменистые, часты солончаки; здесь растут кустики солянки-терескена, полыни, некоторые злаки.

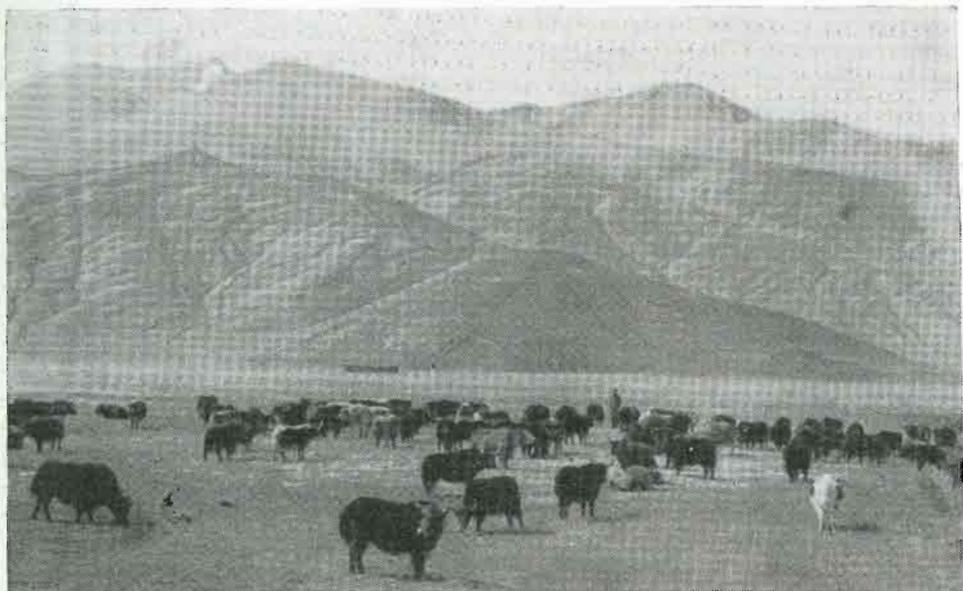
В Копет-Даге, отличающемся большой сухостью, горные пояса имеют следующую последовательность: на сероземах предгорий, до 1000 м над уровнем моря, пустынная растительность; выше, до 1800 м, на темных «северных» сероземах — полынная и злаковая степь; горная злаковая степь на темно-серых почвах простирается до 2400 м; еще выше располагаются горные луга на черноземновидных почвах и скалистые вершины.

Сложная система горных географических поясов с их неповторяющимися ландшафтами дифференцированно используется человеком в хозяйственных целях; одни из них являются летними пастбищами, другие — весенними или осенними.

Горы богаты диким зверем. Охотники в высокогорьях промышляют барса-ирбиса, горных барана и козла, сурка. В лесах водятся медведи, олени и косули; в более низких поясах — различные грызуны, волки, лисицы. Горная охота издавна давала человеку больше мяса и шкур, чем охота на равнинах Средней Азии и Казахстана.

Фауна Памира и Копет-Дага несколько отличается от фауны других горных областей. На Памире водится баран Марко Поло, памирский медведь; из домашних животных разводится як. В Копет-Даге встречается гепард, пантера, бозаровый козел, копет-дагский баран, а также самый опасный хищник — леопард, ядовитые змеи — гюрза и кобра. В горах Средней Азии богато представлены разнообразные породы птиц, большинство которых связано с различными растительными зонами.

Земледельцы в течение веков выработали систему культур, приспособленных к вегетации и плодоношению в разных горных поясах, на разных высотах в условиях сурового климата. Чем выше, тем меньше возделываемых культур. Сначала народный опыт, а затем наука позволили

Стадо яков на высокогорном пастбище Памира

Дорога на Хорог в горах

Репродукция из альбомов
И. С. Седова, 1911 г.

развивать земледелие в климатических условиях Средней Азии на таких высотах, на которых в других горных районах Советского Союза и Западной Европы уже ничего не сеют. Крайний верхний предел земледелия в горах создают посеvy ячменя—морозостойкого злака, имеющего короткий вегетационный цикл. Ячмень выше всего в горы поднимается в Бадахшане, где он плодоносит на высоте 3860 м. Пшеница и рожь встречаются на высотах 3300—3400 м, абрикос — 3000 м, грецкий орех на южных склонах гор зеленеет на высоте 2800 м, виноград дает плоды на уровне 2200 м. Хлопчатник, как известно, относится к одной из самых требовательных к теплу культур. В южном Таджикистане его разводят в горах до высоты 1500 м, в Ферганской долине до 800 м, в южном Казахстане еще на более низких уровнях. Хлопчатник может произрастать и выше, но при этом резко снижается его урожай, что приводит к убыточности производства.

Горный рельеф в прошлом во многом затруднял культурное и хозяйственное общение населения. Связь между отдельными областями Средней Азии и восточной части Казахстана осуществлялась подчас исключительно через перевальные тропы, доступные только летом. Такая изоляция способствовала сохранению самобытности в хозяйстве, материальной культуре и языке, сохранению этнографических особенностей, наблюдавшихся еще недавно. До сих пор это заметно в Бадахшане, где отдельные районы обладают значительной этнографической спецификой.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

Издавна Средняя Азия и Казахстан выделялись пестротой этнического состава и большим разнообразием хозяйственно-культурных особенностей отдельных районов, различие между которыми было обусловлено описанными выше резкими контрастами природных условий — сочетанием обширных песчаных и глинистых пустынь, пригодных для скотоводства, и мощных горных систем, где в предгорьях и главным образом на подгорных равнинах, а также в долинах и дельтах рек возникали древнейшие очаги земледельческой культуры, где наряду с земледелием было развито скотоводство и рыболовство. Отдельные местности отличались одна от другой особенностями исторически сложившихся взаимосвязей между хозяйственной деятельностью населения и географической средой, что в свою очередь определяло образ жизни, характер материальной культуры—видов поселений и жилища, средств передвижения, пищи и т. п.

Этнографическая наука выработала принцип классификации населения по так называемым хозяйственно-культурным типам; хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях.

Этнографы выделяют на территории Средней Азии и Казахстана конца XIX—начала XX в. три главных хозяйственно-культурных типа: 1) оседлых жителей оазисов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство с применением искусственного орошения; 2) полuosедлое население, сочетающее скотоводство с земледелием; 3) кочевников-скотоводов. В шести из пятнадцати выделенных географами на территории Средней Азии и Казахстана природно-хозяйственных зон¹ в дореволюционный период, судя по историко-этнографическим материалам, преобладал хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев, ведущих свое хозяйство на

¹ Ю. Г. Саушкин. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947, стр. 15, 16.

Шоссе Душанбе — Самарканд

Горное озеро Иссык. Казахская ССР

искусственно орошаемых землях и межгорных долинах и на равнинных предгорьях; в трех зонах — хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов, значительная часть которых занималась также нерегулярным земледелием на своих зимовках и у временных источников и родников пустынной зоны; в четырех — хозяйственно-культурный тип полуоседлых земледельцев и скотоводов, для которых было характерно занятие нерегулярным поливным и каирным земледелием на окраинах земледельческих оазисов и в низовьях рек, иногда сочетавшееся с рыболовством. Несколько иной вариант этого же хозяйственно-культурного типа мы видим в горных районах, где горнопастбищное и отгонное скотоводство иногда сочеталось с богарным, неполивным (*богара* — посевы под весенние дожди) и мелкооазисным поливным земледелием.

Для каждого из крупных народов Средней Азии и Казахстана один из этих трех хозяйственно-культурных типов был основным, традиционным и преобладающим, но вместе с тем нередко отдельные этнографические или локальные группы в среде одного и того же народа относились к различным хозяйственно-культурным типам (см. карту, стр. 36—37).!

Большинство населения Средней Азии и Казахстана в конце XIX и начале XX в. занималось оседлым земледелием на искусственно орошаемых землях и кочевым скотоводством. Оседлые земледельческие и степные скотоводческие народы никогда не существовали изолированно друг от друга. Они всегда находились в тесных экономических взаимоотношениях, обмениваясь продукцией своего хозяйства; сильны были всегда также политические и культурные связи между ними. Эти многовековые связи между оседлым населением и степными племенами определили чрезвычайно много своеобразных черт истории, образа жизни и особенностей материальной и духовной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, полуоседлые племена играли также значительную роль в истории Средней Азии, будучи создателями своеобразных форм хозяйства и культуры.

Приведем краткую характеристику трех выделенных на территории Средней Азии и Казахстана хозяйственно-культурных типов.

1. **Оседлые земледельцы.** Они существовали в Средней Азии и Казахстане с древних времен. На плодородных берегах речных систем Востока, к которым следует отнести и ряд среднеазиатских рек (Аму-Дарью, Сыр-Дарью, Мургаб и др.), там, где природные условия обеспечивали возможность орошения, на основе плужного ирригационного земледелия сложились древнейшие государственные объединения, классовые общества и был заложен фундамент современной цивилизации.

Еще в рабовладельческую эпоху получило распространение интенсивное поливное земледелие с применением крупных ирригационных сооружений (плотин, каналов и т. д.), на строительстве которых широко использовался труд рабов. Этот тип земледелия получил наибольшее распространение на территории современных Узбекистана, Таджикистана и юга Туркмении. Он обусловил расцвет экономики могущественных древних рабовладельческих государств Средней Азии с их высокой и своеобразной цивилизацией.

Обитатели земледельческих оазисов — узбеки, таджики, туркмены и др. — на протяжении веков накопили богатейший опыт в ирригационном земледелии, в строительстве мощных оросительных сооружений, в способах орошения полей.

Земледельцы выработали ряд способов восстановления плодородия почв и агротехнических приемов по улучшению их физических и химических свойств: мелиорацию пескованием, разрушением такырной корочки, удобрение илистыми наносами оросительных вод, отбросами, землей с разрушенных глиняных построек и береговых отвалов заброшенных ка-

налов, отличающихся высоким содержанием калийных солей; они применяли полив и промывку почв с целью избавиться от вредных солей в верхнем слое и т. п.

Районы поливного земледелия в долинах рек, межгорных котловинах и в предгорьях Средней Азии выделяются как ареалы с исключительно густым сельскохозяйственным населением. В начале XX в. в отдельных частях Бухарского и Самаркандского оазисов по Зеравшану и в Ферганской долине средняя плотность населения превышала 150—200 человек на 1 кв. км; в Хорезмском оазисе — 80—100 человек на 1 кв. км. Плотность населения уменьшалась к периферии оазисов. В большинстве случаев густонаселенные земледельческие орошаемые территории резко отграничивались от соседних малозаселенных пустынных или заболоченных (в дельтах рек) территорий, используемых под скотоводство. Поселения земледельцев в орошаемой зоне были приурочены к оросительным системам и располагались по соседству с обрабатываемыми участками.

В низовьях больших рек — на Аму-Дарье, Сыр-Дарье, Зеравшане — преобладал рассредоточенный («хуторской») тип поселения: отдельные усадьбы земледельцев были разбросаны сравнительно далеко одна от другой (например, в Хорезме — на 400—500 м); они образовывали широкую (от 2 до 5 км) полосу вдоль главных магистральных каналов. Расположение усадеб зависело от направления каналов и разветвления их на более мелкие.

Характер оросительной сети в значительной степени определял расселение земледельцев и в межгорных котловинах (Фергана, бассейны рек Зеравшана, Таласа, Асы и др.), где на обширных аллювиальных конусах выноса образовалась сеть крупных кишлаков, вытянувшихся по веерообразно расходящимся каналам, а также в предгорьях Копет-Дага и Тянь-Шаня на границе между пустыней и горами, где массивы поливных земель окружены пустынными и горно-степными пастбищами.

Горные селения располагались чаще всего на дне широких долин и в их боковых ответвлениях. Для посевов использовался каждый клочок аллювиальных наносов горных рек.

За зоной поливных земель начиналась зона богарных земель, расположенных по склонам и вверх по долинам горных рек. Обитатели горных районов Памиро-Алая и Тянь-Шаня — таджики, узбеки, киргизы — разработали разнообразные приемы полеводства в горах, на горных покатых склонах, на террасах и на конусах выноса горных рек и т. п.; ими были созданы формы интенсивного террасного земледелия.

На подгорных равнинах Копет-Дага и Нуратинских гор применялось «кяризное» орошение (*кяриз* — сооружение для использования подземных вод); устройство его требовало колоссальных затрат человеческого труда и глубоких знаний рельефа местности, строения и уклонов подстилающих грунтов. Как поливное, так и богарное земледелие среди узбеков, таджиков, киргизов, туркмен Копет-Дага сочетались с горно-пастбищным скотоводством. Поливное земледелие в сочетании со стойловым и пустынным отгонным скотоводством было развито среди узбеков, каракалпачков и туркмен Хорезмского оазиса, среди узбеков и таджиков Бухарского оазиса, в Ташкентском (среди узбеков), Мургабском и Тедженском оазисах (среди туркмен), в Ферганской долине и др.

2. П о л у о с е д л о е н а с е л е н и е. Оно сочетало в своем хозяйстве скотоводство, земледелие, а иногда и рыболовство.

У многих народов Средней Азии и Казахстана вплоть до начала XX в. сохранялись традиции нерегулярного полуоседлого экстенсивного кайрного и лиманного земледелия, восходящие еще к эпохе энеолита и бронзы. Как известно, лиманный способ орошения, заключавшийся в том, что отдельные участки речных разливов и озер изолировались, осушались и засевались, — прототип всей современной ирригации. На лиманных

участках и каирных землях, окаймлявших речные протоки и озера, широко практиковались посевы бахчевых культур, проса, джугары и риса. Полеводство на лиманах и кайрах очень сильно зависело от стихийных природных условий и отличалось большой неустойчивостью и нерегулярностью.

Полуоседлые земледельцы и скотоводы в конце XIX и начале XX в. были расселены преимущественно на окраинах больших земледельческих оазисов, в низовьях многих рек, а также на естественно орошаемых участках предгорий и северо-казахстанских степей (см. карту, стр. 36 — 37). Этот тип был распространен у обитателей дельтовых районов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи — каракалпаков, туркмен и северо-хорезмских узбеков; в Бухарском оазисе — у туркмен, узбеков и казахов; в Ферганском — у части киргизов и каракалпаков. В горных районах Средней Азии к этому типу относились также часть таджиков (в Байсунских и Кугистанских горах южного Узбекистана), киргизов (в Иссык-кульской котловине) и узбеков, для которых было характерно богарное земледелие в сочетании с горно-пастбищным скотоводством. Полуоседлое земледельческое хозяйство вели и туркмены, с давних пор сочетавшие скотоводство с земледелием. В северных районах Казахстана полуоседлое земледельческое хозяйство (богарное земледелие) вели казахи (в бассейнах Иргиза, Тургая, Эмбы и др.).

Полуоседлое население Средней Азии и Казахстана можно подразделить на две большие группы: первую составляли недавно осевшие в культурной полосе оазисов и пограничных областях переселившиеся из степей кочевники-скотоводы (казахи, некоторые группы узбеков), вторую — этнографические группы народов, которые на протяжении всей истории своего формирования вели полуоседлый образ жизни (значительная часть каракалпаков, узбеков-аралов, а также часть туркмен и присырдарьинских казахов). Это потомки племен и народов, у которых комплексный тип хозяйства преобладал в древности, раннем и позднем средневековье. Обитатели обширных дельтовых областей, приозерных и приречных районов, они унаследовали архаические традиции комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного хозяйства, по всей видимости, еще от обитавших в этих областях племен эпохи бронзы.

3. Кочевники-скотоводы. Они занимали обширные пространства степей, гор и пустынь Средней Азии и Казахстана.

Кочевое скотоводство различалось в зависимости от районов. Казахи, обитавшие в обширных степях, в недавнем прошлом (до начала XX в.) кочевали преимущественно на большие расстояния в меридиональном направлении, передвигаясь летом далеко на север, а зимой — далеко на юг. Территории и маршруты их перекочевок были строго определены, традиционны и передавались из поколения в поколение.

Для казахского кочевого скотоводства характерна ведущая роль овцеводства и коневодства.

У туркмен маршруты кочевков в пустыне были обусловлены расположением колодцев и сезонным использованием пастбищ. Часть населения постоянно жила в оазисах, а другая выходила со стадами в пески, передвигаясь по определенным урочищам, расположенным недалеко от колодцев или построенных в пустыне на такырах водосборных сооружений *как*, также служивших водопоями для стада. В составе стада преобладали овцы, козы и верблюды. Последние имели особенно важное значение как транспортное животное на обширных песчаных и безводных пространствах великих среднеазиатских пустынь.

У киргизов, занимавших горные плато и долины Тянь-Шаня, кочевание имело преимущественно вертикальный характер, будучи связанным с изменением растительного покрова на пастбищах. Летние пастбища были расположены высоко в горах, на альпийских лугах, а зимовки — в глубоких, защищенных от холодных ветров и метелей долинах.

Значительное место среди различных пород скота в высокогорных районах Памиро-Алая и Тянь-Шаня занимали горные яки.

Кочевое и отчасти отгонное животноводство было главным, но не единственным занятием кочевников; многие из них занимались на своих зимних стоянках и земледелием, имевшим подсобное значение. Кочевники в горах с давних времен использовали для полеводства родниковые воды и временные сезонные потоки и выработали навыки так называемого булачного (на родниках—булак) и лиманного земледелия. В степях и пустынях они научились собирать воду на такырах после дождя и отводить ее в низины; низины эти засевали различными культурами. В Туркмении местами использовали падины (*ойтак*) для устройства в них бахчей и посева зерновых культур.

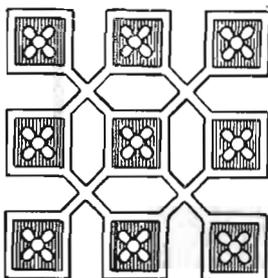
* * *

Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, отражая исторически сложившиеся взаимосвязи между хозяйственной деятельностью населения и географической средой и являясь таким образом исторической категорией, претерпели изменения в процессе развития экономики и культуры среднеазиатских народов. Эти изменения стали особенно значительными в Средней Азии и Казахстане в наши дни, когда в социалистическом сельском хозяйстве совершенно по-новому используются исторически сложившиеся трудовые навыки населения. Наиболее древний тип полуседлого комплексного хозяйства исчез вместе с экстенсивными формами натурального хозяйства и пережитками патриархально-родового быта. Исчезло как особый хозяйственно-культурный тип кочевое скотоводство.

Изменился общий характер животноводства. В большинстве колхозов и совхозов распространена отгоннопастбищная форма животноводства. Обводнение значительных территорий степей Казахстана, песчаных пустынь Каракум и Кызылкум в результате ирригационного строительства и широкого распространения артезианских колодцев улучшило кормовую базу, расширило площадь пастбищ, облегчило труд пастухов-скотоводов. Изменился и состав стада. Все большее значение приобретают ценные и высокопродуктивные мясошерстные и каракульские породы мелкого рогатого скота, мясо-молочные породы крупного рогатого скота; в связи с развитием новых транспортных средств сократилось верблюдоводство и коневодство.

Наибольший расцвет получило базирующееся на современной агротехнике орошаемое земледелие, производящее высокотоварные ценные сельскохозяйственные культуры, в первую очередь хлопок.

В настоящее время республики Средней Азии и Казахстан превратились в мощные индустриально-аграрные страны, где все большую роль в народном хозяйстве играет созданная в годы Советской власти промышленность.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

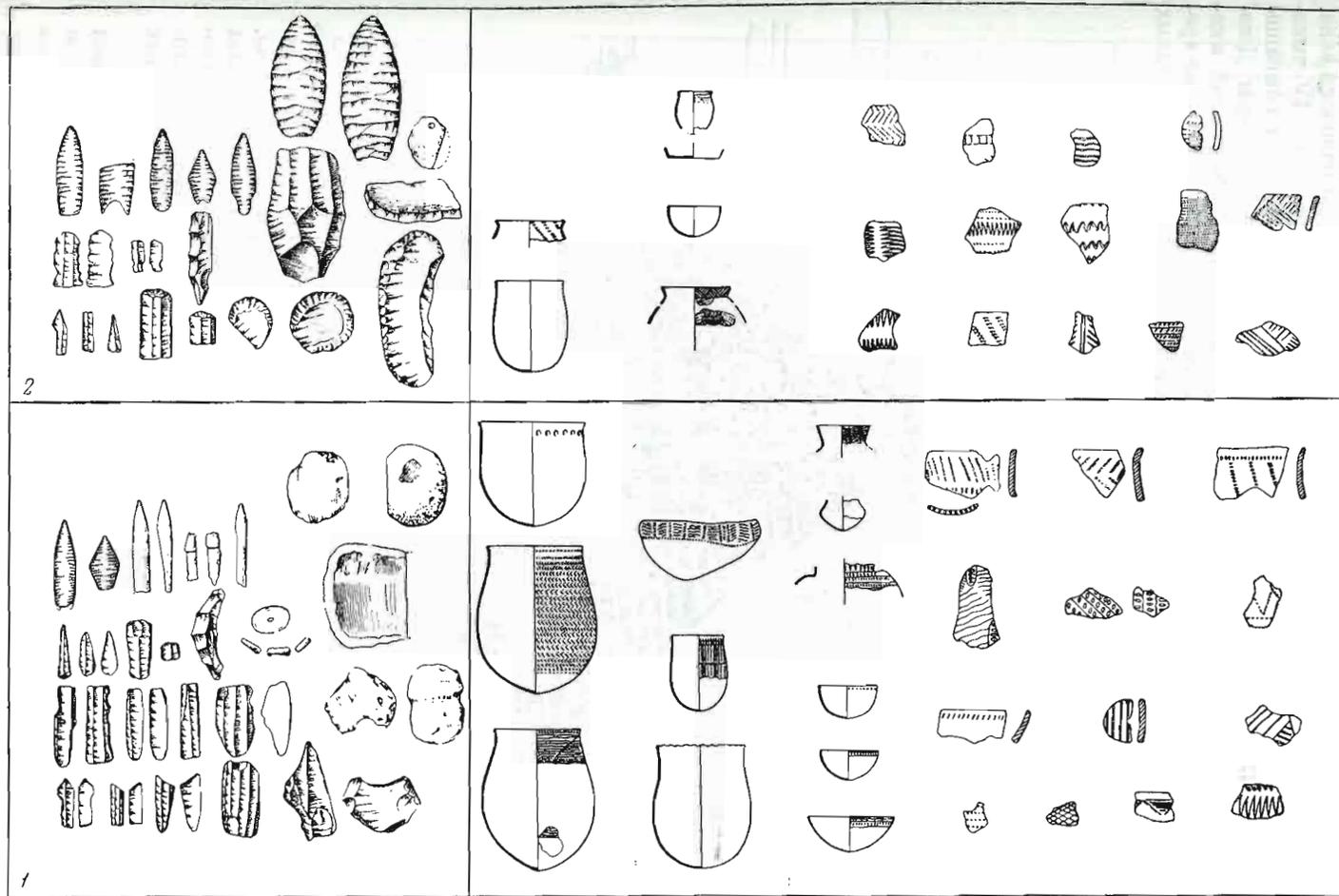
На территории Средней Азии и Казахстана советские археологи обнаружили и изучили к настоящему времени значительное число памятников, позволяющих осветить отдельные этапы истории древнейшего населения этой территории в эпоху первобытнообщинного строя.

Наиболее ранние из этих памятников относятся к нижнему палеолиту. Это стоянки позднеашельского или ашельско-мустьерского времени на юге Казахстана (хребет Малый Каратау, Таласский район Джамбульской области и др.). Более широко распространены памятники мустьерского времени. Среди них следует назвать в первую очередь раскопанную А. П. Окладниковым пещерную стоянку в гроте Тешик-Таш в горах Байсунтау в южном Узбекистане, где, помимо типично мустьерского комплекса каменных орудий и характерной для этого времени фауны, было найдено детское погребение, причем похороненный в нем ребенок принадлежал к неандертальскому типу. К мустьерскому времени относится также стоянка в гроте Аман-Кутан близ Самарканда.

Находки мустьерского времени и особенно находка тешик-ташского человека позволяют предполагать, что южная часть Средней Азии, наряду с Южной Азией и Средиземноморьем, явилась областью расселения человека неандертальского типа и формирования антропологического типа, непосредственно предшествующего современному.

В южных районах Средней Азии мы находим и следующие по времени стоянки верхнепалеолитического возраста, такие, как стоянка в Мачайской пещере в Сурхан-Дарьинской области, стоянка того же времени на территории г. Самарканда, верхнепалеолитическая стоянка под Ташкентом. К концу верхнего палеолита относятся стоянки на р. Бухтарме (Восточный Казахстан).

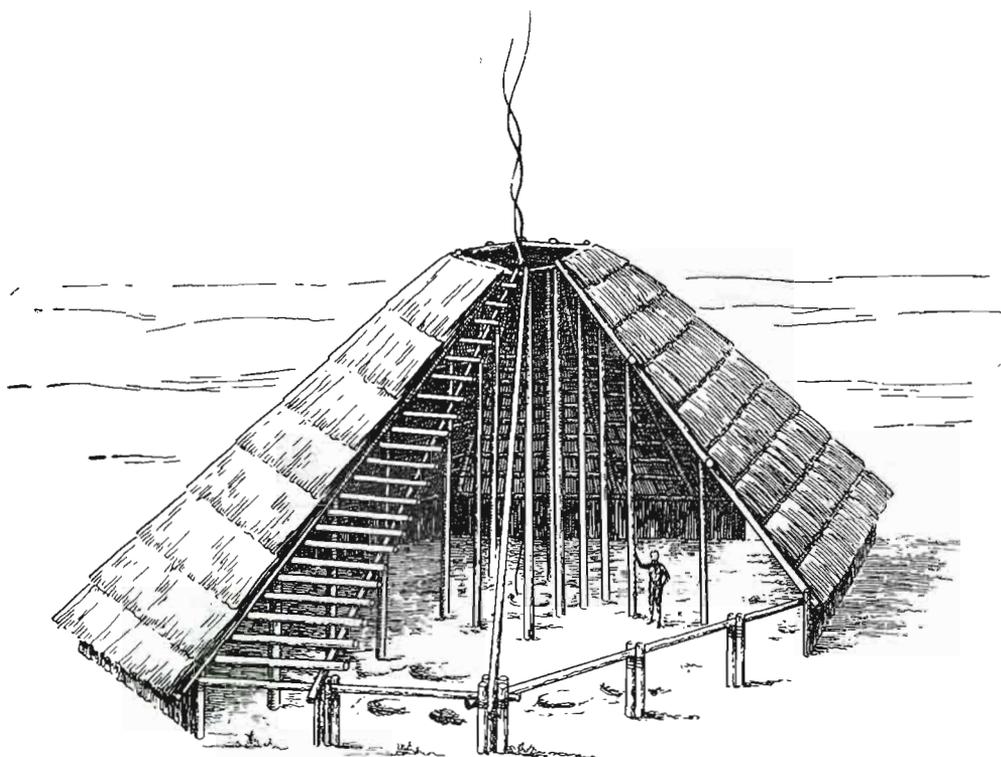
Мезолит и ранний неолит Средней Азии представлены нижними слоями пещеры Джебел (Туркмения), где налицо уже характерный комплекс каменных орудий с изделиями на ножевидных пластинах; здесь все еще представлены орудия геометрических форм мезолитического облика, но уже появляются первые находки керамики. Многочисленные находки костей джейрана и рыбных костей говорят о том, что люди, жившие в VI—V тысячелетиях до н. э. в пещере Джебел, занимались охотой и рыболовством.

Кельтеминарская культура. Сводная таблица керамики и изделий из камня

1 — конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.; 2 — вторая половина III — начало II тысячелетия до н. э.

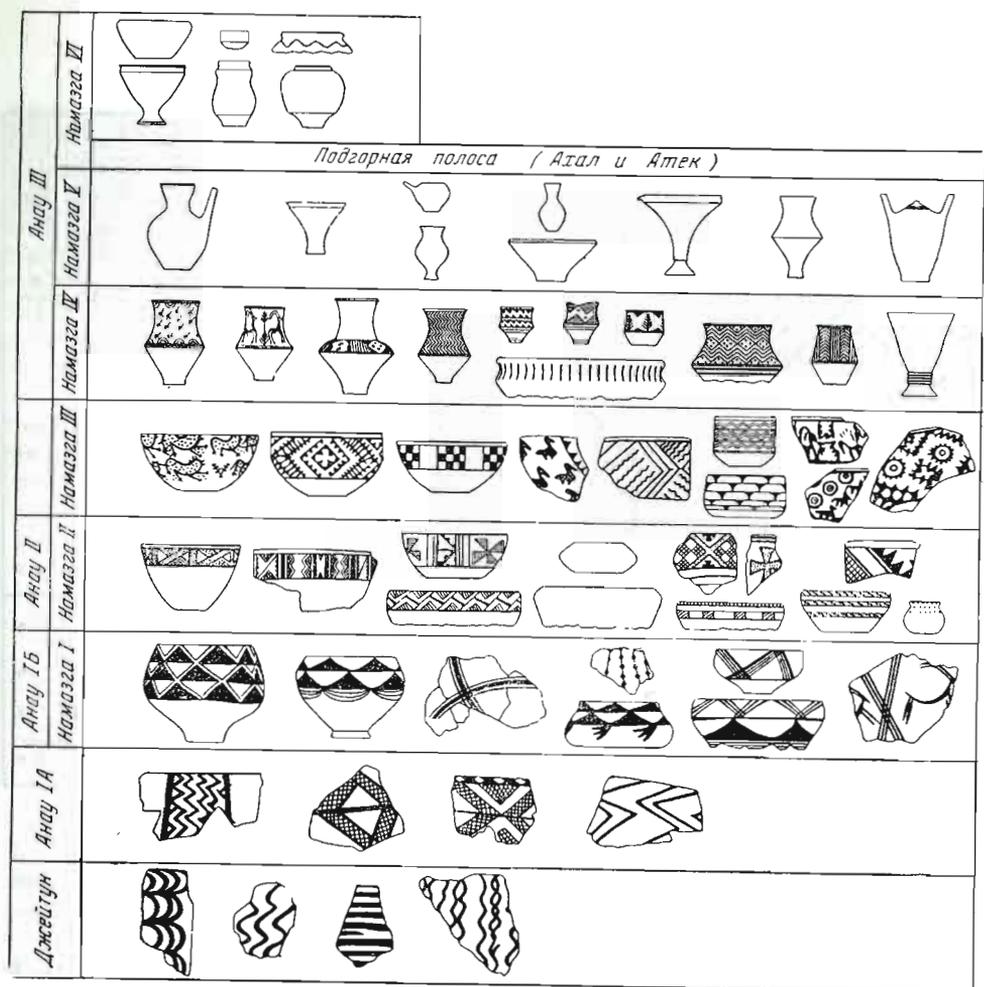
Уже, видимо, с V тысячелетия до н.э. Средняя Азия делится на две историко-культурные области: южную — область древнейших земледельческих культур и северную, степную — область неолитических охотников и рыбаков, а позднее скотоводов и земледельцев бронзового века. Интересно, что на территории юго-западной Туркмении в V—IV тысячелетиях до н. э. охотники и рыбаки сосуществовали с древнейшими земледельцами. Так, кремневый инвентарь 5—4 слоев пещеры Джебел характеризует культуру охотников и рыбаков с типичной микрولитоидной индустрией, характерной для эпохи неолита. В то же время в предгорьях Копет-Дага возникает древнейшая культура оседлых

Кельтеминарская стоянка Джанбас-кала 4. Шалаш (реконструкция)

земледельцев и скотоводов. Лучше других исследовано поселение этого времени Джейтун, где было вскрыто около 30 многокомнатных домов, сложенных из глиняных «булок» — предшественников сырцового кирпича. Жители пользовались каменными орудиями на ножевидных пластинах и изготовляли лепную керамику, поверхность которой покрывалась геометрическим расписным узором. Земледелие было здесь основано на лиманном типе орошения, с использованием для посевов заболоченных дельт горных ручьев.

Неолит и энеолит северных областей Средней Азии и Казахстана имели иной облик. Он лучше всего изучен на памятниках кельтеминарской культуры нижнего и среднего течения Аму-Дарьи, верхнего и среднего Узоя, на стоянках Западного Казахстана. Ранний, классический этап кельтеминарской культуры, датируемый концом IV — серединой III тысячелетия до н. э., хорошо известен по раскопкам стоянки Джанбас 4 в Хорезме. Археологами раскопано жилище древних охотников и рыбаков, найдены многочисленные орудия из кремня и кварцита и лепная керамика с резным геометрическим орнаментом, покрывающим все ту-

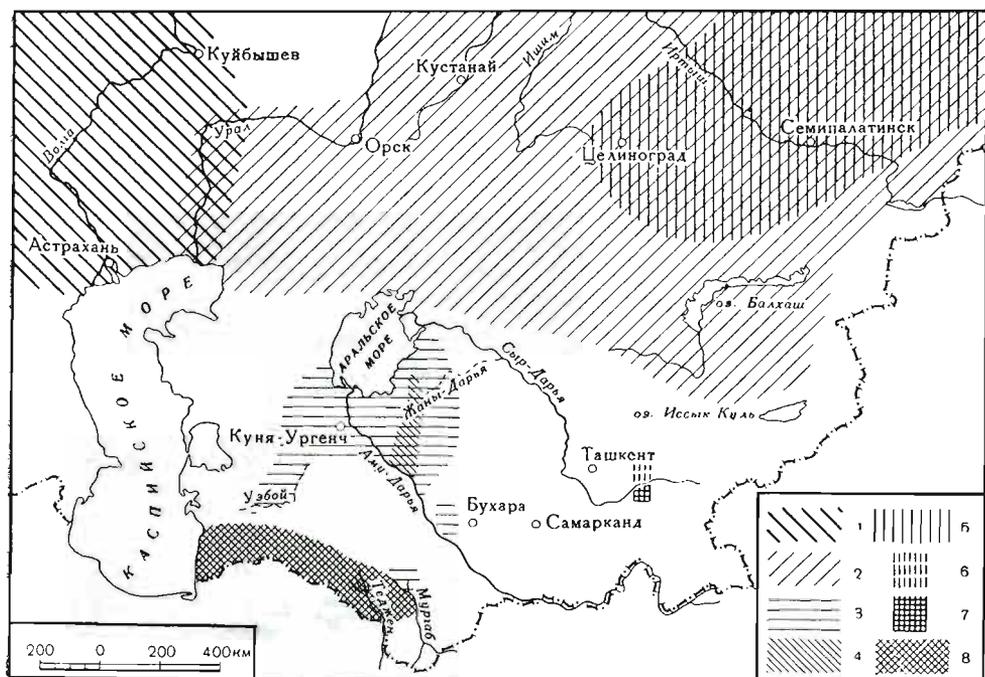

Керамика неолита, энеолита и бронзового века южной Туркмении

лово сосуда. Одной из особенностей кельтеминарской керамики является окраска ее поверхности в красный или желтый цвет, прием, связывающий эту культуру с южными областями Средней Азии. Надо сказать, что материал со стоянки Джанбас 4 походит на находки из четвертого слоя пещеры Джебел.

Второй, поздний этап кельтеминарской культуры известен по стоянкам Кара-Калпакии (Кават 7 и др.) и Западного Казахстана (Саксаульская и др.). В каменном инвентаре появляются наконечники стрел с двусторонней обработкой поверхности отжимной ретушью, нередко уже встречается плодородная керамика. В хозяйстве начинает играть известную роль скотоводство. Неолитическая верхнеузбойская культура является локальным вариантом кельтеминарской, причем, если стоянки южного Приаралья теснились к водам заболоченной тогда южной дельты Акча-Дарьи (древнейшая из северных дельт Аму-Дарьи), то жители верхнеузбойских стоянок пользовались водами Узоя, который в IV—III тысячелетии до н. э. нес воды Аму-Дарьи в Каспий. Неолитические и энеолитические стоянки Восточного Казахстана (Усть-Нарым и др.) также характеризуются микролитоидной каменной индустрией, но отличной от кельтеминарской.

Контакты между Югом, с его древними земледельческими традициями и более высокой культурой, и Севером, областью расселения охотников и рыболовов — своеобразной варварской периферией Юга, начали проявляться очень рано. Так, обнаруженная на Нижнем Узбое нижнеузбой-

Распространение культур эпохи бронзы в Средней Азии и Казахстане

1 — срубная культура; 2 — андроновская культура; 3 — тазабагъябская культура; 4 — суярганская культура; 5 — карасукская культура; 6 — чустская культура; 7 — кайраккумская бронза; 8 — земледельческие культуры с крашеной керамикой юга Туркмении

ская неолитическая культура уводит нас в круг раннеолитических культур Ирана. Суярганская культура Хорезма, ранний этап которой датируется началом II тысячелетия до н. э., может быть связана с каким-то новым этническим элементом, исторически связанным с Югом, с областями Иранского нагорья и прилежащих стран. С другой стороны, мы уже отмечали проникновение кельтеминарских племен на юг, в частности, по Узбою. Очень интересными памятниками, в материале которых проявляются отдельные черты, свойственные обеим культурно-историческим областям, являются могильник Заман-Баба 1, поселения на оз. Лявлякан и у колодца Беш-Булак (Бухарская область), датируемые концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Древние земледельческие культуры южных областей Средней Азии в энеолите и бронзовом веке входили в ареал переднеазиатских культур «крашеной керамики», являясь как бы их северо-восточным форпостом. Для этих культур, бытовавших у нас на территории юго-западной Туркмении и в Фергане, характерно земледелие, основанное на искусственном орошении, раннее применение металла для изготовления орудий при сохранении орудий из камня, постройка домов из сырцового кирпича, изготовление посуды с росписью; уже в начале II тысячелетия до н. э. такая посуда изготовлялась на гончарном круге. Насколько большую роль в жизни населения играло поливное земледелие, можно судить хотя бы по тому, что обширный Геоксюрский оазис на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. прекратил свое существование в связи с перемещением русла Теджена к западу. Успехи в поливном земледелии в значительной степени обуславливали характер расселения племен. Так, если древнейшие поселения, такие как Анау (Северный холм), Кара-тепе и даже Намазга-тепе, концентрируются в зоне горных речек и ручьев, сбигающих с Копет-Дага,

то во II тысячелетии до н. э. наблюдается постепенное расширение зоны, осваиваемой земледельцами, в конце этого периода происходит освоение дельты Мургаба, невозможное без умения создавать уже довольно сложную ирригационную сеть. Более высокий уровень производительных сил, чем на Севере, привел на Юге к раннему выделению ремесел из системы хозяйства и, вероятно, к более раннему, чем на Севере, появлению элементов государственности.

В то же время, во II—начале I тысячелетия до н. э., северные степные районы Средней Азии и Казахстана, как и юго-западная Сибирь, южное Приуралье и степи юга Европейской части СССР, были заселены племенами — носителями культур степной бронзы. Так, в Поволжье и южном При-

Могильник Кокча 3. Парное захоронение

уралье была распространена срубная культура, тесно соприкасающаяся в Оренбургских степях с андроновской культурой; последняя широко была распространена в южной и юго-западной Сибири и Казахстане и являлась, видимо, не единой, а целой серией культур степного типа. Основой хозяйства носителей этих культур было оседлое пастушеское скотоводство, сочетавшееся с мотыжным земледелием; населению была известна металлургия меди и бронзы. Люди жили в землянках и полуземлянках и изготовляли лепную плоскодонную посуду с резным геометрическим орнаментом. На территории Казахстана культура степной бронзы известна в основном по материалам погребальных памятников, в то время как в Средней Азии изучены главным образом поселения. Появившаяся в середине II тысячелетия до н. э. в низовьях Аму-Дарьи тазабагьябская культура сформировалась, очевидно, где-то в степях южного Приуралья, в зоне контакта между срубной и андроновской (в ее западно-казахстанском варианте) культурами и проникла в Хорезм через северо-восточное Приаралье. Тазабагьябская культура некоторое время сосуществовала с суярганской, проникшей в Хорезм из более южных областей (см. выше), но к XI в. до н. э. была ассимилирована последней. Тазабагьябская культура известна в Хорезме по материалам многочисленных поселений, среди которых два, Ангка 5 и Кават 3, раскопаны. К эпохе господства тазабагьябской культуры относится возникновение в Хорезме древнейшей ирригации. Особый интерес вызывает также раскопанный могильник тазабагьябской культуры Кокча 3, археологические и антропологические материалы которого подтверждают участие в формировании тазабагьябской культуры андроновцев и племен срубной культуры. Краниологические материалы могильника свидетельствуют о наличии в Хорезме в это

Могильник Кокча 3. Реконструкция по черепу

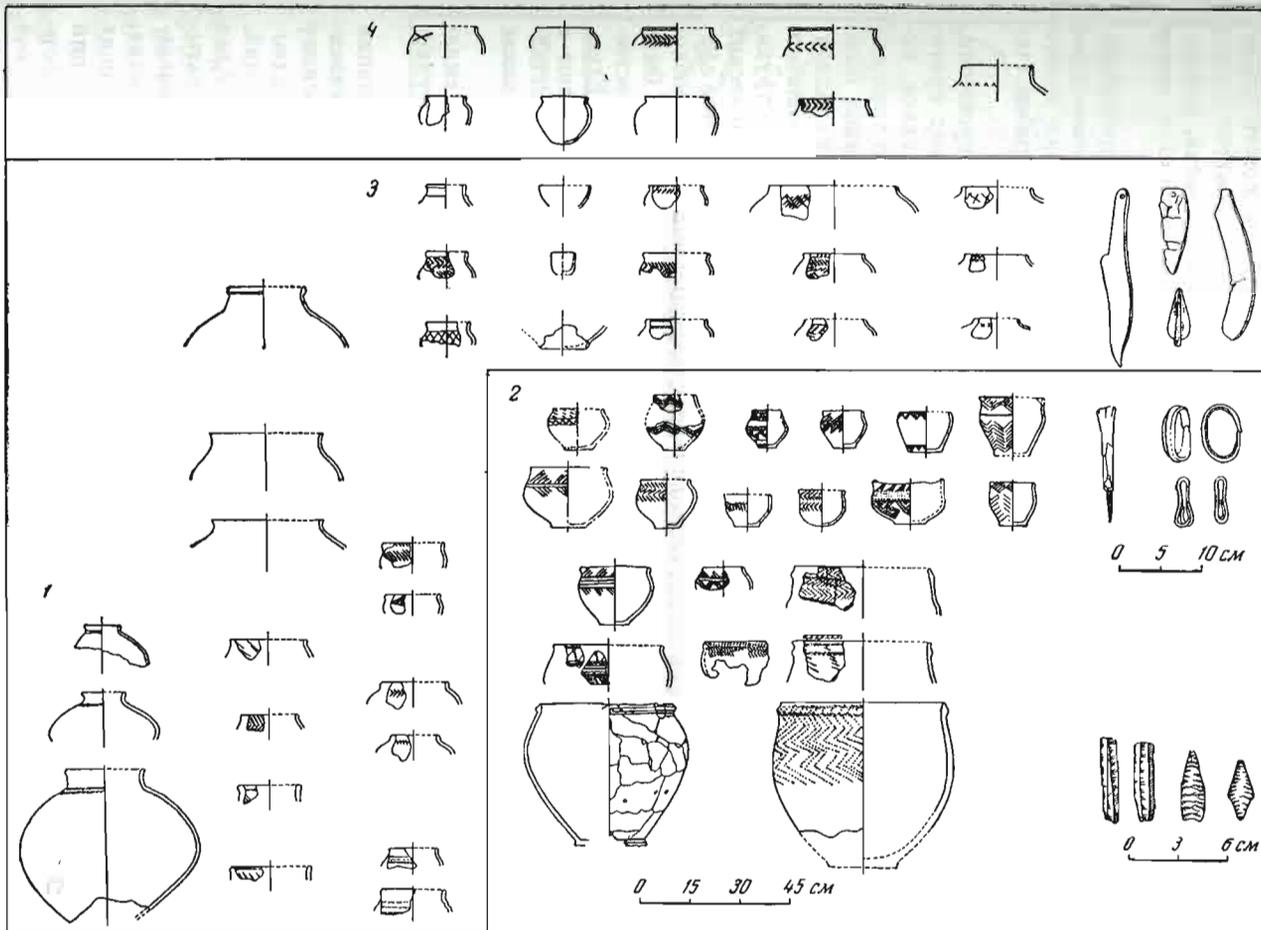
время еще одного, индодравидоидного антропологического типа, появление которого здесь может быть связано с приходом с юга суярганских племен; возможно, что посредниками здесь явились еще древние кельтеминарцы, антропологический тип которых нам, к сожалению, пока неизвестен. Появление в Хорезме в середине II тысячелетия до н. э. племен — носителей тазабагьябской культуры, видимо, связано с первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада. За последнее время в южных областях Средней Азии был сделан ряд находок, которые могут быть отнесены к тазабагьябской культуре. Они, видимо, отражают крупные передвижения степных племен, происходившие в середине II тысячелетия до н. э. (наиболее ранние материалы восходят к XV в. до н. э.) на территории Средней Азии. Еще более мощ-

ным стало это движение в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях в конце II — начале I тысячелетия до н. э. В нем участвовали и суярганские племена — носители суярганской культуры на позднем («кауцдинском») этапе ее развития (XI—IX вв. до н. э.). Археологические материалы позволяют зафиксировать продвижение этих скотоводческих племен по руслам таких рек, как Узбой, Атрек, Теджен, Мургаб, Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

Большие изменения произошли и в южной подгорной полосе Средней Азии. Население этих областей начало осваивать для земледелия новые районы, используя при этом более совершенные методы искусственного орошения. С этими процессами, вероятно, связано появление в южной Фергане культуры крашеной керамики чустского типа (названа по Чустскому поселению), которая датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э. Культура эта сосуществует в Фергане с культурой степной бронзы, представленной стоянками в Кайраккумах (на Сыр-Дарье) и Вуадильским могильником.

На территории Центрального и Южного Казахстана были распространены культуры андроновского типа, причем удалось проследить продвижение племен — носителей этой культуры в южном направлении вплоть до Тянь-Шаня, где в урочище Арпа обнаружены андроновские погребения.

Для воссоздания истории степных племен эпохи поздней бронзы большой интерес представляет амирабадская культура Хорезма (IX—VIII вв. до

Археологические культуры эпохи бронзы в южном Приаралье

1 — суйрганская культура. Ранний этап (первая половина II тысячелетия до н. э.); 2 — тазабагъябская культура (XV—XI вв. до н. э.); 3 — суйрганская культура. Поздний этап (XI—IX вв. до н. э.); 4 — амирабадская культура (IX—VIII вв. до н. э.)

н. э.), представленная, в частности, большим поселением Якке-Парсан 2, состоящим примерно из 20 домов-полуземлянок. Население занималось земледелием, основанным на искусственном орошении (каналы выводились непосредственно из дельтовых протоков), скотоводством, изготовлением орудий из бронзы. Генетически амирабадская культура тесно связана с позднесуярганской, и тем интереснее некоторые аналогии амирабадской посуде в культуре поздней бронзы на Мургабе. Быть может, в формировании раннеантичной культуры Хорезма и Мургабского оазиса (VII—V вв. до н. э.) участвовали какие-то родственные племена, контакты между которыми наиболее широко проявлялись именно в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

**Население
земледельческих
оазисов
и степных племена
в эпоху античности**

В начале I тысячелетия до н. э. развитие производительных сил у племен, заселявших аллювиальные долины среднеазиатских рек, достигло уже такого уровня, при котором применение труда рабов становится экономически выгодным.

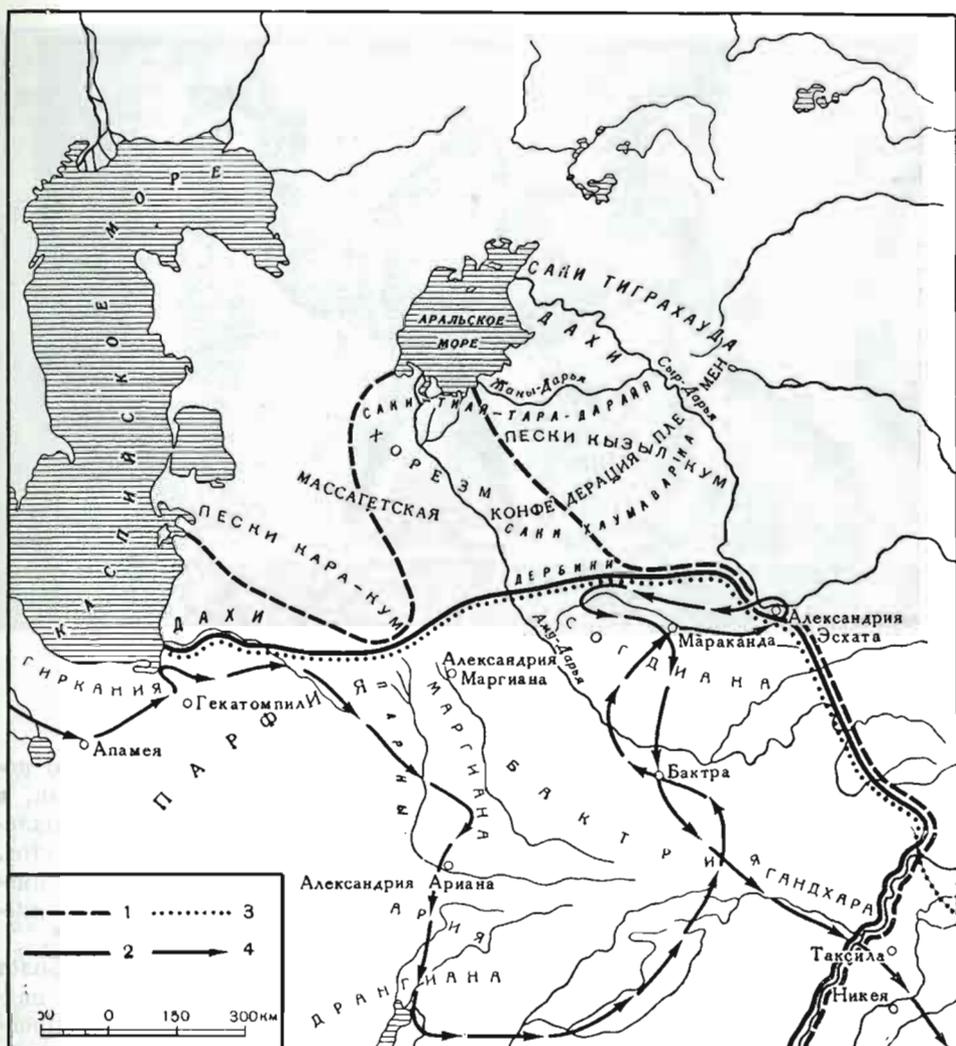
Для того чтобы от примитивных систем орошения, использовавших воды горных ручьев или затухающих дельтовых протоков, можно было перейти к обработке крупных земельных массивов, необходимо было создать большую сеть каналов. Эту чрезвычайно трудоемкую работу провести силами одних только свободных общинников было невозможно, что неопровержимо доказывается сопоставлением приблизительной численности земледельческого населения того или иного орошаемого массива и необходимой для создания ирригационной сети затраты труда. Вот почему можно утверждать, что уже при создании крупных архаических каналов использовался труд рабов, а это свидетельствует о начале сложения классового, рабовладельческого общества. Добавим, что необходимым условием для широкого освоения земель в Средней Азии было применение железных сельскохозяйственных орудий, так как здесь естественно-географические условия не были столь благоприятны, как в Египте или Двуречье, где орошаемое земледелие смогло развиваться еще в эпоху меди и бронзы. Археологические данные показывают, что металлургия железа стала известна в Средней Азии именно в первых веках I тысячелетия до н. э.

Таким образом, уже в этот период на территории Средней Азии складывались условия для возникновения древних рабовладельческих государственных образований.

Вопрос о существовании в Средней Азии рабовладельческой формации разрешен сравнительно недавно. Еще в 1930-х годах проблема общественного строя среднеазиатских народов в период, предшествующий арабскому завоеванию (VIII в. н. э.), считалась дискуссионной. Специальные археологические исследования, проведенные рядом крупных экспедиций, помогли разрешить эту проблему; теперь установлено, что Средняя Азия прошла через рабовладельческую стадию развития, хронологически охватывающую здесь период от VIII—VII вв. до н. э. до середины I тысячелетия н. э., когда здесь начали складываться элементы феодального общества.

Анализ материалов, содержащихся в древних персидских надписях (VI в. до н. э.), и синхронных им или немного более поздних показаний греческих авторов позволили ученым прийти к выводу, что еще до формирования Мидийского государства (VII—VI вв. до н. э.) и персидской империи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), в состав которой вошла большая часть среднеазиатских областей, на территории Средней Азии существовало два крупных рабовладельческих государства — Бактрия и Хорезм. В отношении Хорезма это подтверждается и археологическими материалами.

Те же источники, а также рельефы, украшающие гробницы ахеменидских царей и дворец в Персеполе, где сохранились изображения всех под-

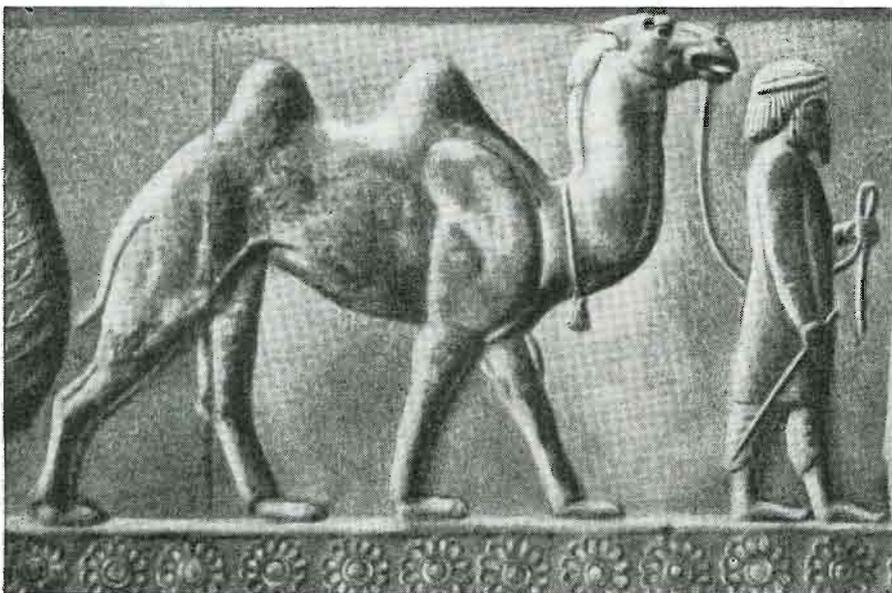

Средняя Азия в середине I тысячелетия до н. э.

1 — границы владений Ахеменидов в начале V в. до н. э.; 2 — границы владений Ахеменидов в середине IV в. до н. э.; 3 — границы государства Александра Македонского; 4 — направления походов Александра Македонского

чиненных Ирану народов, впервые осветили этнический состав населения Средней Азии, дали возможность восстановить имена отдельных народов и племен, их внешний облик и основные районы расселения. Важные дополнительные материалы для установления расселения этих племен дали также новейшие археологические исследования.

Значительную часть населения Средней Азии составляли жители степей — скифы греческих авторов, в персидских источниках — саки. Саки заселяли огромную территорию. Центром наиболее густо заселенных саками областей была территория древней дельты Сыр-Дарьи, примыкающие к ней области пустыни Кызылкум, а также расположенные на запад от Хорезма области пустыни Каракум до восточного побережья Каспийского моря. Саки были распространены также на обширном пространстве расположенных к северу и востоку от этих областей степей Казахстана, на Тянь-Шане и прилегающих к нему территориях, доходя на юге до Памира.

Рельефы ахеменидского дворца в Персеполе. V в. до н. э.
Изображение среднеазиатских данников. Бактриец

Западная группа этих племен, включавшая племена восточного побережья Аральского моря, объединяется древнейшими источниками, в частности Гекатеем Милетским (VI в. до н. э.), дошедшим до нас в изложении Страбона, и Геродотом (V в. до н. э.), под названием массагетов. По предположению некоторых исследователей, этот термин связан с именем фракийских гетов и указывает на древнее родство массагетских племен с фрако-киммерийскими племенами степей Восточной Европы¹.

К массагетским племенам причислялись: апасиаки («массагеты болот и островов» Гекатея-Страбона или «заречные саки» древнеперсидских надписей), жившие в древней дельте Сыр-Дарьи, на восточных протоках древней дельты Аму-Дарьи (Акча-Дарья) и на западной окраине этой дельты, в пустыне Каракум; дахи-тохары, заселявшие берега древнего русла Куван-Дарьи и распространявшиеся далее к востоку, вплоть до среднего течения Сыр-Дарьи; аугасии, жившие близ Аральского моря, в районе современной дельты Сыр-Дарьи; дербики, обитавшие предположительно в области нижнего Зеравшана и среднего течения Аму-Дарьи. Видимо, в состав массагетской конфедерации на заре античного периода входили также и хорасмии — обитатели Хорезмского оазиса, одной из древнейших культурных областей Средней Азии; сакараваки («сака хаумаварга» древнеперсидских надписей), обитавшие в южных Кызылкумах и, вероятно, в районе Нуратинских гор, к северу от Согда; ассианы (усуни древнекитайских авторов), заселявшие область на восток от среднего течения Сыр-Дарьи до Тянь-Шаня.

В более поздних греко-римских источниках, относящихся ко времени, следующему за походами Александра Македонского, все эти племена объединяются под общим именем саксов, что, видимо, является косвенным указанием на то, что к концу I тысячелетия до н. э. у большинства из них возобладала сакские (или скифские) языки, относимые современными лингвистами к восточной ветви иранских языков (см. стр. 140).

Обитателями земледельческих оазисов были хорасмии в верхней дель-

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 243, примечание 1.

Рельефы ахеменидского дворца в Персеполе. V в. до н. э.
Изображение среднеазиатских данников. Саки

те Аму-Дарьи, гирканцы в бассейне р. Гюргена, население прикопетдагских областей, известное позднее под собирательным именем парфян; жители бассейна Мургаба — маргианцы, согдийцы, занимавшие долины Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, ферганцы (парикании древних авторов) и бактрийцы, обитавшие в бассейне верхней Аму-Дарьи, по обоим ее берегам; область их расселения была ограничена с юга горами Гиндукуша, а с севера Гиссарским хребтом¹.

По данным греческих и персидских источников, в этот период не существовало сколько-нибудь резкой этнической или культурной обособленности между народами оазисов и скотоводческими племенами окружающих степей. Страбон прямо указывает, что хорезмийцы входили в состав массагетов и саков, что согдийцы и бактрийцы в древности мало отличались от кочевников по образу жизни и правам. Изображения хорезмийцев, бактрийцев и согдийцев, как найденные в их странах, так и представленные на рельефах Ирана, показывают, что одежда их, головные уборы, оружие почти ничем не отличались от сакских. Говорили они на близких языках — у жителей оазисов, как и у саков, языки относились главным образом к восточной ветви иранских языков.

В древнейший период не существовало резкой грани между ними и в хозяйственном отношении. Так, священная книга зороастрийской религии Авеста, возникшая в Средней Азии и в древнейшей своей части связанная

¹ В литературе, особенно западной, прочно утвердилось представление, что северной границей Бактрии было верхнее течение Аму-Дарьи. Это представление объясняется ошибкой античных авторов времени похода Александра Македонского, связанной с неправильным пониманием как древними писателями, так и некоторыми авторами нового времени значения рек, не разделявших народы, а их объединявших, но являвшихся с точки зрения завоевателей очень важными военными рубежами. Археологические исследования в южном Таджикистане и на крайнем юго-западе Узбекистана показали единство культуры левобережной и правобережной Бактрии и позволили окончательно опровергнуть ошибочное представление о ее границах, порочность которого была советскими исследователями вскрыта еще раньше на основании анализа памятников письменности.

Изображение сака на золотой пластинке из Амударьинского клада.
IV — III вв. до н. э.

хозяйственно-бытовой уклад и культуру ряда сакских племен — апасиаков, аугасиев, тохаров и сакараваков. Памятники других сакских племен исследовались археологами в Семиречье, в Чуйской долине, на Иссык-Куле, на Тянь-Шане, Памире и в других районах Средней Азии и Казахстана. Наиболее детально в настоящее время изучена культура апасиаков, прослеженная с раннего ее этапа, VII—VI вв. до н. э. (так называемая кокчатынгизская культура, возникающая на базе культуры приаральских племен бронзового века), до II в. до н. э. У апасиаков, населявших дельтовую область Приаралья, пересеченную густой сетью речных протоков, постоянно меняющих свои русла, сложился своеобразный уклад «полукочевых земледельцев»; они вели комплексное хозяйство, в котором сочеталось неустойчивое в этих природных условиях орошаемое земледелие со скотоводством, рыболовством и занятием ремеслами. Этот же хозяйственно-бытовой уклад был типичен для тохаров, аугасиев и, очевидно, для других сакских племен, живших в сходных природно-географических

с территорией Хорезма этого времени (VIII—VII в. до н. э.)¹, рисует общество оседлых скотоводов, разводящих крупный рогатый скот, коней и верблюдов. Создатель священных гимнов молит верховное божество — Ахурамазду прежде всего об обилии стад и пастбищ. Усердно рекомендуемым, угодным богу делом считалось земледелие, проведение каналов для орошения бесплодных ранее земель.

Общество в древнейших частях Авесты выступает разделенным на касты жрецов огня, воинов и рядовых общинников; несколько позже, видимо, возникла нижестоящая каста ремесленников. Глухие упоминания не позволяют с достаточной уверенностью судить о степени развития рабства в этом обществе, однако несомненно, что в хозяйстве военной аристократии уже использовался труд рабов, по крайней мере в тех же масштабах, в каких применялся он у причерноморских скифов. Вместе с тем полностью сохранялась родоплеменная организация. Основой общества был род (вис), несколько родов составляли племя (занту), несколько племен в свою очередь образовали союз племен (дахью), занимавший определенную область.

Археологические исследования в северных Кызылкумах, на территории древних, смыкавшихся в то время дельт Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, открыли множество исторических памятников, характеризующих ареалы расселения,

¹ В пользу этого широко распространенного мнения свидетельствуют, в частности, климатические и географические особенности той страны (Аэран-вэж), которую Авеста считает родиной Заратустры — легендарного создателя этой религии, ее священным центром.

условиях сильно обводненных местностей. Недаром древние авторы именовали некоторых из них «водными саками», о чем говорит семантика их этнонимов: апасиаки (*ара-š'ака*) Страбона — водные саки; с ними тождественны, видимо, «скифы-абии» (водные скифы) Арриана; этноним аугасии расшифровывается как «речные» (может быть, «приморские») т. е. тоже как «водный» народ.

На южном протоке древней сырдарьинской дельты, ныне сухом русле, называемом Жанадарьей, находятся величественные развалины столицы апасиакских племен — Чирик-Рабат — огромное овальное укрепление, обнесенное двумя рядами мощных стен. Внутри укрепления — цитадель, высокие курганы апасиакских верховных вождей или царей и другие погребальные сооружения в виде больших зданий из сырцового кирпича; расположенные между ними жилые кварталы этого большого скифского города были густо заселены. В 40 км к северу от Чирик-Рабата обнаружен

другой комплекс апасиакских памятников — Бабиш-мулла; это — район обширных сельских поселений, расположенных по берегам ирригационных каналов, с небольшим центром-городком, хорошо укрепленным стенами с бойницами и башнями. Близ него также находится погребальное сооружение — живописное здание в виде усеченной ступенчатой пирамиды; видимо, это мавзолей апасиакских правителей Бабиш-муллинской сельской округи. К юго-востоку от Чирик-Рабата, в урочище Баланды, находится еще одна группа апасиакских памятников, также состоящая из крепости с расположенными вокруг нее на каналах деревянными и чрезвычайно интересным круглым в плане погребальным зданием, имеющем уникальное для этого исторического периода как для Средней Азии и соседних стран Востока, так и для Европы купольное перекрытие. Все апасиакские памятники, раскопанные археологами, датируются V—II вв. до н. э. Богатый материал по апасиакской фортификации и зодчеству, по земледелию, ремеслу, жилищи и погребальным обычаям, ценные находки предметов вооружения (железный доспех воина-катафрактария, меч, множество стрел и др.) — позволяют прийти к заключению, что апасиаки были народом, с которым никак не вяжется традиционное представление о варварах-кочевниках: жители раскопанных городищ были не только скотоводами, но в первую очередь ирригаторами, ремесленниками и градостроителями, творцами больших культурных ценностей и к тому же, по всей вероятности, создателями чрезвычайно высокого для своего времени военного искусства, основой стратегии и тактики

Скульптура из Гяур-калы. Хорезм, II в. н. э.

Памятник асасиакской культуры Бабиш-мулла (вид с самолета)

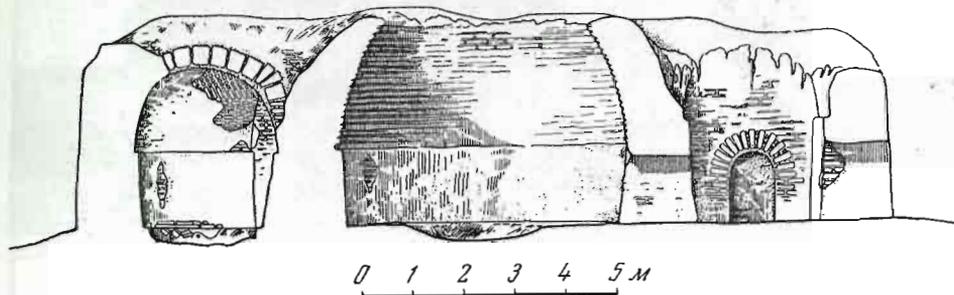
которого было войско катафрактариев, защищенных тяжелыми железными доспехами.

В планировке асасиакских городов выступают местные традиции, но в конструкциях и строительных приемах их фортификации чрезвычайно сильно влияние Хорезма, которое иногда принимает форму прямого подражания (стреловидные бойницы и характер их расположения, тип башен и т. п.). Вместе с тем здесь наблюдаются архитектурные особенности, появляющиеся в Хорезме значительно позже и несомненно под влиянием культуры степных племен: это комбинированная глинобитно-кирпичная кладка, своеобразная архитектура одного из зданий комплекса Бабиш-муллы, предвосхищающая «жилые башни» — донжоны раннесредневекового Хорезма и, наконец, древнейшее купольное перекрытие мавзолея Баланды. В Хорезме подобного типа ложные купола из сырцового кирпича появляются, как и «жилые башни», лишь в VII—VIII в. н. э. Характерные черты культурного взаимовлияния выступают в керамическом материале, часть которого воспроизводит в более грубых формах ремесленную керамику античного Хорезма, другая же часть, лепная, находит больше параллелей в скифо-сарматской керамике Юго-Восточной Европы и северо-западного Казахстана. Разнообразны типы погребальных сооружений и обрядов.

Весьма своеобразны памятники и других древних сакских племен: укрепленные общинные дома тохаров в урочище Джеты-асар на сухом русле Кувандаря, имевшие характерную спиралевидную планировку, напоминающую огромную улитку, и насыщенные всевозможным бытовым материалом; городища аугасиев на нижней Сыр-Дарье и у берега Арала; поселения сакараваков на русле Инкардаря с сопровождающими их типичными для этой культуры курганами, опоясанными у основания кольцом крупных глыб гончарного шлака, явно изготовленного специально для этой цели. Внутри этого кольца располагалось погребение с трупосожжением.

Памятники сакской культуры в других районах Средней Азии и Казахстана представлены преимущественно погребальными комплексами.

Среди них большой интерес представляют могильники усуней и саков Тянь-Шаня. Многие находки связаны с культом огня, характерным для всех древних народов и племен восточноиранской группы, как оседлых, так и кочевых. Так, в Семиречье обнаружены сакские светильники и жертвенники с ножками в виде лап хищных животных, а также ритуальные котлы для изготовления культовой пищи. Светильники и жертвенники, на которых поддерживался священный огонь, украшены бронзовыми статуэтками животных, выполненных с большим реализмом и художественным мастерством.

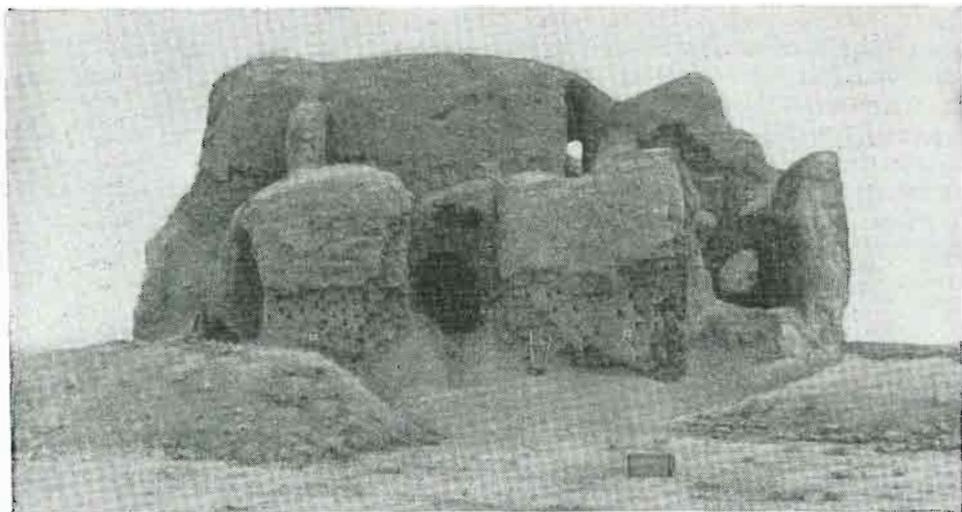
Памятник апазиатской культуры Баланды 2. Погребальное сооружение с купольным перекрытием (разрез)

Саки Тянь-Шаня и других горных районов были преимущественно пастухами-скотоводами, другие же, например ферганские и присырдарьинские, знали земледелие; культура их находилась под сильным воздействием древней культуры Ферганы.

Таким образом, мы видим, что, как и в более раннюю эпоху, история земледельческих оазисов — центров цивилизации Средней Азии в рабовладельческий период тесно переплетена с историей степных племен; в особенности это касается Хорезма, одного из форпостов среднеазиатской цивилизации, выдвинувшегося далеко на север, вглубь мира сначала скифских, а потом тюркских степных племен. Вряд ли случаен установленный археологическими исследованиями факт, что после II в. до н. э. жизнь на апазиатских городищах и сакаравакских поселениях прекратилась. Во II в. началось наступательное движение сакских племен на юг, против Греко-Бактрийского царства; поддерживая борьбу оседлых жителей оазисов против македонских правителей, саки проникают в Бактрию, Сеистан¹ и в северную Индию. По данным Птолемея, в этом движении участвовали асии (асианы-усуни), пасианы (апазиатки), тохары и сакараваки.

Однако далеко не все население степей восточного Приаралья ушло в этот поход. О том, что тохары, аугасии и асианы лишь частично приняли участие в этом движении, говорят историко-археологические материалы, свидетельствующие, что на местах их древнего расселения жизнь не прерывалась на протяжении всего периода античности и раннего средневековья. Апазиатки также, видимо, не полностью ушли с Жанадарьи; здесь, правда, запустили земледельческие поселения, и находки в окружающих песках говорят о переходе оставшихся апазиатков преимущественно к скотоводческому образу жизни, но часть апазиатских племен переселилась на запад, к устью Аму-Дарьи, где впоследствии (в IV—V вв. н. э.) возник интересный памятник Барак-там (см. стр. 70), в котором явственно прослеживается преемственная связь с апазиатской культурой.

¹ Само название Сеистан (Сакастан), означающее «страна саков», восходит ко времени этого движения.

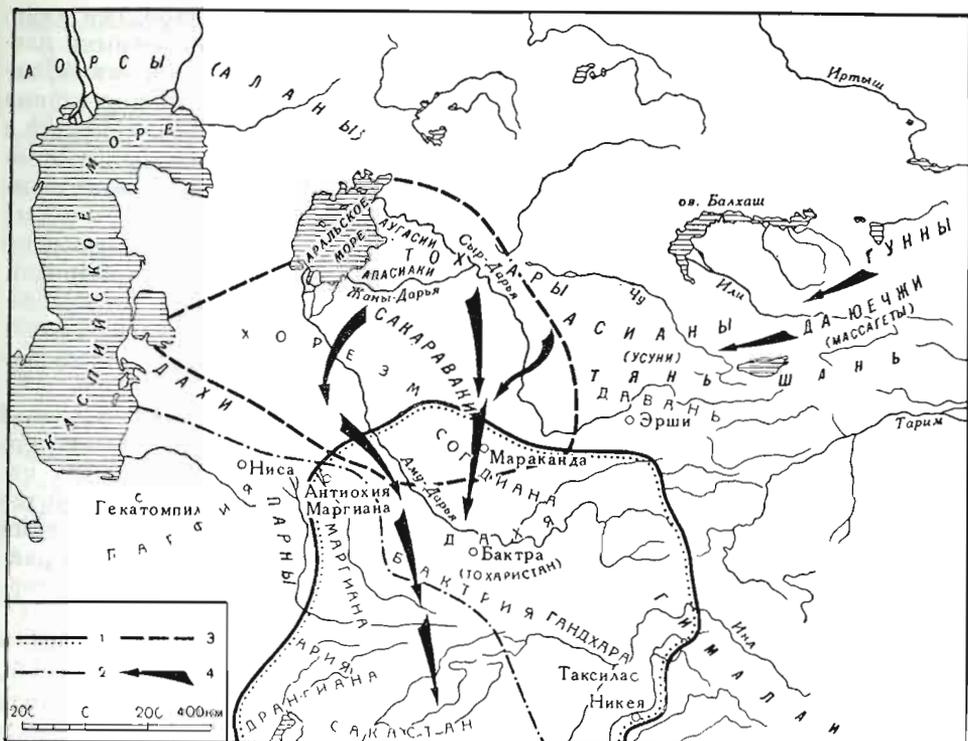
Барак-там (общий вид). IV—V в. н. э.

Полуоседлые племена Приаралья приняли участие в формировании многих народов Средней Азии, составив древнейшие пласты этногенеза каракалпаков, большей части туркменских племен и многих этнографических групп узбеков и казахов.

Во II—I вв. до н. э. в степи, простиравшиеся к северу от областей Средней Азии, нахлынули гунны, передвигавшиеся из Монголии на Запад. Часть их осела и ассимилировалась местными сако-массагетскими племенами, также сыграв большую роль в процессах этногенеза народов Средней Азии и Казахстана, что прослеживается, в частности, на палеоантропологическом материале из сакских могильников (черты монголоидности).

Исторические памятники оседлых земледельческих народов Средней Азии освещают их быт и культуру, начиная с ранних этапов рабовладельческой эпохи, когда здесь впервые возникли крупные поселения и городские центры. К VII—VI вв. до н. э. относятся древнейшие слои, вскрытые археологическими раскопками в Мерве (городище Гяур-кала), Бактрии (городище Калаи Мир, Кобадиянский оазис в низовьях Кафирнигана), Фергане (Эйлатанское городище) и Хорезме. Очень интересно городище Кюзели-гыр в левобережном Хорезме. Это огромное поселение, располагавшееся на вершине останцевой возвышенности, обнесенное прорезанной бойницами стеной с башнями; основное население обитало в коридорах этой стены и примыкавших к ней помещениях. Основная часть внутреннего пространства крепости не была застроена и служила загонem для стад — главного богатства жителей. Наличие каналов близ крепости, найденные при раскопках сельскохозяйственные орудия и остатки металлургического производства свидетельствуют о достаточно развитом земледелии и ремесле. В центре городища обнаружены развалины здания с мощными стенами, ограничивающими большие помещения; это, очевидно, была постройка общественного назначения.

Материальная культура всех упомянутых выше городищ имеет много общего: всюду для строительства используется крупный сырцовый кирпич, преобладают плоские перекрытия, повсеместно распространены бронзовые наконечники стрел скифского типа. Очень характерна керамика: это сосуды с цилиндрическим туловом и резким, ребровидным переходом к нижней конической части. Поверхность их имеет беловатый или светло-

Средняя Азия во II — I вв. до н. э.

1 — Греко-Бактрийское царство в 195—182 гг. до н. э.; 2 — Парфянское царство в конце I в. до н. э.; 3 — Кангюй-Хорезм во II—I вв. до н. э.; 4 — движения сако-массагетских племен

желтый цвет. Изготовлены сосуды на гончарном круге и являются продуктом уже не домашнего, а ремесленного производства.

Сведения о политической истории народов Средней Азии до VI в. до н. э. крайне немногочисленны и носят по большей части легендарный характер. Есть основания полагать, что в VIII—VII вв. до н. э. часть Средней Азии входила в более раннее политическое образование с центром в западном Иране — Мидийское царство, однако это не было результатом мидийского завоевания — скорее всего это был военный союз государств и племен, направленный против древних государств Передней Азии, в связи с чем центр его и лежал в самом западном государстве — Мидии. Вместе с тем есть сведения о борьбе среднеазиатских народов с Мидией на стороне Ассирии; после падения последней Мидия стала сильнейшим государством в Азии.

Как выше упоминалось, анализ различных источников дает основание полагать, что в VIII—VI вв. до н. э. на территории Средней Азии сложились значительные государственные объединения, возглавлявшиеся Бактрией и Хорезмом. В состав последнего, помимо соседних сако-массагетских племен, вероятно, входили также Согд, Ариана, Парфия и Гиркания. Можно полагать, что борьба за обладание двумя последними пограничными областями и являлась причиной столкновений с Мидией.

В середине VI в. до н. э. персидская династия Ахеменидов положила конец господству Мидии. Возникло могучее деспотическое государство, строившее свои отношения с окружающими народами на жестоких принципах порабощения и организованного ограбления. Совершенно особое, привилегированное положение в этой империи занимали персы, которые

считались народом, господствующим над всеми другими народами империи, в том числе и близкими им по происхождению ираноязычными племенами. Основатель династии Ахеменидов — Кир, очевидно, лишь использовал связи, установившиеся у Мидийского государства с соседними странами и народами, и таким путем приобрел господство над Бактрией и частью сакских племен; во всяком случае нет никаких данных о военном захвате им восточных областей. Существует единственное сообщение о походе Кира против массагетов в Прикаспийские степи, который кончился для него трагически: после некоторых успехов персов зашедшее в глубь степей войско Кира было разгромлено, а сам он убит. Геродот, основываясь на местных эпических сказаниях, рассказывает, что возглавившая борьбу с Киrom царица массагетов Томирис¹ велела погрузить голову персидского царя в мех, наполненный кровью, чтобы «напоить ненасытного».

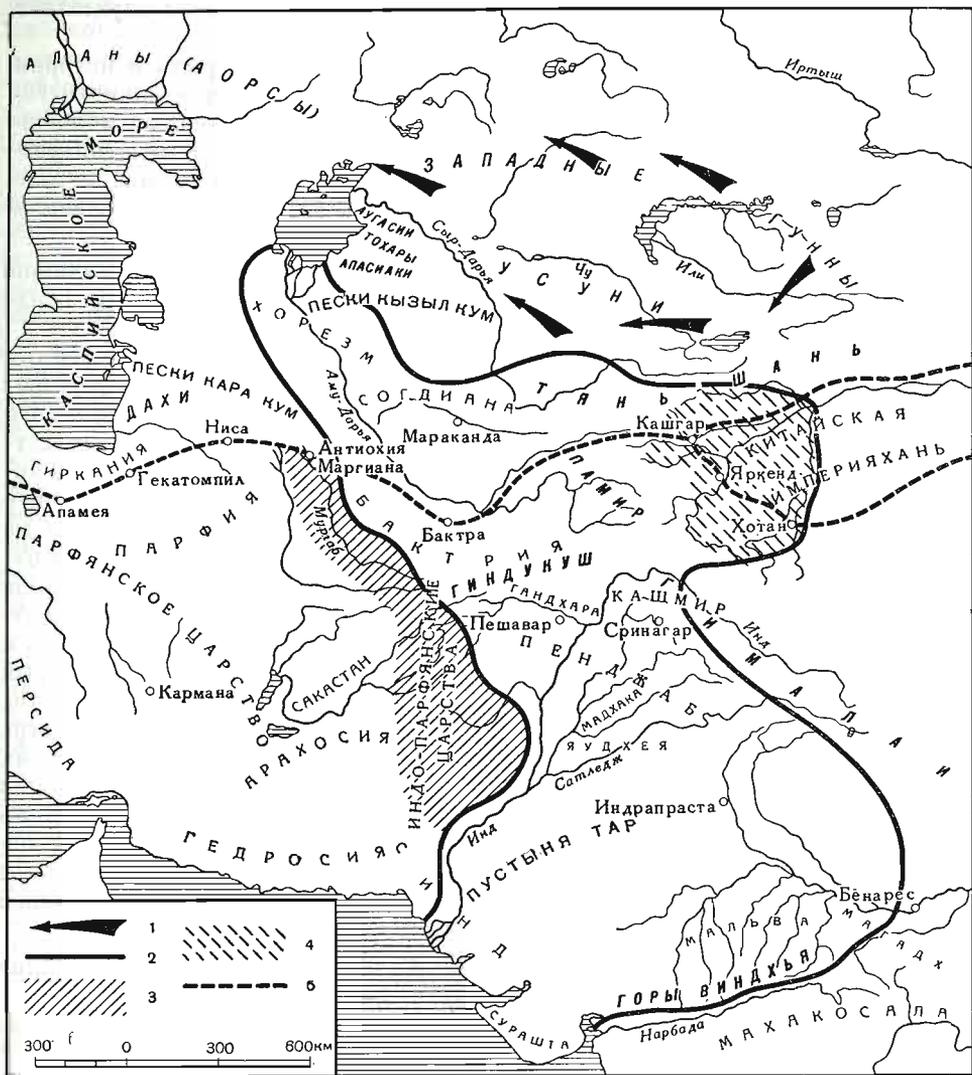
Основатель младшей династии Ахеменидов Дарий I пришел к власти в 521 г. в момент, когда империя была на грани катастрофы. Первые годы его правления — это история сплошных восстаний, карательных походов и следующих за ними новых восстаний. Особенно упорный характер носило восстание в Мерве, которое возглавлял выдвинутый массами вождь Фрада. Громадное число убитых повстанцев (по персидским данным, 55 тыс.) свидетельствует о размахе движения и о жестоком терпоре завоевателей.

Надпись Дария и греческие источники сохранили также сведения о походе Дария против племен массагетской конфедерации, очевидно в глубь степей между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Во время этого похода персы, как и при Кире, оказались на краю гибели в безводной пустыне и лишь случайно прошедший дождь спас их. Эпос сохранил имя героя сакка Ширика, который изувечил себя для того, чтобы заслужить доверие персов и завести их в пустыню. Тем не менее неоднократные походы Ахеменидов в известной мере стабилизировали положение на границах скифского мира, и все земледельческие оазисы Средней Азии ко времени правления Ксеркса оказались под властью Персидской империи. Их территория была, как и все владения государства Ахеменидов, разделена на административные единицы-сатрапии. Границы этих сатрапий совпадали с пределами исторически сложившихся до Ахеменидов стран и государств. Для каждой сатрапии была установлена определенная сумма ежегодного налога в серебре или золоте. В Средней Азии (согласно списку, приводимому Геродотом) были образованы следующие податные округа: XII округ — «земли от бактрийцев до эглов» (выплачивали 360 талантов²); XV округ — саки и каспии (вносили 250 талантов); XVI округ — парфяне, хорезмийцы, согды и ареи (платили 300 талантов). Среди восточных сатрапий особое место занимала Бактрия. Сатрапами ее, начиная с брата преемника Кира Камбиза — Бардии и кончая последним представителем династии Ахеменидов Бессом (см. ниже), являлись, как правило, видные представители царского дома. Имеются данные, что все среднеазиатские владения рассматривались как находящиеся в сфере полномочий карана (старшего сатрапа) Бактрии. В административном отношении с Бактрией обычно была связана Маргиана.

Такое высокое положение Бактрии объяснялось не только тем, что как крайняя на востоке область она требовала особого внимания, но и тем, что в культурном и языковом отношении бактрийцы, видимо, были

¹ Следует заметить, что исторические предания неоднократно сообщают о высоком положении женщин среднеазиатских племен; нередко женщины являются правительницами и военачальницами (Зарина и Спаретра у саков, Томирис у массагетов); эти сведения отражают, несомненно, элементы матриархальных отношений у этих племен.

² Талант серебра равен приблизительно 30 кг.

Средняя Азия во II в. н. э.

- 1 — направления передвижений гуннов; 2 — границы Кушанского царства около 106 г. н. э.;
 3 — сфера влияния Кушанского царства; 4 — земли, завоеванные Каннишкой у Китая;
 5 — «Великий шелковый путь»

ближе к персам, чем другие народы Средней Азии. Уместно заметить, что мифы и эпические сказания, вошедшие в Авесту и первоначально связанные с архаическим Хорезмом, были, очевидно, восприняты и в значительной мере переработаны в V—IV вв. до н. э. бактрийскими жрецами огня (атраван), что и объясняет выдающуюся роль Бактрии в истории зороастризма.

Помимо денежных податей, народы Средней Азии были обязаны участвовать в строительных мероприятиях Ахеменидов, а также выставлять определенные войсковые контингенты во время их походов. Сохранились свидетельства об участии многих народов Средней Азии в походах Дария и Ксеркса против Греции (V в. до н. э.). Любопытно, что значительное число саков входило в состав экипажа многих персидских боевых кораблей. Уроженцы Средней Азии иногда оказывались на весьма отдаленных

окраинах государства Ахеменидов; так, солдаты хорезмийцы служили в гарнизоне на южноегипетском острове Элефантине.

Хотя государство Ахеменидов играло реакционную роль в истории подчиненных ему народов, лишая их возможности самостоятельного государственного развития, нужно отметить как определенный положительный фактор большой культурный обмен между народами этой державы. Народы Средней Азии смогли познакомиться в этот период со многими достижениями Египта и Двуречья, эллинского мира и восточного Средиземноморья.

В этот период в Среднюю Азию проникло возникшее первоначально в Сирии арамейское письмо, сыгравшее большую роль в развитии среднеазиатских письменностей.

Основным содержанием истории народов Средней Азии в этот период была упорная борьба за свою независимость. Нередко эти стремления пытались использовать в своих целях представители того же ахеменидского дома в борьбе за престол. Уже для IV в. до н. э. нет сведений о подвластности Хорезма Персии, не участвовали хорезмийцы и в битве при Гавгамелах (321 г. до н. э.), когда Дарий III пытался противопоставить Александру Македонскому всю силу своих армий. Очевидно, где-то на рубеже V и IV вв. произошло отделение Хорезма. Очень интересным памятником, несомненно связанным с этими событиями, является городище Калалы-гыр в левобережном Хорезме. Строительство крепости, вероятно, было предпринято Ахеменидами для того, чтобы создать свой оплот в непосредственной близости от крупного хорезмийского центра, который существовал на месте городища Кюзели-гыр. Масштабы строительства были грандиозны; прямоугольное пространство длиной около километра должна была охватывать двойная стена с четырьмя воротами, укрепления которых сами по себе были мощными крепостями. За стенами спешно возводилось дворцовое здание, здесь уже были установлены каменные базы колонн и начаты декоративные работы — найдены формы для изготовления скульптур явно ахеменидского стиля. Внезапно это огромное строительство было прекращено, и объяснить это можно только изгнанием Ахеменидов из Хорезма.

В 329 г. Александр Македонский появился в Средней Азии и занял Бактрию. Преемником Дария III попытался стать сатрап Бактрии Бесс, принявший имя Артаксеркса. Возможно, что именно с его деятельностью связано незавершившееся сооружение крепости на правом берегу р. Вахш (городище Кухна-кала) в Таджикистане¹. Местное население не было заинтересовано в укреплении власти нового Ахеменида и выдало его Александру, в котором на первых порах видело освободителя от персидского ига. Заняв Мараканду (ныне городище Афрасиаб на окраине Самарканда), Александр направился к Сыр-Дарье. По дороге македоняне встретились с сопротивлением местных жителей и перебили более 20 тыс. человек, укрепившихся в горах. Жестокая расправа раскрыла глаза согдийцам на подлинное лицо завоевателя, и они ответили восстанием, во главе которого встал смелый согдийский военачальник Спитамен. Против Александра на Сыр-Дарье выступили сакские отряды. Весьма интересным является сообщение Арриана, историка походов Александра, о том, что в этой схватке участвовал закованный в доспехи сакский воин, который был сбит с лошади стрелой осадной машины. Напомним, что тяжелые доспехи такого типа и того же времени были недавно найдены при раскопках мавзолея на городище Чирик-Рабат.

Преследуя Спитамена, Александр двинулся вдоль Зеравшана; при этом, как сообщают историки, он опустошил страну и перебил более 120 тыс.

¹ Руководитель раскопок Кухна-калы Б. А. Литвинский полагает, что этот памятник относится к более позднему периоду.

жителей. Зимой 329/28 г. в стан Александра прибыло посольство хорезмийского царя Фарасмана с полторатысячным отрядом всадников. Фарасман предложил Александру союз для похода на племена, обитавшие у побережья Черного моря, возможно, с целью отвлечь внимание греков от Средней Азии. Между тем Спитамен активизировал борьбу, появился в Бактрии, затем с сакским войском произвел набег на Согдиану, но был разгромлен и предательски убит. Три года упорно сопротивлялся Согд, и успеха Александр добился лишь тогда, когда склонил на свою сторону местную знать. Сопrotивление натиску македонян далеко не полностью исчерпало силы народов Средней Азии. Остались независимыми и некоторые государства, как например Хорезм, и это обстоятельство сыграло впоследствии свою роль.

Вскоре после смерти Александра (323 г. до н. э.) его империя распалась. Один из его полководцев, Селевк, создал государство с центром в Вавилонии, которое до 250 г. до н. э. включало ряд областей Средней Азии. Следует отметить, что Селевк и его преемники порвали с политикой Александра, направленной на сближение греческой и восточных цивилизаций. Они усиленно насаждали греческие колонии, стремясь к внедрению греческой культуры. Владения Селевкидов на Востоке ни этнически, ни политически не были связаны с центром их государства. В 250 г. до н. э. образовалось Греко-Бактрийское царство: наместник Бактрии Диодот принял царский титул.

В это же время, около 250 г., в бассейне Теджена восстали сакские племена парнов и даев, возглавленные братьями Аршаком и Тиридатом. Греческий селевкидский правитель Парфии был свергнут, и образовалось независимое Парфянское государство во главе с династией Аршакидов. В противоположность Греко-Бактрийскому царству, где у власти осталась македонская династия, продолжавшая традиционную политику Селевкидов, Парфянское государство Аршакидов возглавлялось местной среднеазиатской династией. Значительное усиление Парфии произошло во II в. до н. э., когда при Митридатe I в ее состав вошли Мидия, Фарс, Вавилон, а на востоке — Маргиана. Парфия стала мировой державой, в дальнейшем ее центр переместился из Средней Азии на запад, а история ее протекала в непрерывной борьбе с Римом за области, расположенные между их владениями.

Решающий удар греко-македонским завоевателям, положивший конец их господству над народами Средней Азии, был нанесен около 140—130 гг. до н. э. племенами сако-массагетской конфедерации, которые китайские источники называют «большими юечжи». Греко-латинские источники называют, как уже упоминалось, и отдельные племена этого союза: асиев, пасианов (апасиаков), тохаров и сакараваков. По-видимому, центральный участок наступавших занимали двинувшиеся с низовьев Сыр-Дарьи тохары, которые осели на основной бактрийской территории, получившей впоследствии наименование Тохаристан (Дахя, а позднее Тухоло китайских авторов). Западнее шли апасиаки и сакараваки, продвинувшиеся в Ариану и Сеистан. Лишь на южных границах Греко-Бактрийского государства сохранились слабые греко-индийские государства, да и они несколько позже были сметены при создании среднеазиатско-индийской Кушанской империи.

Из сообщения китайского посла и путешественника II в. до н. э. Чжан Цяня известно о существовании на территории Средней Азии сильного государства Кангюй. Государство Кангха упоминается также в Авесте и индийском эпосе Махабхарата. Во II в. до н. э. в состав Кангхи входили Бухара, Шахрисабз, Кушания (район Катта-Кургана), район Ташкента и северный Хорезм с Ургенчем. На востоке это государство граничило с Ферганой, на юге — с Парфией и Бактрией. Совпадающая граница древнего Хорезмийского государства с границами государства Кангюй и

ряд других соображений заставляют предполагать, что центром этого государства был Хорезм.

Следует отметить, что в начале I в. н. э., согласно данным китайских летописей, власть Кангюя распространялась на страну аланов, лежащую между Аральским и Азовским морями, а также на племена лесного Приуралья, платившие ему дань пушниной.

Основой военной силы Кангюя являлись отряды всадников, закованных в железные доспехи на защищенных броней конях. Эти воины для дальнего боя использовали луки, для атаки и обороны — копьё. Подобный тип вооружения, начавший складываться еще в древней массагетской среде, в сочетании с тактикой, позволявшей наиболее целесообразно его использовать, был самым передовым для своего времени и впоследствии был заимствован восточными и западными соседями Кангюя.

На территории современной Ферганской долины располагалось третье существовавшее в Средней Азии самостоятельное государство, называемое в китайских источниках Давань. В конце II в. до н. э. китайские войска предприняли сюда два похода, однако им не удалось завладеть столицей Давани.

В связи с происшедшей в этот период реформой войска в Китае и заменой боевых колесниц тяжело вооруженной конницей китайские полководцы были особенно заинтересованы в приобретении боевых коней и в результате походов на Давань, по сведениям источников, удовлетворялись получением в качестве контрибуции нескольких десятков высоко ценимых коней местной «небесной породы» и 3 тыс. других лошадей.

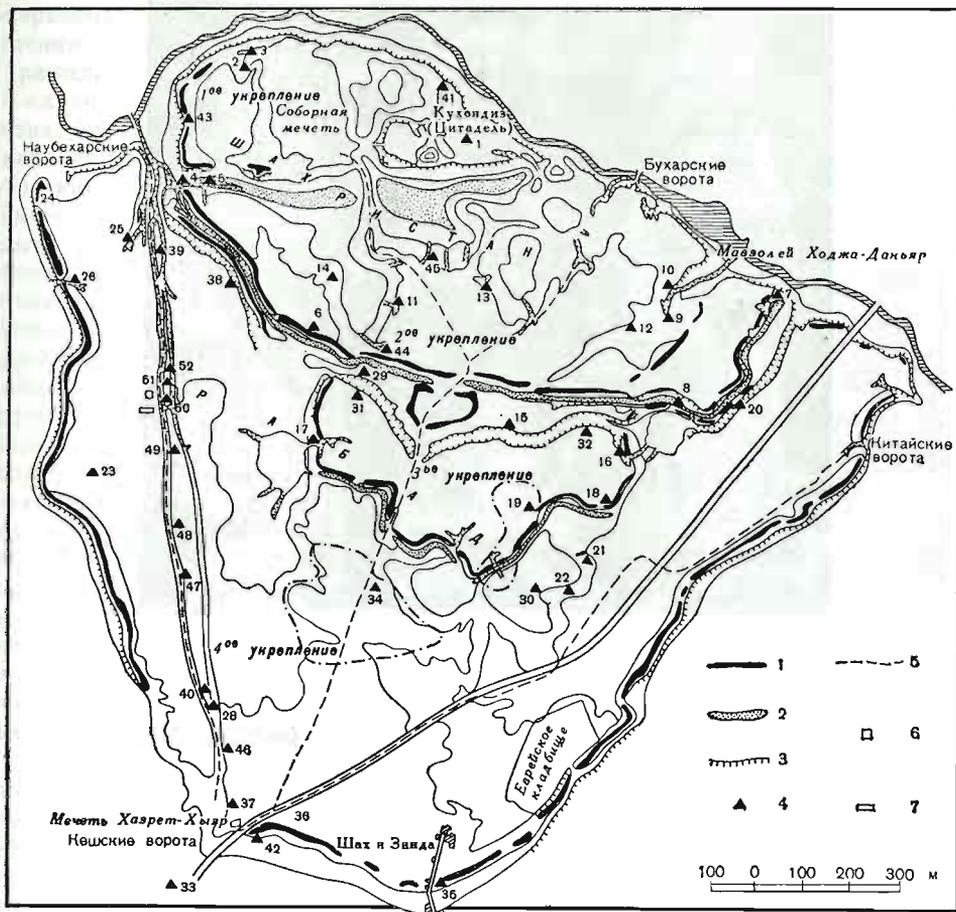
Китайские путешественники отмечают высокое развитие земледелия в Давани. Из Давани Китай получил первые семена люцерны и винограда, а по данным некоторых китайских авторов также граната, огурца и других культур.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. основная часть населения оазисов Средней Азии продолжала говорить на различных наречиях иранской языковой группы.

Древнейший образец письменности, начертанный буквами алфавита, возникшего на арамейской основе, и относящийся к IV—III в. до н. э., был найден при раскопках городища Кой-Крылган-кала в Хорезме. Того же типа алфавит использовался в Парфии, где при раскопках в Нисе был обнаружен хозяйственный архив, относящийся в основном к I в. до н. э. Эта же письменность продолжала использоваться и позднее: арамейскими знаками написаны документы на коже и дереве, найденные во дворце царей Хорезма (III — начало IV в. н. э.) на городище Топрак-кала. К IV в. н. э. относятся так называемые согдийские «старые письма» (см. стр. 136). Арамейский алфавит просуществовал в Средней Азии до арабского завоевания, о чем свидетельствуют документы архива согдийского правителя Деваштича, найденные в развалинах его замка на горе Муг (см. ниже).

Довольно широкое распространение получил греческий алфавит, который употреблялся главным образом на территории Бактрии. Греческие буквы использовались и для передачи слов тохарского языка. Хорезмийские медальеры, успешно воспроизводившие общий облик греко-бактрийских монет, передают греческие надписи монет, служивших им образцом, весьма приблизительно.

На территории Средней Азии этого времени существовало довольно значительное число религиозных систем и культов, но господствовала дуалистическая религия (т. е. предполагающая извечную борьбу доброго и злого начала) зороастрийская или, как ее иногда предпочитают называть в отличие от ортодоксальной религии сасанидского Ирана, маздеистская. Помимо верховного божества Ахурамазды, величайшим почитанием пользовались божества зороастрийского пантеона — Анахита —

План городища Афрасиаб

1 — стены укреплений; 2 — рвы; 3 — овраги; 4 — места археологических находок; 5 — направления древних улиц; 6 — здание с куполом; 7 — здание с алебастровыми панелями

богиня плодородия, олицетворявшая также благодатные воды Аму-Дарьи, и солнечное божество Митра. Широко был распространен культ умирающего и воскресающего божества растительности Сиявуша, обожествленного мифического героя, сказания о котором вошли в поэму Фирдоуси «Шахнаме». Можно полагать, что культ этого хтонического божества был тесно связан с культом умерших предков, также имевшим весьма глубокие корни в Средней Азии. Широкой известностью в южных областях Средней Азии пользовались образы греческих богов (Зевс, Посейдон, Аполлон, Артемида, Геракл, Дионис), но они по большей части лишь «эллинизировали» внешний облик соответствующих местных божеств. Несколько позже в Среднюю Азию, главным образом в ее юго-восточные области, проник буддизм. В III в. н. э., главным образом в городской среде, получило распространение зороастрийское сектантское течение манихейство.

Материальная культура эпохи среднеазиатской античности представлена в ряде исторических памятников, открытых и исследованных советскими археологами.

На территории Бактрии были проведены раскопки на городище Кейкабад-шах в южном Таджикистане, возникшем в III—II вв. до н. э. Крепость имеет прямоугольную планировку, столь характерную для форти-

Изображения богини Анахиты. Городище Афрасиаб

фикации того времени (отклонения вызывались обычно лишь стремлением использовать выгодный рельеф местности).

В Согде раскопки слоев этого времени производились на городище Афрасиаб. Здесь, как и на других памятниках, обнаружено много керамики очень высокого качества. Большую известность получила серия терракотовых статуэток с Афрасиаба, изображающих местные и эллинистические божества.

Наиболее изученными памятниками древней Парфии являются городища Новая Ниса и Старая Ниса близ Ашхабада. Здесь была одна из резиденций парфянских царей и располагались царские гробницы. Остатки некрополя были открыты на городище Новая Ниса. Крупный архитектурный ансамбль с центральным квадратным залом, с раскрашенными глиняными статуями был раскопан на городище Старая Ниса. При раскопках дома в северной части городища были найдены ритоны из слоновой кости — сосуды в форме рога, украшенные изображениями мифических животных и многофигурными композициями. Поблизости были обнаружены обломки сосудов с парфянскими надписями — остатки упомянутого выше архива.

В Хорезме, где классическую культуру античности принято называть кангуйской, известен ряд памятников IV—I вв. до н. э. Своими масштабами выделяется громадное городище Базар-кала в правобережном Хорезме. Особый интерес представляет великолепный культовый памятник, развалины которого называются сейчас Кой-Крылган-кала.

В своей основе это гробница хорезмийских царей IV в. до н. э., связанная по принципам планировки с некоторыми недавно открытыми мавзолеями присырдарьинских саков. Центром комплекса является массивная круглая башня диаметром свыше 40 м при высоте около 8 м. Внутри нее расположено восемь сводчатых помещений, составляющих две изолированные одна от другой аналогичные группы; четыре лестницы ведут из них в стрелковую галерею, увенчивающую башню. В 15 м от башни проходит кольцо внешних крепостных стен. Пространство между центральной башней и внешними стенами занимали многочисленные многократно

перестраивавшиеся помещения, где располагались хранилища, обитали рабы и слуги храмового хозяйства. Этот храмовый комплекс существовал пять веков как центр династического культа обожествленных предков. Основной погребальный комплекс оказался разграбленным. Однако найденные при раскопках предметы чрезвычайно интересны. Следует отметить замечательные рельефы на огромных глиняных флягах, представляющие различные мифологические и бытовые, а также орнаментальные композиции. Найдено множество керамики, в том числе ритоны, украшенные изображениями животных, и кувшины с изображениями львов на ручках. Здесь же обнаружены остатки настенной живописи, древнейшей в Средней Азии.

Ритон из Старой Нисы

Множество терракотовых статуэток богини Анахиты свидетельствует о том, что этот памятник был как-то связан с ее культом. Среди множества других изображений следует отметить статуэтки из верхних слоев, несущие следы индо-буддийского искусства. На самом памятнике и в его окрестностях найдены обломки глиняных астоданов (оссуариев) — гробиков, куда, согласно зороастрийскому обряду, складывали кости умерших после того, как трупы, положенные на возвышенные места — дахмы — истлели. Койкрылганские астоданы, наиболее древние из всех известных, вылеплены в виде скульптур, изображающих, очевидно, умерших, воплощенных в образах хтонических божеств. Древний культовый центр — нынешние развалины Кой-Крылган-кала — прекратил свое существование с установлением в Хорезме власти кушанов.

Кушанский период истории Средней Азии назван так в связи со вхождением ее в I—IV вв. н. э. в состав государства, Кушанов, основанного правящим сако-тохарским родом кушанов, выдвинувшимся из среды завоевателей Греко-Бактрии. Первые кушанские цари подчинили себе бассейн р. Кабул и область Кашмира, а также южную часть Кангюя, ослабленного в это время борьбой с гуннами. Затем был завоеван Индостан вплоть до Бенареса. Наивысшего расцвета Кушанская империя достигает при Канишке, пришедшем к власти в 78 г. н. э., что ознаменовало возникновение так называемой «эры Шака» — одного из наиболее устойчивых летоисчислений Индии.

При нем к Кушанской империи были присоединены Восточный Туркестан, Фергана и Хорезм, расширены владения в Индии и сюда же, в г. Пешавер, перенесена столица. Канишка вел войны с Китаем, успешно налаживая в то же время дипломатические и торговые связи с Римом. Со смертью Канишки начинается упадок империи. Его преемники постепенно теряют связи со Средней Азией и становятся царями Индостана.

Статуя II в. н. э. Старая Ниса

В III в. н. э. ряд областей Средней Азии, видимо, возвращает себе самостоятельность. Интересно отметить, что в Хорезме, как показали недавние нумизматические изыскания, какое-то время правила самостоятельная династия, индийская по своему происхождению.

Большой интерес представляет религиозная политика Кушанов и прежде всего Канишки. Ему приписывается созыв буддийского собора (около 100 г. н. э.), положившего начало развитию догматики северного буддизма, так называемого «учения Большой колесницы» («Магаяна»), получившего распространение в Монголии, а также в Тибете и других районах Китая. Эта разновидность буддизма, как известно, отличается значительным синкретизмом, первоначально отразившим религиозный синкретизм империи Канишки: на монетах последнего встречаются изображения Будды, индийского Шивы, греческих Гелиоса и Селены (божества солнца и луны), зороастрийского Митры, семитической богини плодородия Нанайи и др.

Не случайно, что именно в I—II вв. н. э. во всех крупных державах античного мира распространяются великие «имперские религии» — религии, которые призваны были укрепить централизованную государственную власть в условиях начавшегося кризиса рабовладения. К этому оказались не способны древние религии локальных городских царств, племенные и кастовые культы.

Стремлением создать синкретические системы, освящающие религиозным авторитетом имперские объединения, характеризуется и реформа зороастризма в Парфии, сопровождавшаяся кодификацией Авесты при Вологезе I, и христианство — реформированный синкретический юдаизм Римской империи, и реформированный буддизм в Кушанской империи и Китае. Следует заметить, что верования, создававшиеся на протяжении веков в Средней Азии, не только легли в основу реформированного зороастризма, но и вошли в какой-то мере и в буддизм и в христианство (например, представление о рае и аде). Могущественным соперником христианства в Римской империи какое-то время был митраизм, культ среднеазиатского солнечного божества.

Значительный синкретизм наблюдается и в искусстве кушанского времени. Основной особенностью этого искусства, называемого по месту основных находок гандхарским, является синтез классических греческих и местных индийских и среднеазиатских форм. В изображениях, носящих по большей части буддийский характер, достигнут высокохудожественный синтез исходных школ. Примером такой скульптуры служит найденный близ Термеза так называемый Айртамский фриз.

Большой интерес для характеристики искусства кушанского времени в Средней Азии имеет материал, полученный при раскопках дворца царей Хорезма (III — начало IV в. н. э.) на городище Топрак-кала. На огромной искусственной платформе, достигающей высоты четырехэтаж-

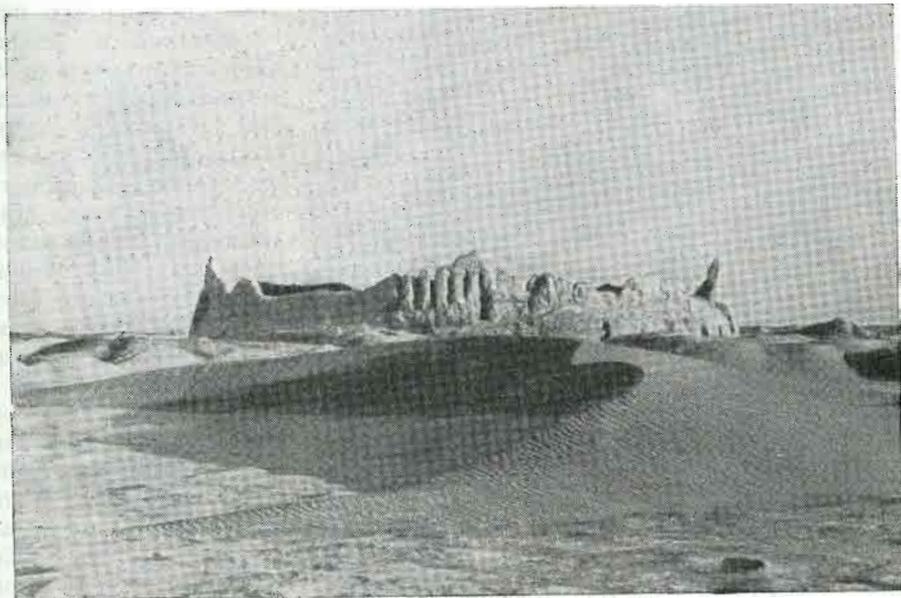

Настенная роспись замка Багадлык-тепе

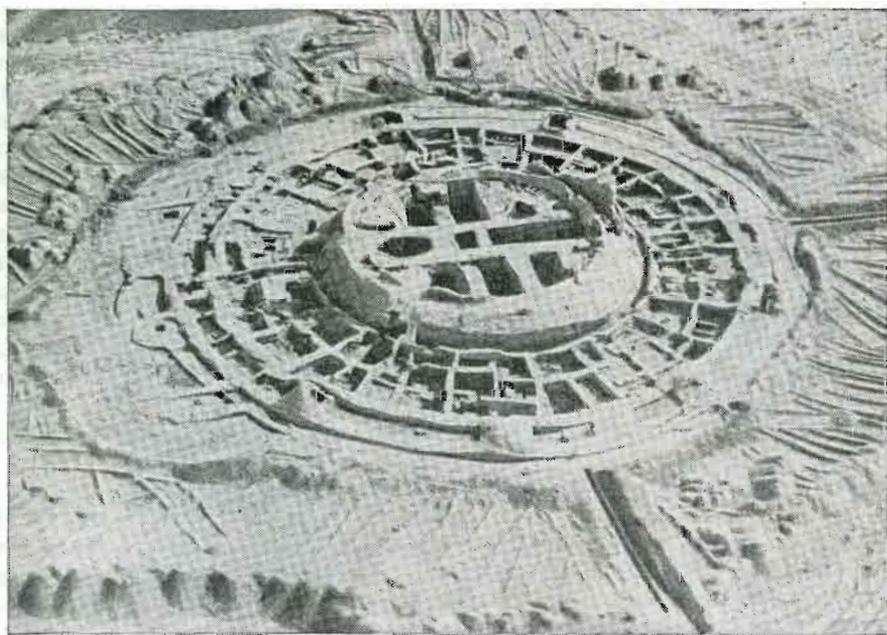
Женский портрет. Настенная роспись из дворца Топрак-кала

Настенная роспись замка Балалык-тепе

1

2

Кой-Крылган-кала

1 — общий вид; 2 — памятник после раскопок (аэрофото)

Горло кувшина с львиноголовой ручкой.
Кой-Крылган-кала.

спора. В изображениях хорезмийских царей и божеств мы находим прямую связь с предшествующей культовой (в том числе и погребальной) короoplastикой. Однако в своей основе искусство Хорезма глубоко самобытно.

Археологические исследования показали, что кушанский период являлся для Средней Азии также временем значительного хозяйственного подъема. Максимального развития достигла античная ирригация. Она опиралась на крупные магистральные каналы, подобные Гавхорэ и Чермен-ябу в Хорезме, Гау-Китфару в Бухаре, Даргому в Согде. В кушанский период получили распространение жернова, быстро сменившие зернотерки. Очень высокого уровня достигло гончарство. Самое широкое распространение получило денежное обращение. Большой подъем переживала городская жизнь. Некоторые города занимали огромные по тому времени пространства: Мерв до 350 га, Самарканд до 100 га. Однако основная масса сельского населения жила в отдельных домах-усадебках, реже в небольших сельских поселениях. В отличие от городов, сельские поселения, как правило, не были укреплены, находясь под защитой крепостей, построенных центральным правительством на границах империи¹.

И в то же время в недрах развитого рабовладельческого общества зрели противоречия, которые вскоре привели к его гибели.

В III в. Кушанская империя вступает в полосу глубокого кризиса и начинает распадаться. От нее обособляется ряд индийских владений, Фергана и Хорезм, цари которого возобновляют чеканку своей монеты. Постепенно она теряет значение мировой державы и становится объектом экспансии Ирана, где в это время возникает новая персидская династия — Сасанидов. Одновременно с падением Кушанской империи рушится и государство Аршакидов в Парфии. Середина III в. и последующее столетие было временем политических потрясений на всем Среднем Востоке, связанных с общим кризисом рабовладельческого строя. На это же столетие падает крушение античного Китая, связанное с так называемым периодом троецарствия.

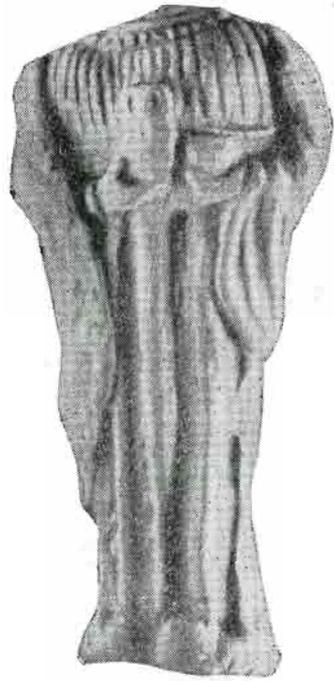
¹ Правда, античные источники и археологические разведки указывают на то, что в эту пору существовали длинные стены, окружающие оазисы (например, стена Автиоха в Мервском оазисе). Но данных о широком распространении таких сооружений в античную эпоху нет.

1

2

3

4

5

6

Терракоты с Кой-Крылган-калы и крепости Кырк-кыз

1 — женщина в нарядной одежде (высота — 12 см); 2 — богиня с бокалом (высота — 19,7 см); 3 — богиня с чашей и амфоровидным сосудом (высота — 11,5 см); 4 — мужчина в кафтане (высота — 8,5 см); 5 — мужчина в высокой шапке (высота — 10 см); 6 — голова мужчины в трехрогой шапке (высота — 6,5 см).

Фигура арфистки.
Фрагмент Айртамского фризa

В связи с отсутствием сильной централизованной власти, которая могла бы противостоять экспансии Сасанидов, ослабевшие среднеазиатские государства снова пытаются опереться в борьбе за свою независимость на степные племена. Степь приходит в движение, в борьбу с Ираном втягиваются не только племена, живущие в непосредственном соседстве с оазисами, но и в более отдаленных областях. Главную роль в IV—V вв. играют в Средней Азии степные варварские племена, объединяемые под именем хионитов и «белых гуннов» или эфталитов.

По-видимому, первоначальным очагом эфталитского объединения были северо-восточные окраины Хорезма — уже упоминавшийся район древней общей дельты Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Здесь в начале IV в. жили племена хионитов, близко родственные издавна проникавшим сюда с востока гуннским племенам. Гунны, образовавшие большой союз

племен в степях Центральной Азии и на северо-западных границах Китая, уже во II—I вв. до н. э. проникали в Семиречье и присырдарьянские степи. Об этом говорят не только китайские хроники, но и результаты раскопок погребальных памятников, указывающие на появление в Средней Азии монголоидного типа, принесенного из Центральной Азии. Раскопки могильников свидетельствуют также о смешении пришельцев с местными сако-массагетскими племенами европеоидного антропологического типа.

В начале IV в., по данным китайской «Истории северных Дворов», локализуемая большинством исследователей в северо-восточном Приаралье страна Яньдай, или Судэ, была завоевана гуннами.

Первым этническим образованием, возникшим в Приаралье в результате длительного процесса слияния сако-массагетских племен с гуннами и явились, очевидно, хиониты; они образовали большой военно-племенной союз, опиравшийся в своих военных походах не только на сородичей-степняков, но и на военные силы среднеазиатских государств: Хорезм, Согд, Чач (область Ташкента), Паркан (Фергана), государство дахов-тохаров (Даха китайских авторов — на территории древней Бактрии) и др. Несколько позднее возник еще один племенной союз — кидариты, политическая история которого связана с эфталитским движением. Вопрос о первоначальной локализации кидаритов остается спорным; существует гипотеза, что кидариты — лишь иное название хионитского объединения. Существует мнение о связи названия «кидариты» с местностью Кердер — так называли еще в X и даже в XIII в. северо-восточную приаральскую окра-

ину Хорезма. Другие исследователи вслед за китайскими источниками связывают название «кидариты» с именем царя Кидара, правившего в V в. в центральной области распавшейся Кушанской империи. Выступавшие в IV в. под именем хионитов, а позже кидаритов племена в V в. уже повсеместно стали известны под названием эфталитов или «белых гуннов». Существует несколько вариантов анализа этнонима «эфталит»; некоторые исследователи, в частности, полагают, что это искаженная тюркизированная форма имени массагетов (Gweta äli — народ Гвета), что указывает на их сако-массагетское происхождение.

Широкое движение эфталитов в начале V в. прервало сасанидскую экспансию в Среднюю Азию и поставило под серьезную угрозу само государство Сасанидов.

Первое вторжение эфталитов в Хорасан произошло в 427 г. Против них вели упорную борьбу Варахран V и Ездегерд II. Варахран V разбил наголову эфталитов около Мерва, убил их царя и украсил его короной храм огня в Азербайджане. Ездегерду II также еще удавалось сдерживать напор эфталитов и сохранять владения Сасанидов в восточном Хорасане и Тохаристане. Однако после его смерти в 457 г. эфталиты во главе со своим царем Акшунваром захватили Чаганиан, Бадахшан, Балх, Тохаристан и Гарджистан. Выступления преемника Ездегерда, Пероза, против эфталитов в 459 и 479 гг. были неудачны. В 479 г. иранское войско потерпело решительное поражение; в 484 г. войско Сасанидов окончательно было разбито эфталитами, а сам Пероз убит. Иранское правительство стало платить эфталитам дань.

Эфталиты основали в Средней Азии обширное государство. К началу VI в. твердо устанавливаются его границы с Ираном и сасанидскими владениями по р. Гюргену и между Мерверудом и Талаканом. Помимо Средней Азии в Эфталитское государство вошли Балх, Тохаристан, Гарджистан, Багдис, Герат, т. е. вся территория нынешнего Афганистана. В середине V в. эфталиты захватили некоторые области в Индии.

Китайские хроники говорят о значительном расширении эфталитских владений также и на восток. Вытеснив из Восточного Туркестана господствовавшее там объединение кочевых племен, сформировавшееся в процессе кризиса рабовладельческого строя Китайской империи на ее северных и западных окраинах и известное под именем жуань-жуаней,

Женщина с лютиевым инструментом.
Фрагмент Айртамского фриза

Оссуарий из окрестностей Кой-Крылган-калы

стенного населения; раскопки этого памятника позволили выявить следы социальной дифференциации. Замок племенного вождя довлеет над рядовыми постройками населения, резко выделяясь своими размерами и архитектурой. В культуре племен, оставивших эти памятники, прослеживается влияние более высокой хорезмийской цивилизации. С другой стороны, в формировании раннесредневековой афригидской культуры большую роль сыграли степные племена хионито-эфталитского круга. Так называемые «Болотные городища» на восточном берегу Аральского моря имеют несколько более поздние слои, чем вышеописанные хионитские памятники. Они относятся ко времени эфталитов и тюрков. Площади этих огромных городищ, отличающихся неправильностью планировки, достигают нескольких десятков гектаров. Их обитатели сохраняли очень консервативный бытовой уклад с сильными пережитками общинно-родовых отношений. В культуре населения чувствуются различные этнические напластования.

В современной дельте Аму-Дарьи расположены памятники этого же исторического периода Куяк-кала (в горах Кушканатау) и Ток-кала; к эфталитскому времени относятся верхние слои общинных домов урочища Джеты-Асар и многие из находящихся в этом же урочище курганов. Ве-

или аваров, они захватили там Кашгар, Хотан и ряд других областей.

Резиденция верховных правителей эфталитов, как полагают некоторые исследователи, находилась в г. Пейкенде, близ Бухары.

Эфталиты почти полностью восстановили прежнюю территорию Кушанской империи, местами их владения даже вышли за ее пределы. В настоящее время уже исследован ряд археологических памятников племен хионито-эфталитского круга как на территории юго-восточного Приаралья, так и далеко за пределами этой области, в завоеванных ими странах Средней Азии.

К памятникам хионитов относятся Игды-кала, верхние слои Куня-Уаза и Канга-калы, датируемые IV в. н. э., и более позднее поселение Барак-там в северо-западных Кызылкумах. Игды-кала — сильно укрепленная каменная крепость, воздвигнутая на почти неприступном обрыве Узбоя, — была, видимо, опорным пунктом хионитов в период их борьбы с сасанидами. Комплекс развалин Барак-там — остатки жилищ полуоседлого

Раскопки дворца Топрак-кала

ликоплетным памятником искусства эфталитского времени является замок Балалык-Тепе в Сурхан-Дарьинской области Узбекистана с многокрасочными настенными росписями.

Эфталитский период роднит с кушанским культурно-идеологическая политика эфталитских правителей. Китайские источники и художественные памятники Афганистана и Мавераннахра позволяют говорить о возрождении и укреплении в эфталитских владениях буддийской религии. По сведениям Китайской хроники Бэйши, в резиденции эфталитских царей «множество храмов и обелисков буддийских, и все украшены золотом»¹.

Анализ материала «Болотных городищ» и других памятников IV — V вв. северного и северо-восточного Хорезма приводит к выводу, что они были созданы народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами, однако около IV — V вв. н. э. подвергшимся сильному влиянию восточных племен тюрко-монгольского круга (гуннов). Это был народ, характеризующийся комплексным скотоводческо-рыболовческо-земледельческим хозяйством, с ведущей ролью скотоводства, не имеющего, однако, кочевого характера и сочетающегося с оседлым или по меньшей мере полuosедлым бытом, с обитанием в укрепленных общинных поселениях — «городах» (о «городском» быте эфталитов упорно говорят византийские авторы — Прокопий Кесарийский и Меландр).

Характер планировки хионито-эфталитских городищ говорит о живых общинно-родовых традициях. Это подтверждается и письменными памятниками. Так, в частности, китайские хроники сообщают о многомужестве у эфталитов. Несомненно, это пережиток группового брака.

Об архаическом, варварском укладе, оживляющем в нашей памяти древние скифо-массагетские традиции, говорит сообщаемый Прокопием

¹ Н. Я. Бичурин (Шакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, стр. 268.

Скульптура из дворца Топрак-кала

Кесарийским эфталитский обычай, согласно которому эфталитские вожди окружали себя так называемыми «соумирающими» людьми — людьми, которые были их сотоварищами по трапезе, в быту, в сражении и которые после смерти вождя должны были сопровождать его в загробный мир.

Завоевание Средней Азии степными племенами эфталитов замедлило процесс ее феодализации, временно укрепив общинно-родовые и военно-рабовладельческие традиции. В то же время широкое расселение племен хионито-эфталитского круга, нахлынувших из степей, несомненно отразилось на ее этнической истории и развитии культуры.

Краниологический материал этого периода, собранный за последние годы (при раскопках городищ Канга-калы, Куня-Уаза, Джеты-Асара), говорит уже о далеко зашедшем процессе смешения местного населения с монголоидным этническим элементом восточного и северо-восточного происхождения. В Приаралье эти племена составили значительный пласт в этногенезе каракалпаков и туркмен, а отчасти и узбеков. Роль их своеобразной культуры была чрезвычайно велика в Средней Азии; это особенно хорошо прослеживается

на становлении раннесредневековой афригидской культуры Хорезма.

В 60-х годах VI в. на политическую арену выступают тюркские племена Алтая. Объединившись с соседними племенами территории Монголии и тюрками других районов, они образовали новую могущественную варварскую державу, разгромившую Жуань-Жуанский каганат и развернувшую широкую экспансию как на восток, против переживавшего глубокий социально-политический кризис Китая, так и на запад, в Восточный Туркестан и Семиречье. Под ударом тюрков пала и Эфталитская империя.

Формирование народностей Средней Азии и Казахстана в эпоху средневековья

В Тюркский каганат вошли различные племена и народы Алтая, Семиречья и Центральной Азии.

Слово «тюрк» первоначально не являлось этническим термином. В древних рунических надписях, на скалах и надгробиях долин Орхона и Енисея, а также в других раннесредневековых письменных источниках словом «тюрк» обозначалось лишь политическое объединение разнородных племен Тюркского каганата. В VI — VIII вв. в результате слияния различных этнических элементов, составлявших ядро этого государства, образовалась группа племен, говоривших на близких языках и наречиях, получившая общее наименование «тюрки» и сыгравшая впоследствии столь важную роль в этногенезе тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

В обществе степных скотоводческих и тюркских племен развивались уже социальные противоречия. Выделилась родоплеменная знать — «беги». Основной ячейкой была большая патриархальная семья, в состав

Живопись Пенджикента; деталь росписи на стене в одной из комнат жилого комплекса

Варакша. Фрагмент росписи на стенах дворца бухархудага

которой входили клиенты и рабы (последние добывались во время военных набегов).

Тюркские каганы, завоевав Среднюю Азию, стали блокироваться с феодализирующейся аристократией местных государств (в частности, Согда) и опираться на нее в борьбе против демократических движений, все чаще возникавших в самом каганате. Такая политика особенно ярко раскрывается в событиях, происходивших в 80-х годах VI в., когда в Бухару бежал во главе с группой восставших тюркских воинов их вождь Абруй (Або китайских источников). Здесь, в западной части Тюркского каганата повстанцы объединились с угнетенным населением Бухарского оазиса и, захватив на время власть, вынудили аристократию Бухары — диканов и богатых купцов — эмигрировать под защиту кагана в Семиречье, где находилась его резиденция. Однако правитель каганата Кара-Чуриин оказался не в силах подавить объединенное движение тюркской и согдийской бедноты и вынужден был призвать для этого своих недавних врагов — китайцев. Тюркско-китайская армия, окружив г. Пейкенд, где укрепился Абруй, подавила восстание, вождь его был повергнут жестокой казни. После подавления восстания каган Кара-Чуриин возобновил завоевательную политику, вступив при поддержке Византии и хазар в борьбу с Ираном, но был разбит и погиб в бою с сасанидскими войсками.

Политический упадок каганата привел к его разделу на восточную и западную части. Границы Западного каганата, в состав которого входили среднеазиатские области, в VII в. достигали берегов Инда. Это был период установления тесных связей кочевников-тюрков с подчиненными им земледельческими областями Средней Азии, время образования согдийской колонии в Семиречье и Восточном Туркестане, роста городов и установления оживленных торговых связей с Китаем и Ираном. Основной торговый путь шел через города Мерв, Чарджоу, Бухару, Самарканд, Чач, Исфиджаб, Талас, Суяб и дальше — в оазисы Восточного Туркестана.

Период владычества Тюркского каганата несомненно сыграл большую роль в этнической истории Средней Азии и Казахстана, обусловив приход сюда больших групп тюркских этнических элементов, их сближение и частичное слияние с местным оседлым ираноязычным населением. Однако нельзя считать, что тюркизация ираноязычного населения оазисов и степей Средней Азии впервые началась лишь в этот период: проникновение этнических элементов из Центральной Азии восходит к весьма отдаленным временам. Об этом говорят относящиеся еще к эпохе бронзы элементы карасукской культуры в археологических материалах Средней Азии. Палеоантропологические материалы свидетельствуют о наличии монголоидной примеси у апасиаков, т. е. в IV в. до н. э. Большую роль в этом сыграл, очевидно, и приход гуннов, нахлынувших в степи Средней Азии во II в. до н. э.; вопрос об их языке, правда, до сих пор еще остается спорным; большая часть исследователей считает его тюркским, меньшая связывает его с древними монгольскими или тунгусо-маньчжурскими языками. Но во всяком случае есть основания считать, что он принадлежал к древней «алтайской» языковой общности, которая существовала в ту отдаленную эпоху, когда тюркские языки еще не обособились окончательно ни от монгольских, ни от тунгусо-маньчжурских. Можно полагать, что этнической основой этой языковой общности было множество племен, из которых только некоторые известны по письменным источникам или дожили до нашего времени в этнонимах и этнографических группах своих потомков.

Лингвистический анализ словарного материала хионитско-эфталитского происхождения привел к противоречивым результатам; некоторые исследователи пришли к выводам о близости его к иранским корням, другие — к тюркским. Разногласия эти естественны. Они вызваны тем, что основу эфталитского языка составляют языки сако-массагетских племен, подвергавшихся на протяжении веков влиянию просачивавшихся алтай-

ских этнических элементов, среди которых все большую роль играли тюркские.

В период владычества Тюркского каганата в Средней Азии развивался процесс феодализации; отдельные владения, княжества, возглавлялись, как и в эфталитский период, правителями из местных династий. Часть этих владений (например Хорезм, где в это время правила сильная династия Афригидов) продолжала сохранять свой суверенитет. Государства того времени представляли собой город с его округой, порою окруженный кольцом «длинных стен». Иногда эти владения объединялись в небольшие и неустойчивые конфедерации, тяготеющие к какому-нибудь крупному центру.

Тохаристан—древняя Бактрия—распался на ряд мелких княжеств; на верхней Аму-Дарье это были Балх и Чаганиан, Термезское владение, княжества Вашгирд, Кувадиан и Хутталян (между Пянджем и Вахшем); выше по Пянджу, в горах, — Керран, Шахинам (Шугнан) и Вахан, а в верховьях Вахша — Рашт и Кумед (нынешний Каратегин). В верховьях Зеравшана было княжество Буттам; Согд распался на три конфедерации городских княжеств: в долине Зеравшана — Самарканд, западнее — Бухара; в долине Кашка-Дарьи — Кеш. Из мелких городских княжеств, видимо, самостоятельны были Маймург близ Самарканда, а ниже по Зеравшану — Иштихан и Кушания, Вардана и др. В Ферганской долине самостоятелен был округ Ходжента, область Усрушана (Уструшана) в районе Ура-Тюбе.

Аналогичные черты раздробленности наблюдаются и в Хорезме. В период арабского завоевания северную часть дельты Аму-Дарьи занимал Кердер, население которого, по словам арабских авторов, говорило на особом языке — не хорезмском и не тюркском. Есть серьезное основание предполагать, что разделение Хорезма на юго-восточный и северо-западный, с центром первого в Кяте, а второго в Ургенче, зафиксированное источниками после арабского завоевания, также восходит к домусульманскому времени.

Раскопки памятников этого исторического периода, предшествующего арабскому завоеванию, позволяют восстановить многие черты социально-бытового уклада, культуры, искусства населения Средней Азии. В Чаче близ Ташкента раскопан замок Ак-тепе с жилой башней — *кёшк* и двором, обнесенным стенами. Множество укрепленных усадеб рядовых сельских жителей и имеющих с ними сходную планировку более крупных замков земельной аристократии раскопано в феодализирующемся афригидском Хорезме; главный комплекс этих памятников находится в пустыне Кызылкум (Беркут-калинский оазис), где ныне вновь освоены земли древнего орошения и между развалинами замков раскинулись колхозные поля. Продолжаются начатые еще до революции раскопки Афрасиаба — городища древнего Самарканда, где обнаружены богатые находками раннесредневековые слои. Проведены раскопки Тали-Барзу в центре области Ривдад — к югу от Самарканда. В Бухарском оазисе обнаружено и раскопано городище Варахша, где находился дворец местного правителя; стены дворца были украшены живописью и прекрасной резьбой по штуку (алебастру). Стенные росписи изображают шествие зверей и сцены охоты, где всадники на слонах борются с фантастическими животными; в других помещениях оказались многофигурные композиции — царь на троне, окруженный свитой, всадники в панцирях и шлемах и др. На алебастровой облицовке обнаружены рельефы фигур людей, животных, птиц, рыб, деревьев и фантастических существ. Дворец Варахша — прекрасный памятник согдийского искусства VII в., в котором отражаются связи с искусством Индии и Ирана. Не менее блестящие образцы согдийского искусства найдены при раскопках древнего Пенджикента в развалинах домов и храмов. Настенные росписи одного из храмов изображают фра-

Замок Якке-Парсаи в пустыне Кызылкум (вид с самолета)

гменты сцен ритуального шествия, культовой трапезы, танцев, жреца, стоящего на коленях перед алтарем. Во втором храме центральной темой росписей является сцена оплакивания покойника. Не вызывает сомнения трактовка другой росписи, где показан в полном соответствии с известным эпическим образом полубожественный герой Рустем, борющийся с демонами.

В нишах храмов помещались глиняные скульптуры, от которых сохранилось, однако, лишь немного фрагментов. Большой интерес представляет оформление стен одного из айванов скульптурными изображениями людей, морских чудовищ, змей и рыб на фоне выполненных из глины в низком рельефе волн, окрашенных синим цветом. Все эти прекрасные произведения искусства имеют, помимо культурно-исторического значения, также и большую научную ценность первоклассного историко-этнографического источника, дающего образное представление об этническом облике, материальной и духовной культуре населения Средней Азии VII — начала VIII в. Судя по росписям и скульптуре, среди местного населения в это время было много тюрков, эфталитов, встречаются изображения китайцев.

Большую научную ценность представляют находки в развалинах замка на горе Муг; здесь в 1932 г. пастух таджик нашел случайно корзину с древними рукописями. Последовавшие затем раскопки выявили много бытовых предметов, в частности, деревянный обтянутый кожей щит с изображением согдийского воина, видимо принадлежавший владельцу замка, пенджикентскому князю Деваштичу, а также архив, содержащий около 80 документов на арабском, китайском, тюркском и согдийском языках, представляющий деловую переписку и хозяйственные записи Деваштича. Как показали исследования, между древнейшим тюркским письмом и древними письменностями Средней Азии — согдийской, усрушанской, бухарской, хорезмийской и другими — имеется сходство, объясняемое их общим источником — арамейским письмом. Китайский путешественник Сюань Цзян сообщает ряд сведений о характере согдийского письма, которые подтверждаются анализом согдийских документов, найденных на

горе Муг, и обнаруженных ранее в Восточном Туркестане памятников религиозной (буддийской, христианской, манихейской) литературы на согдийском языке, относящихся преимущественно к раннему средневековью. Среди согдийских текстов оказались отрывки песен о Рустеме, бытовавших еще в эпических сказаниях саков и влившихся в X в. в «Шахнаме» (см. стр. 136, 140).

Хорезмийские документы VIII в. впервые обнаружены в 1959 г. при раскопках одного из афригидских замков — Якке-Парсан.

В отличие от Ирана, где грамотность была распространена главным образом среди чиновников и жрецов, в Средней Азии письменность была в этот период распространена значительно шире.

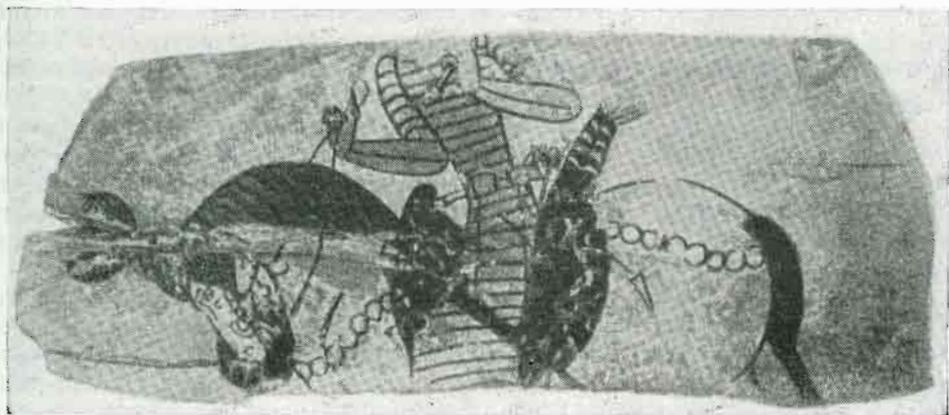
Исторические источники говорят о тесных связях в VI—VIII вв. между тюркским и древним ираноязычным земледельческим населением, совместно развивавшим разностороннюю и богатую культуру. Известно, что тюрки-кочевники жили в VII — начале VIII в. в районе Чача (Ташкента); в Семиречье, в долинах Таласа и Чу, кочевали тюрки-тюргеш; в Фергане и Тохаристане — тюрки-карлуки. Немало тюрков поселилось также в Бухарском и Самаркандском оазисах. Новые археологические материалы очень убедительно свидетельствуют о взаимовлиянии культур степных и земледельческих племен Средней Азии в VI—VIII вв. В частности, степные племена оказали большое влияние на формирование афригидской культуры в Хорезме (архитектура, керамика и др.). Новые археологические открытия показывают также, что основные черты средневековой культуры народов Средней Азии сложились уже в VI—VII вв., перед вторжением арабов. Это говорит о несостоятельности попыток, делавшихся не раз в прошлом историками, объяснить различия между так называемой «мусульманской» и «домусульманской» культурой в Средней Азии лишь вторжением нового этнического элемента — арабов.

Уже в 50-х годах VII в. в Хорасане и на границах Средней Азии, под стенами Мерва, Герата и Балха появляются войска Арабского халифата. Однако сын Ездегерда III, царя Сасанидского Ирана, Пероз ценою принятия вассальной зависимости от Китая добился его помощи в борьбе с арабами и освободил от них Хорасан. Сам Пероз оказался в роли префекта китайского императора во вновь созданной китайской провинции Босы (Персия). Но вскоре арабы вновь начали наступление и, изгнав Пероза, закончившего свою жизнь в Китае в качестве «генерала гвардии правого крыла» китайского императора, прочно закрепились в Хорасане.

В начале VIII в., при наместнике Хорасана Кутейбе ибн-Муслиме, арабы вторглись в Среднюю Азию. Большая часть сокровищ культуры, созданных в этот период народами Средней Азии, была истреблена в огне арабского нашествия. Именно в эти годы жестокой борьбы был сожжен замок на горе Муг, погибли пенджикентские храмы и многие другие великолепные памятники. Истребление арабами культурных ценностей Хорезма красочно описывает известный среднеазиатский ученый XI в. ал-Бируни. По его словам, арабский полководец Кутейба «подверг всяким терзаниям»¹ и уничтожил всех ученых, которые хорошо знали хорезмийскую письменность и хранили исторические предания, так что нельзя уже узнать в точности, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама.

Арабское завоевание происходило в обстановке жестокой войны. Местное население, объединившись с тюрками, встретило завоевателей упорным сопротивлением продолжавшимся до середины VIII в. около 50 лет, в то время как завоевание могущественного Сасанидского Ирана отняло

¹ А б у р е й х а н Б и р у н и. Памятники минувших поколений. Избранные произведения, т. 1. Ташкент, 1957, стр. 48.

Деревянный щит, обтянутый кожей, с изображением согдийского всадника.
Замок на горе Муг

у них всего 15—16 лет. Жители Мавераннахра отстаивали каждую пядь своей земли. Когда согдийский царь Тархун в 710 г., предав свой народ, заключил тайно мир с арабами, согдийцы свергли его, и он покончил жизнь самоубийством. Лишь измена землевладельческой знати, переходившей на сторону арабов, помогла им сломить сопротивление народов Средней Азии. В 751 г. Китай сделал последнюю из многочисленных попыток противопоставить себя арабам и захватить власть в Средней Азии и Иране; однако битва на Таласе между войсками полководцев Гао Сянь-чжи и Зияда ибн-Салиха окончательно решила спор в пользу Арабского халифата.

Арабы обложили население земельным налогом (*харадж*) и подушной податью (*джизье*), при сборе которых применялись насильственные и унижающие человеческое достоинство меры. Очень тяжелы были также натуральные повинности. В то же время земельная аристократия, знатные дехканы, пользовались многими привилегиями. Развитие феодальных отношений, начавшееся в Средней Азии еще до арабского завоевания, продолжалось под властью халифата, превратившего в государственную собственность значительную часть земельного фонда, принадлежавшего ранее свободным сельским общинам. Часть этих земель перешла к арабской знати, а часть, в виде пожалований, — к местной среднеазиатской аристократии. Земледельцы-общинники постепенно становятся феодально зависимыми крестьянами.

Насильственно распространяли арабы также свою религию — ислам, в котором они видели большую силу, способную объединить с ними покоренное население единым мировоззрением, установлением определенных норм поведения. Кроме того, ислам узаконивал военные грабежи под видом законной добычи, нормы распределения которой разработаны в Коране («Сура о добыче»). Вместе с исламом распространялся арабский язык, становившийся постепенно языком государственных канцелярий, науки и литературы. Однако народные массы продолжали говорить на местных (иранских, тюркских и др.) языках и диалектах.

Не оказали арабы существенного влияния и на этнический состав населения Средней Азии. Живущие здесь поныне группы арабов — потомки переселенцев, пришедших значительно позже, во времена владычества Тимура. В то время как исламизация высших слоев общества и части городского населения (кудечества) осуществлялась довольно быстро, сельское население сильно противилось новой религии, связывая ее со всей системой эксплуатации, введенной арабами, и продолжало придерживаться зороастризма и других доисламских религий.

На протяжении всего VIII в. история арабского владычества полна бурных исторических событий, мятежей и карательных походов. В 747 г. крестьяне и горожане приняли участие в восстании под предводительством Абу-Муслима, которое закончилось низвержением династии Омейядов и переходом власти в халифате к династии Аббасидов. В 70—80-х годах VIII в. наиболее мощным из восстаний против халифата было движение Муканны. Это восстание, как и многие предыдущие выступления жителей Среднеазиатского междуречья против иноземных завоевателей, широко поддерживали тюркские племена, пришедшие из степей на помощь восставшим.

Власть арабов простиралась лишь на незначительную южную часть территории нынешнего Казахстана. В его степных областях различные тюркоязычные племена оставались независимыми. В юго-восточном Казахстане (Семиречье) образовались объединения тюрков-тюркешей (VIII в.), а затем карлуков (VIII—X вв.). При карлуках сюда переселилось из Восточного Туркестана много уйгуров. Западнее, в низовьях Сыр-Дарьи, находилось владение крупного союза тюркских племен — огузов, так же как и карлуки, сочетавших скотоводство с земледелием и имевших свои торговые центры — города. Центром огузов был г. Янгикент в низовьях Сыр-Дарьи, одно из гунно-тюркских городищ древней дельты этой реки, заново укрепленное и перестроенное в раннем средневековье.

Культура огузов изучена на большом археологическом материале в низовьях Сыр-Дарьи, где расположены развалины множества их поселений и городов; эта культура имеет глубокие местные корни; наблюдается преемственность ее развития, непосредственные связи с предшествующей ей культурой эфталито-хионитской и с еще более ранними культурами местных сако-массагетских племен. В то же время в ней прослеживается сильное влияние культуры степных гунно-тюркских племен, внедрившихся в Приаралье из Центральной Азии и приаральских областей.

По всем данным огузы — потомки тюркизированных в VI—VII вв. эфталитов. Кроме основного эфталито-тюркского этнического элемента, в составе огузов VIII—X вв. имелась значительная прослойка индоевропейских элементов в лице племен тохаров (огузское племя дюкер) и ясов-алан (языр-язгыр). Огузские племенные названия кайы, баят и баяндер свидетельствуют о проникновении в среду огузов монгольских элементов еще за пять столетий до монгольского завоевания; участие их в этногенезе огузов объясняет и отмеченную выше струю центрально-азиатского влияния, явственно различаемого в культуре огузов.

Потомками древнего населения Приаралья были и племена печенегов, союз которых формировался одновременно и в непосредственном соседстве с огузами. Этнической базой их также являлись древние племена сако-массагетского и сармато-аланского происхождения, подвергшиеся затем тюркизации; согласно Махмуду Кашгарскому, печенежский язык был близок болгарскому и суварскому. По-видимому, в этногенезе печенегов большую, чем у огузов, роль играли протоугорские элементы; в частности, в нем могли участвовать йирки, упомянутые Геродотом как жители районов Приуралья, тюркизированные потомки которых вошли одним из компонентов в состав башкир.

Весьма интересен анализ этнонимов огузов и печенегов, подтверждающий этногенетические связи этих средневековых народностей с местными древними сако-массагетскими племенами; в результате этого анализа оказывается, что имя «огуз» восходит первоначально к имени массагетского племени «аугасии», жившему в древней дельте Сыр-Дарьи, а этноним — «печенег» генетически связан с именем «апасиаки» — «пасики» Птолемея ¹.

¹ С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической топонимике восточного Приаралья). «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 50.

На протяжении IX—X вв. на восточных окраинах вступившего в полосу политического распада халифата возникали сменяющие друг друга крупные раннефеодальные объединения восточного Ирана и Средней Азии — государства Тахиридов, Саффаридов и Саманидов. Возглавляемое местной династией сильное государство Саманидов, центром которого была Бухара, существовало с 874 по 999 г. и сыграло большую роль в этнической и культурной истории страны. Оно объединяло Мавераннахр, Хорезм, присырдарьинские области, часть Туркмении и значительные области Афганистана и Ирана. В эти годы выросли средневековые города Средней Азии (Самарканд, Бухара и др.) с многочисленным ремесленным и торговым населением. Особенно высокого развития достигли в этот период художественные ремесла (в частности, керамическое), искусство, литература, наука. Широко распространился таджикско-персидский язык. На нем создавали свои прекрасные произведения поэт Абу-Абдаллах Рудаки и великий творец «Шахнаме» Фирдоуси. На арабском языке (ставшем языком науки) писали выдающиеся труды среднеазиатские ученые.

Уже к концу VIII — началу IX в. относится жизнь и деятельность признанного основателя «арабской» математики и математической географии — хорезмийца Мухаммеда ибн-Муса ал-Хорезми, искажением имени которого является математический термин «алгоритм» (общее решение любой математической задачи), а от одного из слов заглавия его произведения «ал-Джабр» произошло название алгебры. Ал-Хорезми не только математик, но и астроном, географ и историк. Общеизвестно, что в его трудах осуществился тот синтез индийской алгебры и греческой геометрии, который лежит у истоков математической науки. Ал-Хорезми опирался на многовековую традицию хорезмийской математики, выросшей на почве практических потребностей ирригации, путешествий, строительства и торговли, впитавшей в себя и творчески переработавшей лучшие традиции греческой и индийской культур. С этой зрелой математической наукой познакомил ал-Хорезми арабов, а затем, в европейских переводах, и европейский ученый мир. Как географ ал-Хорезми принимал участие в посольстве аббасидского халифа ал-Мамуна в Хазарию. Есть основания полагать, что именно им заложен тот основной костяк географии и этнографии Восточной Европы, который впоследствии выступает в качестве неизменно повторяемого архетипа во всех позднейших арабских географических трудах. Его «Ал-Китаб Сураат ал-Ард», книга «Картинь мира» по авторитетному признанию В. В. Бартольда, положила начало арабской географической науке.

С именем Абу-Насра ал-Фараби (ум. в 950 г.) связаны высшие достижения восточной философии того времени. Фараби написал комментарии к сочинениям Аристотеля, к трактатам Птолемея и других греческих философов и ученых. В своих произведениях Фараби неоднократно высказывал мысли, отражавшие его материалистические воззрения, за что он подвергался преследованиям духовенства. Прогрессивные взгляды этого среднеазиатского философа, которого справедливо называли Аристотелем Востока, составили важнейший идейный источник мировоззрения прославленного ученого Абу-Али ибн-Сины (Авиценны, 980—1037 гг.), автора замечательных работ в области медицины и философии. Уточняя и развивая идею о вечности и несотворенности реального мира, ибн-Сина отмечает, что материя существует вечно и проявляется в многообразных формах. При помощи органов чувств, по словам ибн-Сины, человек воспринимает воздействие внешних, реально существующих тел и закрепляет результаты этого воздействия в своей памяти. Ибн-Сина писал: «Познание всякой вещи, если она возникает, достигается и бывает совершенным через познание ее причин...»

В числе медицинских трактатов ибн-Сины известны: «Канон врачебной науки», «Книга о болезнях сердца», «Книга о пульсах», «Правила испол-

зования лекарств», «Лихорадки и опухоли», «Нервные болезни и параличи» и др.

«Канон врачебной науки» является величайшим творением. На нем воспитывались врачи в течение почти 600 лет как на Востоке, так и на Западе. Еще в XII в. он был переведен на латинский язык. «Канон» был почти единственным учебным пособием в средневековых университетах и оказал заметное влияние на все последующее развитие научной медицины. Ибн-Сина дает замечательное определение понятия медицины и ее задач. Он пишет: «Я утверждаю: медицина есть наука, познающая состояние человеческого тела как здорового, так и больного, чтобы уметь сохранять здоровье и восстановить, если оно утрачено». В «Каноне» приводятся подробные данные по анатомии и физиологии человека. Есть основание полагать, что ибн-Сина сам занимался вскрытием трупов и на основании собственных наблюдений описывал строение органов.

За много веков до развития микробиологии ибн-Сина предугадал роль загрязненной воды и воздуха в возникновении и передаче некоторых заболеваний.

Ибн-Сина был вершиной медицинской мысли Средней Азии феодальной эпохи. Он создал целую школу врачей Среднего Востока. Все последующие врачи Средней Азии в той или иной степени считали себя учениками великого Шейх-ур-раиса (старшины врачей), т. е. ибн-Сины.

Богатая, развитая культура Хорезма, имеющая замечательные древние традиции, дала такую титаническую фигуру как Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни (973—1048 гг.) — современник ибн-Сины, родившийся на территории современной Кара-Калпакии в древнем г. Кят (окрестности нынешнего районного центра Бируни). В его лице выступает перед нами великий энциклопедист средневекового Востока, астроном, географ, минеролог, этнограф, историк и поэт.

Его перу принадлежит ряд капитальных трактатов по разным отраслям науки, и во всех он проявляет себя как выдающийся эрудит и самостоятельный мыслитель, прокладывающий новые пути в науке. Его историко-геологические теории по истории ландшафта Северо-Индийской низменности и по истории изменения течения Аму-Дарьи далеко опережают взгляды тогдашней науки, приближаясь к современным научным концепциям. Труд Бируни «Ал-Асар ал-Бакия...» — «Памятники минувших поколений», трактат о летоисчислениях народов мира, является настоящим кладом сведений по истории культуры, философии, астрономии, религии разных народов. Ценнейшие историко-географические сведения заключены в его трактате «Ал-Канун ал-Мас'уди» и геодезическом труде «Тахдид Нихай-ат ал-амакин...»

Замечательная «История Индии» Бируни является образцом историко-этнографической монографии, не имеющей себе равных в средневековой литературе. Трудом первостепенного научного значения была и дошедшая до нас лишь в отрывках «История Хорезма», в которой заключались сведения о роли Хорезма в событиях на Руси, предшествовавших принятию христианства. Благодаря Бируни, знакомившему страны мусульманского Востока с географией и этнографией Восточной Европы, арабам стали впервые известны варяги-норманны и народы «страны мрака» — население европейской и азиатской Арктики.

Страстный патриот, Бируни гневно клеймил завоевателей, истреблявших культуру Средней Азии; в своих знаменитых «Памятниках минувших поколений» он с уважением отзывался об обычаях, верованиях, культуре, быте, науке других народов (римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, евреев, арабов), историю которых он великолепно знал.

Его рационалистические идеи в таких областях знания, как астрономия, геология, гидростатика, география, во многом предвосхитили взгляды Коперника, Леонардо да Винчи и др.

Опытное, эмпирическое знание, занявшее важное место в творческой деятельности Бируни, определяло в целом стихийно материалистический характер его воззрений на явления природы. Признавая существование природы вне и независимо от сознания человека, Бируни возвышает человеческий разум, обладающий способностью познать явления и закономерности реального мира.

Однако научные достижения и передовые материалистические элементы мировоззрения ибн-Сины и Бируни были заглушены господствовавшей в стране реакционно-клерикальной идеологией.

В XI—XII вв. в Мавераннахре в обстановке бесконечных феодальных смут и нашествий завоевателей широко распространяется зародившееся еще в IX в. в Ираке мистическое учение суфизм, оказавшее реакционное влияние на всю последующую культурную историю народов Средней Азии.

Для суфизма характерен крайний синкретизм, сочетание самых различных по генезису элементов — от ортодоксального ислама до элементов древних культов.

Философскую основу суфизма составляет пантеизм — представление о том, что божественная сущность разлита во всей вселенной и человек может полностью слиться с божеством.

Путь к этому, по учению суфиев, имеет ряд ступеней, прохождение которых есть постепенное приближение к этой конечной цели. Принятие в качестве первой ступени суфийского пути норм официальной религии открыло возможность сосуществования суфизма с исламом. Однако на второй ступени совершенствования суфизм признавал свободу от догм официальной религии, что создавало условия для развития самых различных направлений философской мысли, иной раз весьма далеких от ислама.

Под покровом пантеизма в суфизме проявлялся протест против официальной религии, отказ от ее обрядности.

С другой стороны, в том же суфизме развивались направления наиболее реакционные, знаменовавшие собой господство самого откровенного мракобесия, основанные на отрицании главенствующей роли разума, полном отказе от собственной воли. Прохождение суфийских ступеней совершенствования по учению суфиев должно было осуществляться под руководством наставника (*муршид*, *пир*), которому вступающий в орден предавал себя в полную власть, становясь его послушником — мюридом, символизируя это обрядом «вручения руки». Требование полного подчинения муршиду, в руках которого, по широко распространенному в суфийской среде выражению, мюрид «должен быть подобен трупу в руках обмывателя мертвых», было одним из самых реакционных положений, когда-либо предъявлявшихся религией к своим адептам.

* * *

С X—XI вв. в Средней Азии феодальные отношения стали господствующими, хотя при этом сохранялись пережитки рабовладельческого и первобытнообщинного строя. Особенно большое значение последние сохраняли в кочевых и полукочевых районах, где у тюркских племен устойчиво продолжали существовать родоплеменные группы и древние патриархальные обычаи. Социальный строй здесь принял форму патриархально-феодального, с ведущей ролью феодальных отношений. Патриархально-феодальные отношения преобладали и в некоторых отдаленных и изолированных оседло-земледельческих районах.

В этнической истории Средней Азии с эпохи феодализма наступил новый этап развития — начиналось формирование современных народностей. Ранее других завершился процесс сложения таджикской народ-

ности, древними предками которой были бактрийцы и согдийцы. Уже на грани IX и X вв. в пределах государства Саманидов завершился процесс оформления таджикской народности и таджикского языка.

На смежной с таджиками территории формировался узбекский народ. Древнейшими предками узбеков также были местные, среднеазиатские народы и племена: хорезмийцы, согдийцы, массагеты и саки. Смешиваясь с тюркскими племенами, уже на ранних этапах истории переселявшимися из степей в долину Зеравшана, Фергану, Чач, Хорезм и другие области Мавераннахра, местное земледельческое ираноязычное население перенимало их язык, в свою очередь передавая им свои хозяйственные и культурные навыки. Процесс этнического смешения и тюркизации был особенно активным в XI—XII вв.; именно в это время на территории Среднеазиатского междуречья формировалось основное ядро тюркоязычной народности, принявшей впоследствии этническое наименование узбеков.

В конце X в. империя Саманидов переживала последний этап своего существования. Далеко зашедший процесс феодального распада привел к обособлению наместников провинций, не считавшихся с властью последних Саманидов. Глубокий социальный кризис лишил Саманидов какой бы то ни было внутренней поддержки — крестьянство страдало от усиливавшегося с каждым годом налогового гнета, землевладельческая аристократия не мирилась с централизаторскими тенденциями саманидских правителей, тюркская гвардия рабов-гулямов была ненадежным войском и часто принимала участие в мятежах, направленных против Саманидов.

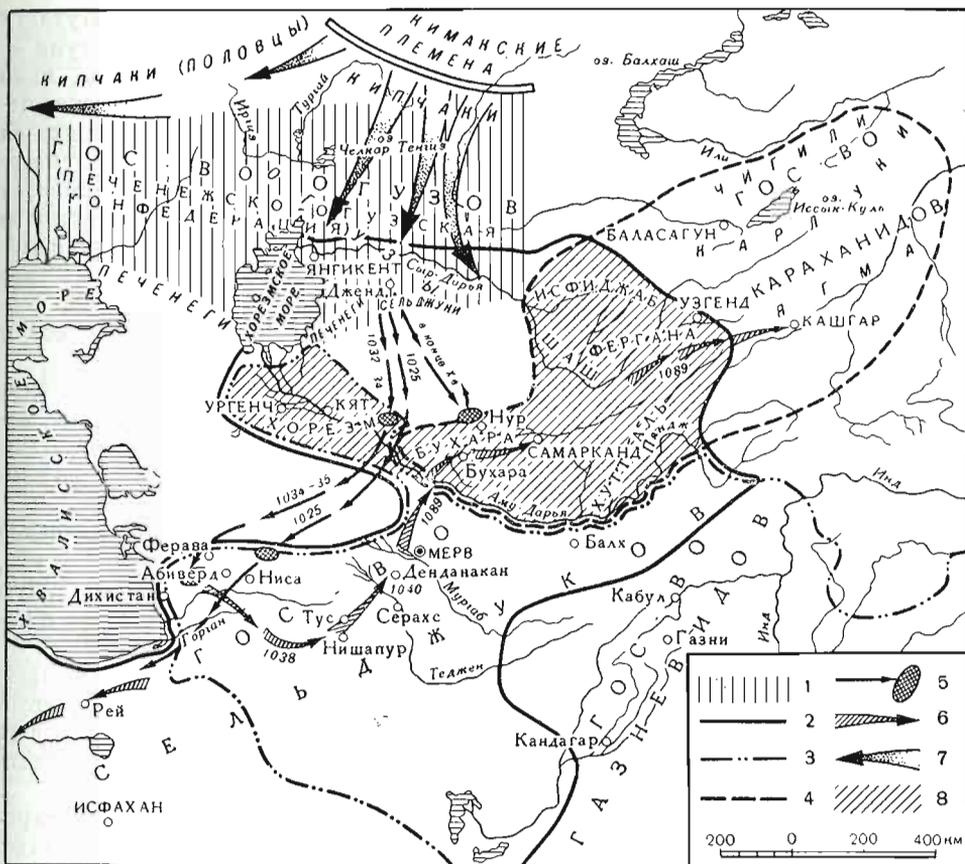
Еще в 862 г. саманидский военачальник из гулямов тюркской гвардии Алп-тегин захватил на время власть в Газне, попытавшись создать в этой крупной, граничившей с Индией, провинции независимое княжество, а в 977 г. этот план осуществил бывший раб Алп-тегина тюрк Себук-тегин; он положил начало династии Газневидов, которая стала править в отторгнутой от саманидских владений Газне.

К 90-м годам X в. на смежной с Саманидским государством территории Кашгара и Семиречья образовалось еще одно крупное государство, возглавляемое тюркской династией Караханидов. С именем первого хана этой восточно-туркестанской династии, Богра-хана, связано начало завоевания Мавераннахра Караханидами. В 999 г. власть Караханидов здесь уже прочно установилась, и в 1001 г. сын Себук-тегина, могущественный Махмуд Газневи, договорился с преемником Богра-хана караханидским ханом Насром о разделе владений павшего саманидского государства. Пограничной линией стала Аму-Дарья; караханидские владения протянулись к ней от Кашгара, включая часть Восточного Туркестана, Семиречье, Чач, Фергану и территорию древнего Согда. Газневидское государство охватывало территорию от северной Индии до южного побережья Каспия, включая нынешний Афганистан и северо-восточный Иран.

Период пребывания в составе Караханидского государства имел большое значение для этнической и культурной истории Средней Азии и Казахстана. Происходило объединение этнических групп и культурное взаимовлияние населения Восточного Туркестана и Средней Азии.

Основной массив тюркских народностей и племен располагался в этот период в Семиречье и по Сыр-Дарье, в областях, граничащих с областью Чача. Одним из самых крупных племен были карлучи, занимавшие большое пространство от долины Таласа до р. Тарим в Восточном Туркестане. По описанию безымянного автора «Худуд-ал-алем» это был культурный народ, занимавшийся скотоводством, земледелием и охотой, живший в селениях и городах, из которых самыми крупными были Кулан (ныне ст. Луговая) и Мерке.

Второе большое тюркское племя, чигили, расселилось в районе Тараза и главным образом к северо-востоку от оз. Иссык-Куль. Историки опи-

Средняя Азия в XI в.

1 — территория огузского государства (печенежско-огузской конфедерации); 2 — границы Сельджукского государства в конце XI в. (со включением вассальных владений); 3 — границы владений Газневидов до 1040 г.; 4 — границы владений Караханидов в начале 80-х годов XI в.; 5 — направления откочетов сельджуков из Дженда в конце X — начале XI в. и места их поселений; 6 — главные направления завоевательных походов Сельджуков; 7 — движение кыпчаков в Среднюю Азию и Восточную Европу; 8 — вассальные владения Сельджуков в Средней Азии — Хорезм и Мавераннахр (с 1089 г. — в двойном подчинении Караханидам и Сельджукам)

ссылают его как народ богатый, владевший большими стадами крупного рогатого скота, лошадей и баранов, имеющий, как и карлуки, города и селения.

К югу от оз. Иссык-Куль и далее к Кашгару в Восточном Туркестане жило тюркское племя ягма, у которого наименее развито было земледелие, преобладали охота и скотоводство — разведение лошадей и баранов. Ягма отличались своей воинственностью.

На юго-западе Семиречья жили тухси, аргу — племена тюркшей, государство которых, возникшее в начале VIII в., в 766 г. было завоевано карлуками. Тюркешские племена находились в очень тесных культурных связях с населением Мавераннахра; их тюркский язык был смешан с согдийским.

Само собой разумеется, что в период политического объединения всего этого тюркского населения с народами Средней Азии в рамках Караханидского государства происходило очень интенсивное взаимовлияние, усилилось экономическое, культурное и этническое сближение жителей Среднеазиатского междуречья, Семиречья и Восточного Туркестана.

Замечательный источник истории этого времени, сочинение «Кутадгу билик», написанное в начале XI в. Юсуфом хас-хаджимом Баласагуни — уроженцем среднеазиатской столицы Караханидов — Баласагуна, ярко освещает политику караханидских ханов и новые общественные отношения, сложившиеся в Средней Азии в условиях тесного сближения жителей культурной земледельческой полосы с пришлыми кочевыми и полукочевыми тюркскими племенами. Приток тюркских этнических элементов в среднеазиатские оазисы в этот период очень усилился. Тюркоязычное население уже не представляло отдельные островки среди таджикоязычного, а составляло значительные массивы, причем окружающее местное население постепенно воспринимало его язык, тюркизировалось. На территории современного Узбекистана в этот период пришлое тюркское и тюркоязычное местное население стало преобладающим.

Исследование одного из ценнейших источников истории тюркских языков, написанного на арабском языке словаря «Диван лугат ат-тюрк», автором которого был караханидский тюрк, ученый-лингвист Махмуд Кашгарский, свидетельствует о том, что процесс формирования узбекского языка в XI в. достиг уже большой интенсивности.

В то время как для этногенеза узбекского народа особенное значение имели события, происходившие в пределах Караханидского государства, для этнической истории туркмен, каракалпаков и казахов решающую роль сыграли в этот же период крупные передвижения степных племен и народов Приаралья.

Этногенез туркмен восходит к племенным союзам автохтонного населения арало-каспийских степей (дахов и массагетов), тюркизация которого происходила еще в древности; но главным этническим элементом в их составе были огузские племена, часть которых, по свидетельству Тахира Мервези, еще в конце X в. стала именоваться туркменами.

В XI в. в борьбу с Караханидами вступило возникшее у нижнесырдарьинских огузов государство Сельджукидов, завоевавшее не только владения Караханидов и примыкавшее к ним с юга государство Газневидов, но и значительную часть Передней Азии. Центром владений сельджуков был г. Мары.

Передвижение сельджукских тюрков-огузов из присырдарьинских областей на территории нынешней Туркмении и смешение их с местным населением привело к завершению в основных чертах формирования туркменской народности. В родоплеменных названиях туркмен до начала XX в. сохранялись имена как древних среднеазиатских, так и ряда огузских племен. Сельджукское движение в известной степени отразилось и на этногенезе узбеков: оно значительно повлияло на тюркизацию населения Хорезма и некоторых областей Бухары. В Самаркандской области, в горах Нуратау, до настоящего времени живет этнографическая группа «туркмен», представляющая собой слившихся с узбеками потомков огузов-туркмен, переселившихся в XI в. с Сыр-Дарьи.

Передвижение в тот же исторический период другой части огузов («узов» или «торков» русских источников) вслед за печенегами в направлении южнорусских степей и приход с Иртыша в Приаралье кыпчаков («половцев» русских источников) имели большое значение в начавшемся процессе формирования каракалпакской народности.

Наиболее ранние предки каракалпаков — племена Приаралья («массагеты болот и островов» греческих авторов), в том числе предшественники печенегов — апасиаки. В средние века после ухода на запад части печенегов и огузов оставшиеся в Приаралье группы этих племен сблизились. Дальнейшее становление каракалпакской народности происходило в этой огузско-печенежской среде. Завоевание областей Приаралья кыпчаками (западная ветвь живших на берегах Иртыша тюркоязычных племен кимаков) в XI в. и включение населения этих областей в состав кыпчак-

ского союза было очень важным этапом в этногенезе каракалпаков; следствием этого было принятие каракалпаками языка пришельцев. С XII в. уже известен этноним «каракалпаки» («черные клобуки» русских летописей).

Этногенез казахов начался преимущественно на основе степных племен саков и усуней; в нем играли значительную роль и гуннские этнические элементы. Большое значение в процессе этногенеза казахов имели Тюркский каганат и раннесредневековые государства юга Казахстана, возглавленные тюркскими династиями (государство тюркешей, государство карлуков и др.). Однако узловым этапом сложения казахской народности явилась консолидация средневековых степных тюркских племен в составе кыпчакских (половецких) племенных союзов.

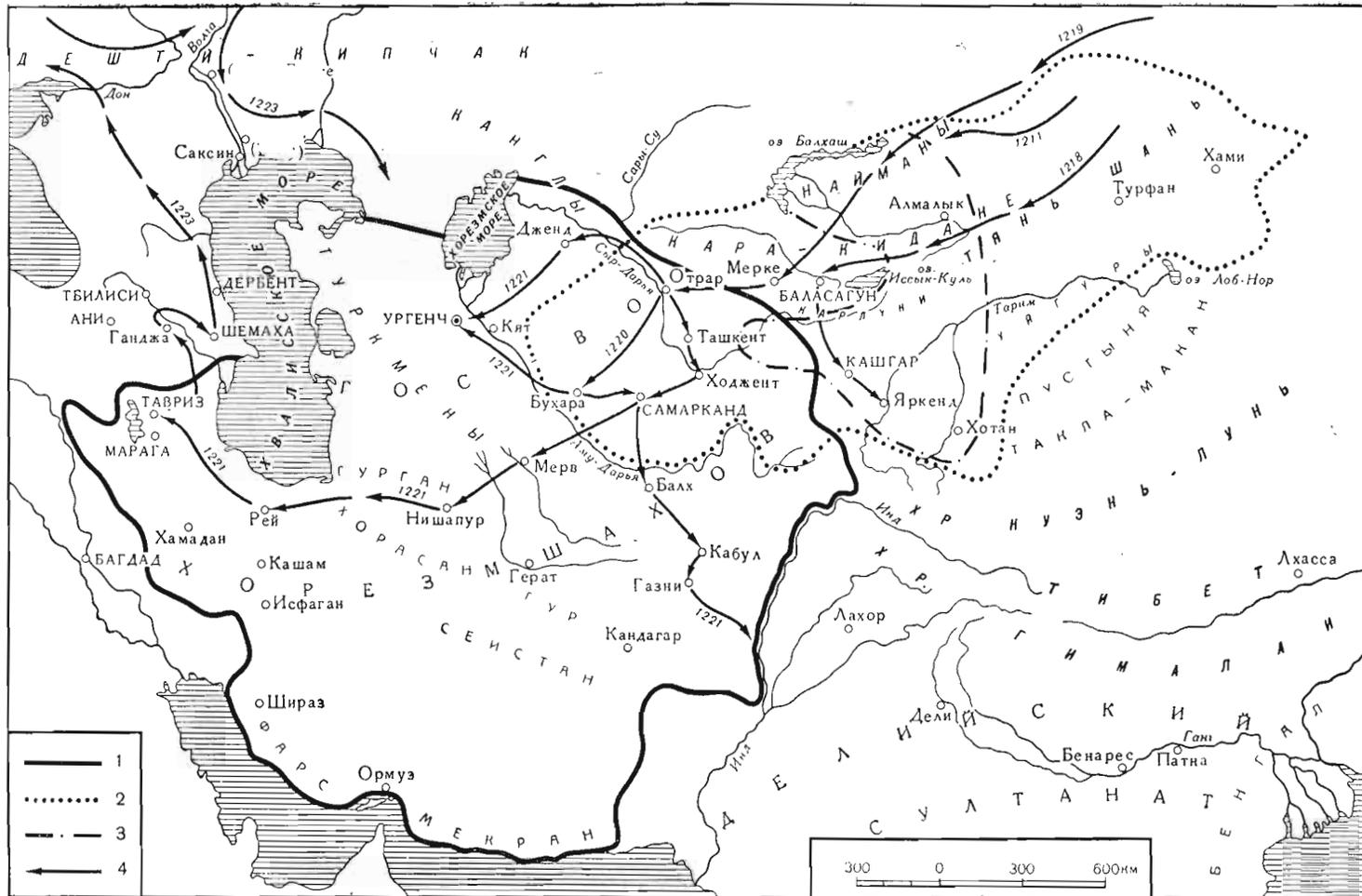
Кыпчаки образовали несколько племенных союзов в Западном и Центральном Казахстане еще в X—XI вв.; в XII в. их господство распространилось от Иртыша до Днепра. Степи Казахстана и Южнорусские степи стали называться Дешти-Кыпчак. Кочевники-скотоводы кыпчаки на окраинах своих владений, смежных с Русью, Хорезмом и другими земледельческими районами, переходили к оседлости. Земледельческая культура существовала у них и в некоторых местностях самого Дешти-Кыпчака, близ гор Улутау, по рекам Сарысу и Ишиму.

Вхождение тюркских племен всего обширного пространства степей нынешнего Казахстана в кыпчакский союз, смешение их с кыпчаками, языковые процессы, происходившие при этом и закончившиеся подчинением местных языков господствующему кыпчакскому, — все это чрезвычайно способствовало сложению казахской народности. Кыпчакские племена входили также в состав других формирующихся тюркских народностей — узбеков, киргизов, каракалпаков, ногайцев, башкир и др. В родоплеменном составе у всех этих народов сохранились подразделения «кыпчак».

Формирование киргизов началось вне территории Средней Азии, по-видимому, в среде тюркских племен области восточного Тянь-Шаня. В IX—X вв. у киргизов существовало государство в верховьях Енисея, игравшее большую роль в политической истории Центральной Азии, но вопрос о генетическом родстве между енисейскими и тянь-шаньскими киргизами является спорным. В связи с начавшимися со времени монгольского завоевания, а возможно и еще раньше, передвижениями киргизских племен Тянь-Шаня на нынешнюю территорию Киргизии, шел процесс смешения их с коренным населением Средней Азии. Новейшие антропологические, археологические, исторические и этнографические исследования говорят о взаимодействии в этногенезе киргизов центральноазиатского и среднеазиатского этнических элементов. В культуре среднеазиатских киргизов отражается влияние культуры народов Алтая, Прииртышья, Монголии, Синьцзяна; вместе с тем, некоторые черты материальной культуры киргизов сложились уже в Средней Азии, в обстановке длительного хозяйственного и культурного общения с местным населением.

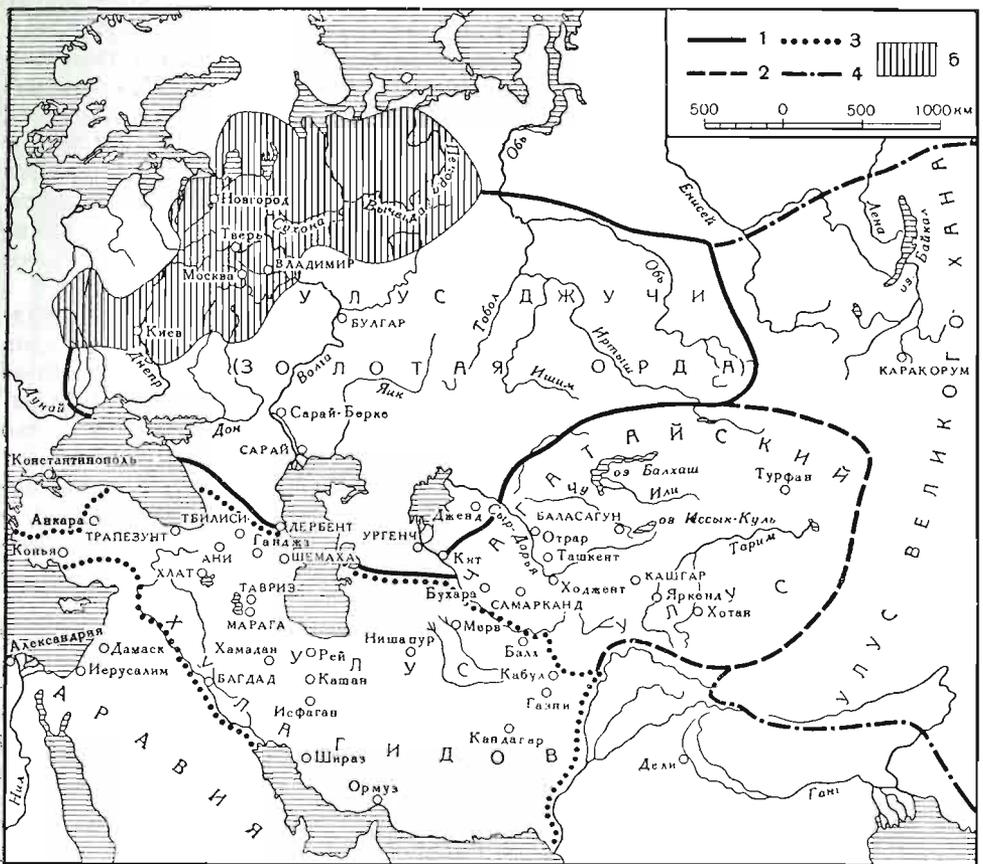
Судьба «енисейских киргизов» сложилась иначе. В XVII в. с ними столкнулись русские в Сибири, тщетно пытавшиеся покорить киргизские владения. В 1703 г. ойратские владетели переселили большую часть «енисейских киргизов» в Джунгарию. Отдельные группы енисейских киргизов смешались с хакасами и тувинцами, о чем свидетельствуют названия некоторых родоплеменных групп у этих народов; ныне их потомки входят в состав населения Хакасской и Тувинской автономных областей¹.

¹ В этой связи интересно происхождение названия «хакасы». До Октябрьской революции нынешние хакасы не имели общего названия и были раздроблены на ряд племен. После Октябрьской революции эти племена консолидировались в единую народность, присвоив себе имя древних киргизов в его китайской транскрипции «хакас».

Средняя Азия в XII — начале XIII в.

1 — границы государства Хорезмшахов к 1219 г.; 2 — примерные границы владений кара-китаев, (киданей); 3 — государство найманов (1210—1219 гг.); 4 — завоевательные походы Чингис-хана, его сыновей и полководцев

Средняя Азия под властью монголов в XIII в

1 — улус Джучи (Золотая Орда); 2 — чагатайский улус; 3 — улус Хулагуидов (Ильханов); 4 — улус великого хана; 5 — территория Руси, подвластная Золотой Орде

В XII в. в Семиречье образовалось государство кочевников киданей или кара-китаев, народа, переселившегося с Дальнего Востока. Вскоре кара-китаи подчинили себе и Мавераннахр. Пребывание в Средней Азии кара-китаев отразилось на этническом составе ее населения. Очевидно, часть их поселилась среди тюркских племен и восприняла их язык. С этим связывают распространение у узбеков, каракалпаков, казахов и киргизов родовых и племенных названий «ктай».

Кара-китаи господствовали в Средней Азии недолго — уже в конце XII в. стало расти политическое могущество Хорезма, его правители разгромили сельджуков и создали грандиозную феодальную монархию Великих хорезмшахов, объединившую в начале XIII в. всю Среднюю Азию, территорию современного Афганистана, Иран и Азербайджан. Это — эпоха наибольшего развития феодализма, роста городов, торговли, ремесел и культуры.

Государство Хорезмшахов погибло в результате монгольского нашествия. Полчища Чингис-хана наводнили Среднюю Азию в 1219—1221 гг. и подвергли жестокому разгрому города и селения, разрушая ирригационные сооружения, массами истребляя и угоняя в рабство население. Монгольское завоевание было одной из главных причин той экономической и культурной отсталости Средней Азии, от которой она не могла избавиться на протяжении многих веков. В результате мон-

гольского завоевания в Среднюю Азию проникло значительное число монголов; однако большая часть их войск состояла из кыпчакских и других тюркских племен, зависимых от своих монгольских военачальников — нойонов и по обычаю принимавших их племенные названия. Таким образом, распространенность у узбеков, каракалпаков и казахов монгольских этнонимов (кунград, кият, мангыт, баяут, багрин и др.) далеко не всегда свидетельствует о монгольском происхождении родов с перечисленными наименованиями. Наряду с этим и собственно монголы, в особенности в Чагатайском улусе, частично переходили к оседлости и легко ассимилировались местным населением, воспринимали тюркский язык, ислам и среднеазиатскую культуру.

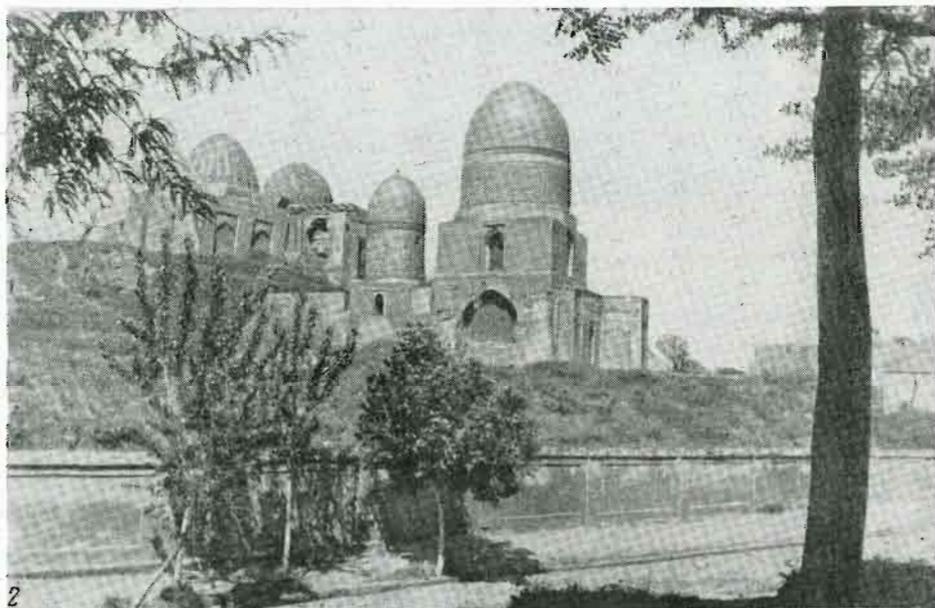
В XIV в. из среды тюркизированного монгольского рода барлас выдвинулся знаменитый завоеватель Тимур. В результате военных походов Тимура, длившихся 38 лет подряд, под его властью оказалось огромное государство, границы которого простирались от Инда до Волги и от Сирии до Китая. Полчища Тимура разгромили и уничтожили множество культурных центров, в том числе и крупные города в Средней Азии (в частности, Ургенч). Из завоеванных областей Средней Азии и порабощенных стран Востока — Месопотамии, Сирии, Индии, Ирана и др. — Тимур привозил в свою столицу Самарканд пленных рабов — ремесленников, зодчих, художников. Руками рабов были воздвигнуты величественные здания — мечеть Биби-ханым, мавзолей Гур-эмир, дворец Тимура в Шахрисябзе, представляющие собой шедевры среднеазиатского зодчества.

Как среднеазиатские, так и иноземные мастера-зодчие придерживались обычно местных архитектурных традиций.

В XV в. наблюдается временный культурный подъем, связанный с именами внука Тимура — Мирза Мухаммеда Тарагая, известного под именем Улугбека, и плеяды знаменитых ученых, литераторов и общественных деятелей, живших в Герате и Самарканде.

При Улугбеке в медресе преподавались светские науки, читались лекции по астрономии и была возведена в Самарканде знаменитая обсерватория, которую современники по праву считали лучшей в мире. В Средней Азии трудились тогда виднейшие астрономы Казы-заде Руми, Гиясуддин Джемшид, «Птолемей своей эпохи» Али Кушчи. Улугбек прославился своими астрономическими таблицами, над которыми он работал вплоть до самой смерти. Отличаясь высокой степенью точности, будучи лучшими среди подобных таблиц того времени, они оказали большое влияние на развитие мировой астрономической науки.

Во второй половине XV в. центром государства Тимуридов стал Герат. В это время здесь жил и писал свои бессмертные произведения Алишер Навои. Староузбекский язык его поэмы был доведен до высокого совершенства. Алишер Навои является выразителем самых передовых идей своей эпохи. Его «Чар диван» (четыре лирических сборника), «Хамса» и другие произведения представляют собой ценнейший вклад в сокровищницу среднеазиатской и мировой культуры (см. стр. 363). В противовес мистикам-суфиям Навои рассматривал природу как неисчерпаемую сокровищницу ценностей, изучение которой, по его убеждению, делает человека счастливым. Он призывал ценить и любить земную жизнь и ее блага, вел борьбу за светские знания, за просвещение, за счастливую жизнь человека и клеймил презрением и ненавистью тунеядцев, невежественных служителей культа и жестоких феодальных владык. Ему принадлежит изречение: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе». Навои прославлял труд пахаря и каменщика, музыканта и художника, творчество поэта и ученого, приносящих пользу стране, обществу, людям. Он неустанно призывал учиться, утверждая, что знание и мудрость — украшение человека.

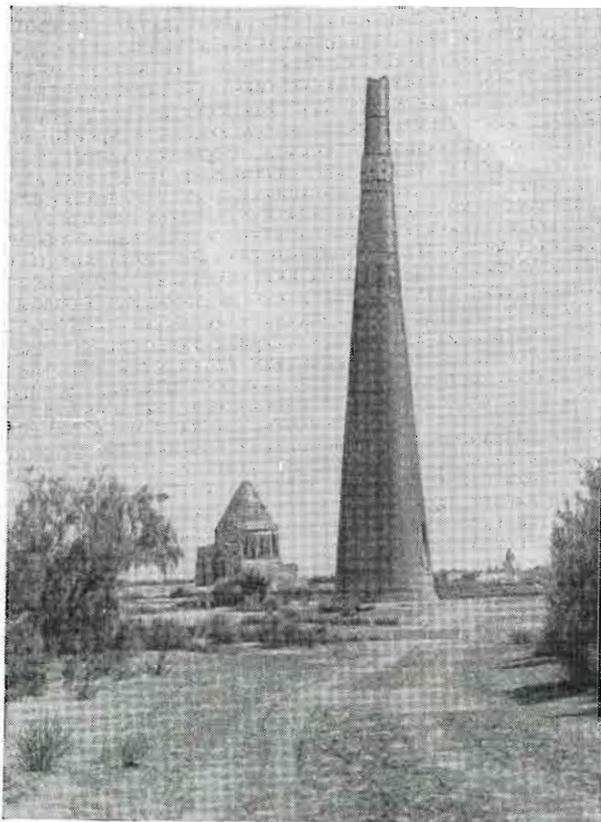

Памятники Самарканда XIV в.

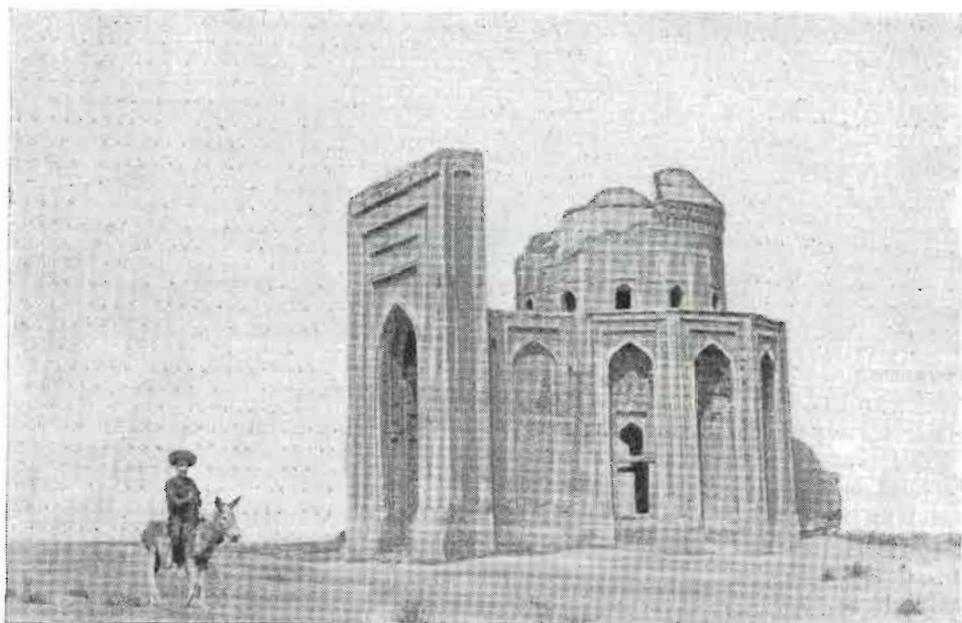
1 — мавзолей Тимура Гур-Эмир; 2 — группа мавзолеев Шах-и Зинда

При этом, однако, его взгляды на историю были идеалистическими и утопическими. Так, он верил в чудотворную силу «справедливого царя», который, по его мнению, творит историю и может дать счастье народу.

Современниками Алишера Навои были такие крупные историки, как Хафиз Аbru, Абдурразак Самарканди, Мирхонд, Хондемир, оставившие ценные труды по политической истории, экономике и культуре Средней Азии и других государств.

1

2

Памятники XIV в. в Куны-Ургенче

1 — мавзолей Текеша и минарет; 2 — мавзолей Тюрабек-ханум

В этнической истории развития народностей Средней Азии и Казахстана большое значение имел период распада Золотой Орды и других монгольских улусов, начавшийся в конце XIV в. В Дешти-Кыпчаке в связи с этим в XV в. возникали новые крупные племенные союзы.

Один из них находился на территории Белой Орды в нижнесырдарьинских областях. В состав этого объединения входили узбеки — так называлась еще с XIV в. часть племен с тюркскими, монгольскими и другими наименованиями, кочевавших в Дешти-Кыпчаке. В конце XV — начале XVI в. эти степные племена во главе с Шейбани-ханом завоевали находившееся уже в состоянии распада государство Тимуридов. Многочисленные узбекские племена, переселившиеся в Среднюю Азию вслед за войсками Шейбани-хана, обосновались здесь и постепенно сливались с местным тюркским и таджикским населением; термин «узбек» стал применяться не только к пришельцам, но и к этому исконному, жившему здесь с древнейших времен населению, составившему основу этногенеза нынешнего узбекского народа. Включением такого существенного этнического элемента, как дештикыпчакские тюркские племена, завершается этногенез узбекской народности.

В середине XV в., еще до передвижения дештикыпчакских узбеков в Среднюю Азию, в результате феодальных распри, начавшихся в узбекском племенном союзе, в бассейне р. Чу образовалось новое обособленное владение, постепенно разраставшееся и в XVI в. получившее название Казахского ханства. В среде местного населения, вошедшего в состав ханства, в этот период завершался процесс формирования казахской народности. Называвшиеся сперва узбеками-казахами жители ханства впоследствии стали именоваться просто казахами.

Послемонгольский этап этногенеза каракалпаков характеризуется их тесной связью с ногайцами. Ногайское ханство возникло после распада Золотой Орды и занимало в XIV—XV вв. обширную территорию степей Восточной Европы, охватывая бассейны Волги (до Камы) и Яика (Урала). Близость к ногайцам, вместе с которыми каракалпаки жили в бассейне Урала, сказалась на их родоплеменном составе, языке и культуре. Включением ногайского этнического элемента завершается процесс этногенеза каракалпаков.

К XV—XVI вв. в итоге длительного исторического процесса, в условиях развитого феодализма, уже окончательно сформировались все основные народности Средней Азии и Казахстана.

На протяжении многовекового процесса своей этнической истории народы Средней Азии создали яркую и своеобразную цивилизацию. Их достижения в области ирригации и сельского хозяйства, зодчества, ремесел, военного дела, точных наук, литературы, искусства могут соперничать с достижениями наиболее культурных народов древности и средневековья. Восприняв и творчески переработав взятое от цивилизации соседних стран — Индии, Китая, Месопотамии, Ирана, — население Средней Азии в свою очередь оказало большое культурное влияние на развитие этих стран. Китай заимствовал из Средней Азии культуры винограда и люцерны, выведенную древними ферганцами породу боевых коней, искусство выделки стекла. Среднеазиатское искусство влияло на развитие средневекового китайского искусства. Орхонские тюрки, монголы, маньчжуры переняли у согдийцев письменность, следы которой и донныне сохранились в монгольском и маньчжурском алфавитах. Все народы Европы и Азии заимствовали из Средней Азии военную тактику тяжеловооруженной конницы. Через Среднюю Азию проникло в Европу из Китая искусство изготовления бумаги и шелка. Основы арабской математической и астрономической науки, воспринятой затем средневековой Европой, были раз-

работаны учеными Средней Азии. Древняя архитектура Средней Азии оказала сильное влияние на развитие средневековой архитектуры сопредельных стран.

Исследование сложной истории формирования народностей Средней Азии показывает, что ни одна из них не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Согдийцы вошли в состав узбеков и таджиков, саки и массагеты — в состав туркмен, каракалпаков, казахов, узбеков, частично и таджиков; древнетюркские племена приняли участие в этногенезе большинства народов Средней Азии, не только тюркоязычных, но отчасти и ираноязычных; позднее кыпчаки вошли в состав узбеков, казахов, частично каракалпаков и т. д. Таким образом, народы Средней Азии и Казахстана связаны между собой древними узлами этнического родства; это одна из причин общности ряда явлений их хозяйства, быта и культуры. В то же время исторические судьбы этих народов, входивших в течение продолжительных, иногда длящихся веками, периодов в пределы одних и тех же крупных государств древности и средневековья, и их совместная борьба против иноземных завоевателей привели к постоянному общению и тесной культурной связи между ними.

По мере формирования народностей наряду с общими чертами слагались и все более определенные черты культуры каждой из них, накапливались признаки, характеризующие ее будущее национальное своеобразие и специфику. Этот процесс искажается реакционными и антинаучными буржуазными «теориями» паниранизма, пантюркизма. Концепция паниранистов отрицает самобытное развитие культуры народов Средней Азии, приписывая ее исключительно влиянию Ирана. Все культурные традиции считаются заимствованными из ахеменидского или сасанидского Ирана, все памятники материальной культуры, архитектуры и искусства рассматриваются как памятники иранской культуры. Фальсифицируя исторические и этнографические факты, паниранисты лишают народы Средней Азии их культурного наследия. Ничего общего с действительностью не имеет и концепция пантюркизма, произвольно объединяющая разнообразие тюркоязычных народов и их культуры общими, не имеющими реальной основы понятиями «тюркский народ», «тюркская культура», отрицающая факт самостоятельного исторического развития и национальных различий в культуре многочисленных тюркоязычных народностей и наций зарубежного и советского Востока. Все эти по существу космополитические «теории» имеют прямое служебное назначение: они используются силами международной реакции для борьбы против национального суверенитета народов Востока.

Народы
Средней Азии
и Казахстана
в XVI—XIX вв.

Около трех столетий, с XVI в. до присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX в., а частично и после этого народы Средней Азии находились под властью ханов узбекских династий; во всех трех среднеазиатских ханствах — Бухарском,

Хивинском и образовавшемся в первой половине XVIII в. Кокандском — господствовал строй феодальных монархий.

На территории нынешнего Казахстана в конце XVI в. образовались три казахских феодальных владения — Старший, Средний и Младший жузы (в старой русской литературе — орды)¹, управлявшиеся ханами и султанами, принадлежавшими по своим генеалогическим преданиям к потомкам Чингис-хана.

Ни в среднеазиатских ханствах XVI—XIX вв., ни в Казахских жузах не было благоприятной обстановки для дальнейшего национального разви-

¹ Казахские жузы, искавшие защиты от постоянных нападений сильных соседей — джунгар, присоединились к России раньше, чем Средняя Азия, в XVIII—середине XIX в.

тия и консолидации народностей, хотя элементы национальной общности (общность языка, культуры, отчасти и национальное самосознание) проявлялись в это время уже достаточно четко. В этот период Средняя Азия резко отставала в социально-экономическом и политическом развитии, что объясняется ее историческими судьбами со времен монгольского завоевания, прервавшего прогрессивный процесс роста крупного централизованного государства хорезмшахов. Установленное еще со времени монгольского владычества дробление государства на уделы играло весьма отрицательную роль.

До самого присоединения к России между среднеазиатскими ханствами шли непрерывные войны, подрывавшие экономику края. Крупные и богатые области Ходжента, Ура-Тюбе, Мерва, Джизака особенно часто переходили из рук в руки и были постоянной ареной военных столкновений соперничавших между собой бухарских, кокандских и хивинских ханов. В Бухарском ханстве области Гиссара, Шахрисябза, верховьев Зеравшана и другие были независимыми владениями, не всегда признававшими даже номинальную вассальную зависимость от Бухары. Не было полным и объединение земель Хивинского ханства, где возникали обособленные владения узбеков-аральцев, каракалпаков и не прекращали борьбу с центральной ханской властью непокорные туркменские племена. Непрочна была власть и кокандских ханов над казахами и киргизами в тех областях Семиречья, средней и нижней Сыр-Дарьи, которые они упорно стремились подчинить.

Несмотря на централизаторские тенденции среднеазиатских ханов, развивавшиеся с особой силой в первой половине XIX в., феодальная раздробленность здесь не была преодолена. Ханства по существу не имели устойчивых границ и лишь в основных областях своих владений ханам удавалось достигнуть ценою крови бесчисленных казенных соперников и мятежников централизации государственной власти.

Низкий уровень развития производительных сил, застой в технике сельского хозяйства и ремесла также препятствовали развитию народностей Средней Азии. Феодальная собственность на землю и воду в период XVI—XVIII вв. оставалась основой социально-экономического строя, но дальнейший рост частного землевладения привел к усилению эксплуатации крестьян-земледельцев и скотоводов. Ханы нередко раздавали государственные земли (*амляк, мамляка, падишалык*) вместе с жившими на них крестьянами сановникам-феодалам в качестве вознаграждения за службу, или уступали им на время право взимания с крестьян налогов; такие поместья назывались *танхо*. Распространены были также сделки феодалов с ханами по обелению — освобождению от налогов находившихся в их пользовании государственных земель. Обеленные угодья (*мульки-хурри-халис*) превращались в частные имения. Уже в XVI—XVII вв. были многочисленными случаи прямой купли и продажи земельных участков. Зависимость крестьян от феодалов, владевших землей и водой, в этих условиях часто принимала формы настоящего крепостничества. Хотя крепостная зависимость крестьян юридически не оформлялась, но она фактически существовала; так, феодалы широко практиковали продажу целых селений со всеми жителями, орошенными угодьями и каналами. Опутанные долгами, связанные кабальными формами издольной аренды, крестьяне не могли перейти от одного владельца к другому. Внеэкономическое принуждение выражалось в разного рода установлениях и запретах, закреплявших крестьян за феодалом. Практиковались также насильственные переселения крестьян по предписанию ханов и ханской администрации.

Крестьяне обрабатывали поля и сады своих хозяев, копали каналы, работали на постройке их усадеб и дворцов; барщина была распространена повсеместно; кроме того, крестьяне выполняли для феодалов бесконечное множество натуральных повинностей.

При орошаемом земледелии зависимость крестьян от феодалов была особенно велика — последние имели возможность по любому поводу лишить крестьянские поля воды и обречь их посевы на гибель.

Влияние феодалов на распределение воды оросительных каналов составляло своеобразную черту аграрных отношений в Средней Азии и было важным фактором закабаления крестьян. Рост частной собственности на землю и полукрепостническая зависимость крестьян от феодалов были явлением, характерным не только для населения оседлой земледельческой полосы, но и для кочевых и полукочевых племен степей Казахстана, предгорий и гор Среднеазиатского междуречья. Пережитки родового строя, большое значение в общественном устройстве кочевников родоплеменной организации способствовали сохранению у них власти и влияния старейшин родов — аксакалов и других представителей феодально-родовой знати; последняя широко пользовалась своими традиционными привилегиями и обычным правом для узурпации лучших пастбищных угодий и водоемов и для беззастенчивой эксплуатации сородичей-бедняков в качестве пастухов и на всевозможной работе в своем хозяйстве. Феодальная эксплуатация зависимых крестьян в скотоводческих районах, в отличие от земледельческих областей, не носила открытой формы, маскируясь древними обычаями родовой взаимопомощи, почитания старших в роде и т. д. Таким образом, в кочевых и полукочевых районах Средней Азии у казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и части узбеков господствовали еще более отсталые, патриархально-феодальные отношения, обусловившие соответственно еще большую косность и застой общественного развития и тяжелые условия существования трудящихся масс.

Наконец, и в среднеазиатских ханствах, и в Казахстане до присоединения к России существовало, как известно, рабство. Шире всего труд рабов использовался в Хивинском и Бухарском ханствах; здесь рабство не ограничивалось домашними формами: рабы (преимущественно персы) обрабатывали землю и участвовали в ирригационных работах.

Архаические пережитки рабства и родовых отношений играли глубоко реакционную роль в истории Средней Азии и Казахстана XVI—XIX вв., задерживая их социально-экономическое развитие.

Положение осложнялось многоплеменностью населения ханств и создавшейся «чересполосицей» расселения этнических групп.

Узбекские ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское — были государствами, неоднородными по своему этническому составу. Хивинское ханство включало узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов; узбеки там еще резко разделялись на сартов — потомков древнего местного населения и потомков дештикыпчакских узбеков, сохранявших свое родоплеменное деление. Туркмены и каракалпаки были на положении угнетенных народов; хивинские ханы расселяли их на неудобных землях окраин оазиса и в дельте Аму-Дарьи, облагали непосильными налогами, трудовыми и военными повинностями и жестоко подавляли часто вспыхивавшие восстания. В Бухарском ханстве на положении угнетенного народа были таджики, притеснявшиеся привилегированной узбекской феодальной знатью; кроме того, здесь было также немало туркмен, казахов, каракалпаков и отдельных мелких групп арабов, евреев, персов и др. Не менее пестрым по этническому составу было Кокандское ханство: помимо узбеков там было много таджиков, казахов, киргизов, а также некоторое количество каракалпаков, уйгуров, арабов.

Внутри каждого из ханств преобладала узбекская народность, но и она, несмотря на доминирующее положение, далеко еще не консолидировалась, распадаясь на племенные и локальные группы, многие из которых даже формально не причисляли себя к узбекскому народу (так называемые «сарты» во многих городах и сельских местностях Хорезма, в Ташкенте, Ферганской долине; кыпчаки в Ферганской долине; так называемые

мые курама в районе Ташкента; «тюрк» и др.). При этом внутренняя административная система ханств закрепляла эти деления. Например, в Хивинском ханстве «сарты» управлялись назначенными ханом чиповниками — *хакима*, в то время как «узбеки» в узком смысле слова — родоплеменными старейшинами.

Отдельные народы Средней Азии оказались в пределах различных ханств, а внутри последних были еще более раздроблены, находясь во враждующих между собой мелких феодальных владениях; иногда это усугублялось принадлежностью к замкнутым и враждующим между собой родоплеменным объединениям. Так, история Хорезма в XVII—XVIII вв. наполнена кровавой борьбой между узбекскими племенами уйгур, дурмен, кунграт и другими, причем некоторые из них в процессе усобиц были почти полностью уничтожены.

Русские исследователи первой половины XIX в. отмечали разноплеменность и сложность этнического состава ханств. Так, Н. Ханьков писал в 1843 г., что народы Бухарского ханства «составляют смесь самых разнородных частей»; они «живут каждый своей отдельной жизнью... и нет надежды, чтобы слияние их в одно целое произошло в скором времени или даже когда-нибудь при настоящем порядке вещей»¹.

В условиях кровопролитных войн и феодальных междоусобиц, сопровождавшихся опустошениями целых районов и гибелью мирного населения, усиливается влияние духовенства, расцветают мистика и пессимизм, почти замирает светская литература, зажатая в тиски религиозного мракобесия и косности. В среднеазиатских ханствах XVI—XVIII вв. занятия естествознанием считаются делом богохульным и грешным, зато в чести схоласты-богословы; забыты блестящие достижения средневековых астрономов, математиков и медиков, зато в изобилии распространены гадатели по звездам и шарлатаны-знахари.

Ислам был официальной государственной религией Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, и мусульманское духовенство оказывало большое реакционное влияние на их политическую жизнь и идеологию населения. Разделяя политическую власть с ханами и крупными феодалами, духовенство было также и экономически мощным сословием. В его распоряжении находились так называемые вакуфные земли, составлявшие огромную долю (в Хивинском ханстве до 40%) орошаемых земель. Доходы с вакуфов навечно жертвовались в пользу религиозных учреждений. Работавшие на этих землях крестьяне эксплуатировались так же, как и прочие, а в некоторых случаях были даже более закабалены; так, в Хиве их прикрепляли к вакуфным землям особыми письменными обязательствами.

Ислам подчинял себе все стороны жизни мусульман, и духовенство, связанное с ортодоксальным исламом, было поэтому особенно многочисленным.

В каждой мечети как в городе, так и в кишлаке имелся имам, на котором лежала обязанность руководить молящимися во время намазов и совершать различные требы: читать молитвы при заключении браков (*никох*), при панихидах (*джаноза*) и т. д. Помощники имама (*суфи*, *азанчи*, или *муадзин*) следили за порядком в мечети и совершали призывы на молитву (*азан*). Имамы приходских мечетей приглашались прихожанами. В крупные богатые мечети с большими вакуфами имамы назначались иногда эмиром или ханом.

К духовенству причислялись также лица, занимавшиеся разбором дел в шариатских судах, опираясь либо непосредственно на коран, либо на сунны — предания о Мухаммеде. Правовые нормы мусульманского права (шариат) считались установленными через Мухаммеда самим Аллахом.

¹ Н. Х а н ь к о в. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 53, 75.

волю которого должны были выполнять законоведы и судьи. На обязанности законоведов (*муфти*) лежало отыскание в «священных книгах» таких положений, которые можно было бы применить в том или ином конкретном случае. Ссылаясь на эти положения, муфтии писали свои заключения (*ривоят*), которыми должен был руководствоваться судья (*казий, козы*).

К духовенству принадлежали учителя низших школ и преподаватели медресе. Особую категорию среди духовенства составляли многочисленные шейхи — хранители мазаров, обычно выдававшие себя за потомков «святого», с именем которого связан мазар.

Помимо служителей ислама было много служителей древних пережиточных культов — различных колдунов, прорицателей, шаманов, знахарей. Их было не меньше, если не больше, чем представителей официальной религии.

Многочисленно было и суфийское духовенство — ишаны и хальфа.

Руководители суфийских орденов и составлявших их суфийских общин добивались не только духовной власти над мюридами. «Вручивший руку» ишану принимал на себя обязанность ежегодно отдавать в его пользу и часть своих доходов. Обычно осенью, после сбора урожая, ишаны отправлялись в районы, где проживали их мюриды, и привозили оттуда мешки зерна, дыни, фрукты, пригоняли скот. Эти поездки ишанов народ иронически называл «охотой за мюридами».

По сравнению с раннесредневековым суфизмом, представлявшим собой значительное философско-религиозное течение, которое противопоставляло ортодоксальному исламу свои теоретические доктрины, суфизм, или дервишизм, XVIII—XIX вв. в среднеазиатских ханствах и степях Казахстана сильно изменил свой облик. Существовавшая в нем и ранее реакционная струя стала преобладающей. Алчность, погоня за наживой, бесконечные поборы и вымогательства у рабски подчиненной им паствы, стремление к обогащению путем эксплуатации крестьян в своих поместьях и даже путем участия в крупных торговых и финансовых операциях — вот основные черты среднеазиатских ишанов и дервишских шейхов этого периода, главное направление их деятельности.

Суфизм в своих примитивных формах был распространен и в женской среде, где радениями (*зикр*) руководили особые наставницы, обычно жены имамов.

В Средней Азии наиболее распространенным из суфийских орденов был орден Накшбандия, основание которого приписывается бухарскому суфию Бахауддину Накшбанду. Орден Накшбандия относится к тем, которые практикуют молчаливый зикр (*хуфия*). Значительное количество приверженцев, в особенности в Ферганской долине, имел древнейший в Средней Азии орден Кадырия, основанный в XII в. Абдулкадыром Гиляни. Орден Кубравия, названный по имени его основателя Наджмеддина Кубра (XII в.), получил особенное распространение в Хорезме. Популярен был также орден Ясевия, основанный жившим в XII в. Ахмедом Ясеви. В этих орденах применялся громкий зикр (*джахр*).

Принадлежность к суфийским орденам не требовала от их последователей ухода от мира, изменения положения в обществе и профессии. Лишь в ордене каляндаров — нищенствующих дервишей — принадлежность к ордену накладывала на его членов ряд специфических обязанностей. В городах Средней Азии дервиши селились около «каландар-хона», служивших местом жительства главы ордена и помещением для молитвенных собраний. Нищенство у каляндаров представляло собой профессию. По мере достижения молодым каляндаром профессиональных качеств дервиша ему выдавали отдельные части каляндарской одежды: сначала пояс, потом шапку. Получение халата знаменовало собой полное вхождение в общину и орден. В среде каляндаров широко была распростра-

Присоединение к России во второй половине XIX в. положило начало новому этапу в истории народов Средней Азии. Это событие было подготовлено всей предшествующей историей как русского, так и среднеазиатских народов — многовековым развитием их экономических, политических и культурных связей. Со времени образования русского централизованного государства и среднеазиатских ханств

торговые и дипломатические связи между ними становятся регулярными. Уже во второй половине XVI в. в Россию было направлено восемь посольств из Средней Азии; в XVII в. Россию посетили 12 хивинских и 13 бухарских посольств; ответные русские посольства, помимо выполнения своей дипломатической миссии, привезли из Средней Азии сведения, до сих пор не потерявшие научной ценности.

Однако связи России со Средней Азией не ограничивались обменом посольств и торговых караванов. Новейшие исследования архивных документов свидетельствуют, что уже в XVII в. в Сибири существовали поселения добровольно переселившихся туда узбеков («бухарцев», «ташкентцев» и др.). Среди переселенцев было много представителей купечества, но значительная часть сибирских «бухарцев» занималась земледелием и ремеслом. Русское правительство предоставляло переселенцам ряд налоговых льгот, привилегий в торговых операциях и права на приобретение земельных участков. Приток переселенцев продолжался и позднее, частично за счет выкупленных сибирскими «бухарцами» у калмыков среднеазиатских рабов. Помимо окрестностей Тобольска, Тары и Тюмени, поселения «бухарцев» (называвшихся также сартами) имелись в Оренбургской и Астраханской губерниях и в Башкирии, где были две бухарские волости.

Особенно усилились связи с Россией в XVIII в. В это же время, в ответ на обращение Младшего и Среднего казахских жузов к российскому правительству о принятии их в подданство, фактически была присоединена к России большая часть Казахстана.

В значительной мере благодаря усилению торговли с Россией выросли в крупные центры города Ташкент и Коканд; в условиях быстрого экономического роста верхнесырдарьинских районов сложилось в XVIII в. Кокандское ханство.

В XIX в. экономические связи между Россией и Средней Азией приобретают особое значение. Если в начале века ежегодный вывоз из России в Среднюю Азию определялся суммой около 1 млн. руб., то в 1825 г. он возрос до 4 млн. руб., а в середине XIX доходил уже до 15 млн. р. Соответственно возрастал и ввоз товаров из Средней Азии в Россию, стоимость которых повысилась за этот период с 2 млн. до 10 млн. руб. Лишь за 10 лет (1840—1850 гг.) товарооборот России со Средней Азией увеличился на 60%¹.

Во второй половине XIX в. в России происходят серьезные экономические изменения. После отмены крепостного права стал быстро развиваться капитализм, хотя остатки крепостничества и сильно тормозили его развитие. Растет значение Средней Азии для России как рынка сбыта промышленной продукции и источника сырья. В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, указывая на значение окраин для развития капитализма, писал: «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых

¹ С. Р а д ж а б о в. Присоединение Средней Азии к России. «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады», Ташкент, 1959, стр. 13.

стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»¹.

Далее В. И. Ленин отмечал, что «процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»².

Именно эта тенденция развития русского капитализма вширь явилась одной из важнейших причин, которые обусловили активизацию колониальной политики царизма в послереформенный период.

Заинтересованность промышленных кругов России в присоединении Средней Азии особенно возросла в связи с войной в США, из-за которой сократился ввоз из Америки хлопка, служившего сырьем для текстильной промышленности России. Неотложной задачей присоединение Средней Азии стало и для господствующего класса помещиков. Царизм рассчитывал ослабить недовольство широких слоев крестьянства, страдающего от малоземелья, путем переселения части его на окраины страны. Помимо этого, царизм хотел присоединением Средней Азии умалить значение катастрофического поражения России в Крымской войне; наконец, у российского правительства вызвала большую тревогу активная экспансия Англии, направленная в сторону Туркестана.

Прикрываясь необходимостью обеспечить безопасность русских границ от набегов кочевников, необходимостью создать условия для развития торговли и т. д., царизм завершил присоединение Казахстана к России и в 60-х годах XIX в. начал завоевание среднеазиатских ханств. Уже в 1867 г. из земель, захваченных в Казахстане, в Кокандском и Бухарском ханствах, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в г. Ташкенте. Пределы его постепенно расширялись, особенно после покорения в 1873 г. Хивы, а в 80-х годах — Туркмении. Бухарское и Хивинское ханства, со значительно измененными территориями в результате установления Россией новых границ, были признаны государствами, находящимися под протекторатом России. Им запрещалось вступать в сношения с иностранными государствами, иметь вооруженные силы и т. д., но во внутренних делах ханы оставались самостоятельными; население «вассальных» ханств продолжало терпеть неограниченный произвол и безудержную эксплуатацию, издавна установленные средневековым феодально-деспотическим режимом в ханствах. Телесные наказания палками, пожизненное заключение в подземных тюрьмах (*зиндан*), смертная казнь по ханскому велению продолжали оставаться широко распространенными мерами наказания крестьян-бедняков и ремесленников за различные проступки, неповиновение власти, за неподчинение правилам шариата.

В период завоевания население многих городов и кишлаков, недовольное тяжелым гнетом кокандского, хивинского ханов и бухарского эмира, своих владетелей-феодалов, беков, хакимов, манапов и духовенства, не оказывало никакого сопротивления русским войскам, а в отдельных случаях и добровольно изъявляло желание перейти в русское подданство.

В целом присоединение остальных феодальных среднеазиатских ханств к стоявшей на более высоком уровне развития России сыграло прогрессивную историческую роль. Прекратились феодальные войны. Экономика Средней Азии с проникновением капиталистических отношений постепенно освобождалась от феодального застоя. Рост торговли, строительство железных дорог, развитие производства товарных сельскохозяй-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 522.

² Там же.

ственных культур, в первую очередь хлопка, втягивали эту далекую и замкнутую окраину Российской империи в сферу мирового рынка. По словам В. И. Ленина, Закаспийская железная дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию¹. Появление значительного внутреннего рынка, рост экономических связей, углубление классовой дифференциации приводили к разрушению патриархальных порядков, к распаду сельских общин, ремесленных цехов, к росту классового самосознания у широких масс городского и сельского населения. Рабочий класс, зарождавшийся в Средней Азии, включался в революционную борьбу русского пролетариата².

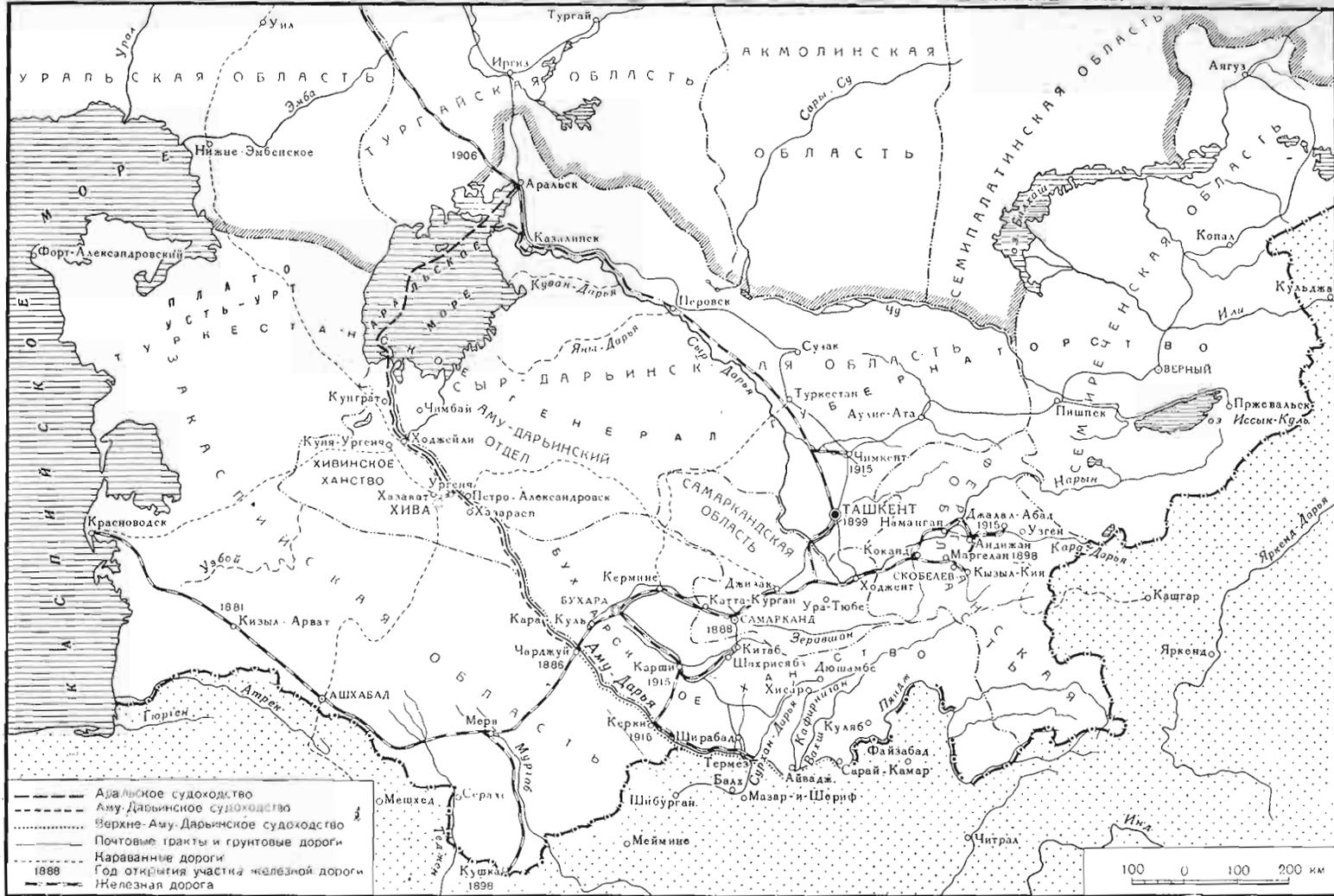
В этих условиях народности Средней Азии стали на путь консолидации в буржуазные нации. Однако в условиях царского режима этот процесс не мог быть полностью завершен даже в среде наиболее экономически развитых народностей. Административное устройство русских владений в Средней Азии меньше всего преследовало цель содействовать национальной консолидации населявших ее народов. Наоборот, разорванность и чересполосность их расселения была еще более усилена. Узбеки оказались разделенными между Бухарой, Хивой и Туркестанским генерал-губернаторством, таджики — между Бухарой и русским Туркестаном, туркмены — между Бухарой, Хивой и Аму-Дарьинским отделом Сыр-Дарьинской области. Кроме того, значительные массивы туркменского, узбекского и таджикского населения при империалистическом дележе «сфер влияния» между Россией и Англией были оставлены за пределами границ туркестанских владений России и переданы в состав Ирана и Афганистана. Поэтому, хотя присоединение к России покончило с феодальными войнами, междоусобицами и установило твердые административные границы, оно не повлекло за собой сложения территориальных общностей у народов Средней Азии и Казахстана. Они по-прежнему были разобщены и жили в различных государствах и ханствах. Система управления Средней Азией была подчинена целям колониальной эксплуатации ее народов. Здесь был создан режим, покоящийся на политическом бесправии народных масс, игнорирующий национальные и экономические интересы местного населения, соответствующий задачам русского военно-феодалного империализма. И несмотря на то, что в силу объективных законов развития исторической действительности в этой отсталой колониальной окраине развивались элементы капитализма, зарождающийся в XIX — начале XX в. процесс национальной консолидации народностей Средней Азии в таких тяжелых условиях жизни, естественно, не мог успешно завершиться.

Торговые связи между отдельными районами Средней Азии и Казахстана существовали много веков; но эта торговля базировалась на феодальной основе, обслуживала феодальное хозяйство, и разделение труда между отдельными районами возникало главным образом из-за различия природных условий (например, торговые связи степных племен с населением оазисов). Для сложения единого внутреннего национального рынка необходимо было территориальное разделение труда другого, капиталистического типа: возникновение сельскохозяйственных районов и промышленных, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства. Правда, зачатки капиталистического разделения труда уже появились в колониальном Туркестане: так, Ферганская область, специализировавшаяся на хлопководстве, вынуждена была ввозить хлеб; за счет привозного хлеба жили и хлопководческие районы Бухарского ханства. Однако недостаток

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 74.

² Подробные сведения о положении народов Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период см. во вводных исторических разделах глав о каждом из народов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX вв.

хлеба компенсировался лишь в небольшой степени привозом его из соседних областей, в основном же зерно ввозилось из России. То же происходило и с другими продуктами сельского хозяйства — шелком, шерстью, каракулем, сухими фруктами и др.: они лишь в небольшом количестве были предметами торговли между отдельными районами и областями Средней Азии; основная же масса их в виде полуфабрикатов вывозилась в центральные районы России. Промышленность Туркестана также развивалась не самостоятельно, а односторонне, как придаток промышленности России; основная часть промышленных товаров привозилась из центральных районов России.

Втягивание местных рынков Средней Азии и Казахстана в общероссийский и даже мировой рынок, имевшее само по себе огромное прогрессивное значение, поскольку оно способствовало разрушению натуральных форм хозяйства и замкнутости отдельных районов, усилению торговли и товарности хозяйства и росту элементов капитализма, все же не могло стать фактором сложения экономических общностей на колониальных окраинах. Оно лишь превращало местные рынки Средней Азии и Казахстана в придатки общероссийского рынка.

Таким образом, в условиях Туркестана хотя и начала формироваться, но не сложилась такая общность экономической жизни, в которой переплетались бы экономические интересы всех частей территории, занятой тем или другим народом, и цементировались бы в одно целое основные элементы буржуазной нации.

В тесной связи с проблемой формирования буржуазных наций стоит вопрос о национальной буржуазии, обычно возглавляющей национально-освободительную борьбу и играющей прогрессивную роль в ломке устоев феодальной формации. В Средней Азии XIX и начала XX в., в условиях колониального режима, национальная буржуазия и буржуазная интеллигенция не возглавили этой борьбы; наоборот, сомкнувшись в своих узкоклассовых интересах с торговой и промышленной буржуазией России, местная буржуазия предавала интересы своего собственного народа. Достаточно вспомнить буржуазно-националистическое движение джадидов в Средней Азии, чтобы убедиться в этом. Среди джадидов была чрезвычайно мала прослойка демократически настроенной интеллигенции. Джадиды выступали не столько под национальными, сколько под религиозными лозунгами, и во время массовых всплесков народной национально-освободительной борьбы против царизма или бухарского и хивинского ханов, становясь на сторону подавлявших эти восстания колониальных властей, играли отнюдь не революционную, а реакционную, предательскую роль.

Национальная буржуазия была в этот период совершенно оторвана от трудящихся масс, она была против революционного рабочего движения и национально-освободительного движения трудящихся своего народа: она искала союза с империализмом. Характерно, что таджикские буржуазные «националисты» — жители смешанных узбекско-таджикских районов долины Зеравшана и Ферганы — были настолько безразличны к национальным интересам своего народа, что выступали обычно под знаменем не только панисламизма, но и пантюркизма. Вообще же переплетение буржуазно-националистической идеологии с феодально-клерикальной и связь с реакционной идеологией пантюркизма и панисламизма были типичной чертой джадидизма.

В то же время у народов Средней Азии крепились и развивались элементы демократической культуры. Важным фактором создания духовной общности у народностей Средней Азии, общности их культуры, языка было проникновение передовых демократических идей русского общества, направленных против национального гнета и защищавших права и достоинства народов Туркестана. Русские прогрессивные ученые, писатели, художники занимались исследованием истории и этнографии народов Сред-

ней Азии и Казахстана, истории их культуры и языка, что несомненно оказывало влияние на рост национального самосознания и развитие национальной культуры, в частности на появление демократического направления в литературе узбеков, таджиков, казахов, каракалпаков и др.

Выразителями демократических идей в дореволюционном Туркестане были талантливые узбекские поэты Муками, Фуркат, Аваз Отар, Завки, Хамза Хаким-заде; таджикские — Ахмед Дониш и его последователи: поэт-сатирик Савдо, поэт Шохин; казахские ученые-просветители Чокан Валиханов, Ибрагим Алтынсарин, поэт Абай Кунанбаев, киргизский акын Токтогул Сатылганов и др. Произведения этих поэтов и ученых, помимо глубоко прогрессивного влияния на идеологию народов Средней Азии, способствовали формированию национальных литературных языков, сближению последних с разговорной народной речью.

Важнейшим фактором национального развития народов Средней Азии в дореволюционное время было зарождение национальных кадров рабочего класса, тесно связавших свои судьбы с русским пролетариатом. С ростом революционного движения в среду формирующегося в Туркестане рабочего класса проникали идеи пролетарского интернационализма.

Таким образом, до Октябрьской революции народности Средней Азии и Казахстана не были в состоянии полной этнической раздробленности. Процесс национальной консолидации и образования буржуазных наций в связи с развитием капиталистических отношений начался, но не был завершен, его тормозила политика российского военно-феодального империализма и колониальный гнет царизма. Несмотря на рост и углубление классовой дифференциации в среде народностей Средней Азии, В. И. Ленин относил Туркестан к числу тех отсталых стран, где господствовали еще докапиталистические отношения¹; у многих среднеазиатских народностей в конце XIX — начале XX в. сохранялись патриархально-феодальные отношения. Не исчезло сложившееся на протяжении веков обилие родоплеменных и других этнографических групп; по-прежнему широко были распространены и локальные группы с самоназваниями по местности. Уровень культурного развития широких масс населения оставался очень низким.

Из-за этого тяжелого наследия прошлых веков особенно трудными и сложными оказались задачи Коммунистической партии и Советского правительства при практическом разрешении национального вопроса в Средней Азии и Казахстане.

**Формирование
социалистических
наций
в Средней Азии
и Казахстане
в годы
Советской власти**

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла народам Средней Азии и Казахстана путь к свободному национальному развитию. Принципы национальной политики Коммунистической партии нашли отражение в одном из первых декретов — обнародованной в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России», провозгласившей политику добровольного союза народов России, их равенство и суверенность, право на свободное самоопределение и образование самостоятельных государств, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, живущих в России, и отменившей все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. В 1918 г. началось национальное советское государственное строительство в Средней Азии. 5-й съезд Советов Туркестанского края провозгласил советскую автономию Туркестана; в составе РСФСР была образована Туркестанская АССР. В 1920 г. на территории Казахстана по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР была образована Киргизская АССР (переименованная в 1925 г. в Казахскую АССР). В том же году, после свержения ханской власти трудящимися массами Бухарского и

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 218.

Хивинского ханств, образовались Хорезмская и Бухарская Советские Народные республики.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.), когда Туркестан был окружен кольцом вражеских фронтов и на длительное время оторван от Советской России, трудящиеся местных национальностей под руководством большевиков стали создавать национальные части и с оружием в руках, вместе с частями Красной Армии, вступили в борьбу за Советскую власть. Привлечение в Красную Армию представителей местных коренных национальностей, которых царизм не призывал в армию, не доверяя им оружия, имело огромное моральное и политическое значение. Особенно велика была роль национальных частей Красной Армии в борьбе с басмачеством. В районах, охваченных басмачеством (Ферганская долина и др.), помимо национальных коных отрядов регулярной армии, формировались из местных жителей добровольческие отряды милиции, прославившиеся своим мужеством и отвагой при разгроме басмаческих банд.

К осени 1920 г. в Туркестане были ликвидированы основные фронты гражданской войны.

В 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов принял решение о вхождении Туркестанской республики в состав Союза Советских Социалистических Республик. Бухарская и Хорезмская Советские Народные республики продолжали оставаться лишь в договорных отношениях с СССР.

В течение восстановительного периода при постоянной и деятельной помощи русского народа и союзного правительства в Туркестанской республике была ликвидирована разруха, вызванная иностранной интервенцией, гражданской войной, басмачеством и контрреволюционными выступлениями буржуазных националистов и панисламистов, пытавшихся использовать идеологию ислама для борьбы с Советской властью. В окрепших советских республиках Средней Азии назрел вопрос о национальном размежевании, воссоединении их народов в национальные государства.

В сентябре 1924 г. 3-я Чрезвычайная сессия ТурЦИКа приняла постановление о национальном размежевании Туркестанской республики. Стоявшие в Бухарской и Хорезмской Советских Народных республиках курултай приняли решение о преобразовании этих республик в социалистические, после чего они вошли в состав СССР. В декабре 1924 г. были образованы Узбекская и Туркменская Советские Социалистические Республики. В состав Узбекской ССР вошли основные территории Средней Азии, населенные узбеками, в том числе большая часть бывших Бухарского и Хивинского ханств и бывшей Ферганской области. Таджики были объединены в Таджикскую АССР, вошедшую в состав Узбекистана. Каракалпаки, разделенные до революции между Хивинским ханством и Аму-Дарьинским отделом Туркестанского генерал-губернаторства, образовали Кара-Калпакскую автономную область, включенную в состав Казахской АССР. В Туркменской ССР воссоединилось туркменское население бывшей Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского и Хивинского ханств. Наконец, была образована Кара-Киргизская автономная область, вошедшая в состав РСФСР (в 1926 г. она была преобразована в Киргизскую АССР).

Национально-государственному размежеванию предшествовала большая работа и организационное Советским правительством детальное изучение этнического состава и этнографических особенностей народов Средней Азии. Центральный Комитет РКП(б) и лично В. И. Ленин придавали первостепенное политическое значение правильному решению национального вопроса в Туркестане. В. И. Ленин еще в 1920 г. внимательно изучил и одобрил проект туркестанских коммунистов и Турккомиссии, возглавляемой В. В. Куйбышевым и М. В. Фрунзе, о дальнейшем развитии советской государственности народов Туркестанской республики

путем проведения национального размежевания. В своих замечаниях по этому проекту В. И. Ленин предложил:

«1. Поручить составить карту (этнографическую и пр.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2. Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»¹.

Тогда же В. И. Ленин отверг националистический проект Рыскулова о создании так называемой «Тюркской республики».

Еще до национального размежевания начали осуществляться меры по развитию национальной советской государственности: так, в Бухарской Республике были образованы Таджикская и Туркменская области, в Туркестанской АССР — Туркменская область, в Хорезмской республике также было произведено разделение территории по национальному признаку на три административных области: Казахско-Каракалпакскую, Ташаузскую (с преобладанием туркмен), Новоургенческую (с преобладанием узбеков) и один район — Хивинский (также с узбекским населением).

Впервые в истории подверглись детальному изучению путем специального экспедиционного обследования этнический и племенной состав населения бывших Бухарского и Хивинского ханств. При обследовании сложных по этническому составу или географическому положению районов учитывались пожелания местного населения о включении в ту или другую республику. Учет всех этнографических данных обеспечил правильное, научно обоснованное установление границ новых национальных государственных образований — Советских Социалистических Республик Средней Азии. Со вступлением в Советский Союз перед ними открылся путь к социализму, к невиданно быстрому расцвету хозяйства и культуры, к гармоничному развитию экономической, политической и духовной общности, присущих социалистическим нациям.

В свете подлинных исторических фактов, обусловивших успешные результаты национально-государственного размежевания, нелепыми и смехотворными представляются клеветнические измышления буржуазных псевдоученых «историков» (Пайлс, Уилер), пытающихся представить национальное размежевание как действие Советского правительства, направленное на искусственное разобщение народов Средней Азии и замаскированное продолжение угнетательской политики царизма².

Воссоединение среднеазиатских народностей в суверенных советских национальных республиках было одним из величайших исторических актов ленинской национальной политики Коммунистической партии, способствовавших прогрессивному национальному развитию народов Средней Азии. Образование первых национальных государств, созданных на советской основе, стало важной предпосылкой процесса формирования социалистических наций в Средней Азии и Казахстане.

По мере дальнейшего развития национальных республик и областей изменялись и переходили на высшие ступени формы их национальной государственности. Так, в 1925 г. в составе Таджикской АССР была образована Горно-Бадахшанская автономная область. В 1929 г. Таджикская республика была преобразована из автономной в союзную. В 1936 г., в соответствии с новой Конституцией СССР, были преобразованы в союзные республики Казахская и Киргизская АССР. Кара-Калпакия в 1932 г. была преобразована в АССР и включена в РСФСР; в 1936 г. она вошла в состав Узбекской ССР.

¹ Ленинский сборник, т. XXXIV. М., 1942, стр. 326.

² К. Новоселов и В. Мелькумов. К вопросу о национально-государственном размежевании Средней Азии (рецензия на статью G. Wheeler, *The Russians in Central Asia, «History to-day», London, 1956, March*). «Коммунист Туркменистана», Ашхабад, 1957, № 6, стр. 67—72; Т. А. Жданко. Демагогические измышления и историческая правда (По поводу статьи американского историка Ричарда Пайлса «Мусульмане Советской Средней Азии: тенденции и перспективы»). «Советская этнография», 1958, № 4, стр. 134—141.

С первых же дней установления Советской власти в Туркестане Коммунистическая партия и Советское государство оказывали ему всестороннюю помощь. Еще в 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ. В том же 1918 г. была осуществлена национализация крупных и средних промышленных предприятий и банков. В 1920 г. были приняты меры по восстановлению хлопководства и других отраслей народного хозяйства.

На X съезде РКП(б), в 1921 г., был намечен путь перехода народов Средней Азии, Казахстана и других отсталых восточных окраин к социализму, минуя стадию капитализма. С учетом всех особенностей экономического состояния, исторического прошлого, быта и культуры этих народов были определены широкие мероприятия по ликвидации их фактического неравенства, унаследованного от старого строя, патриархально-феодалных и буржуазных отношений в экономике и быту, по созданию и развитию в восточных республиках промышленности, в частности тяжелой, преобразованию сельского хозяйства на социалистической основе, осуществлению культурной революции, подготовке национальных кадров рабочего класса и интеллигенции.

Для ускорения промышленного развития национальных республик и создания первых промышленных очагов сюда был переведен ряд фабрик и заводов из центра России. Кроме того, в распоряжение Туркестанской АССР были переданы крупные фабрики Московской области — «Заря Востока» и «Красный Восток», производившие ткани национального ассортимента и готовившие кадры текстильщиков из местных национальностей. Создание промышленных очагов шло также по линии строительства новых промышленных предприятий; постепенно развертывались работы по строительству электростанций: уже в 1923 г. вступила в строй Ферганская электростанция, в том же году по ленинскому плану ГОЭЛРО близ Ташкента началось строительство Бозсуйской ГЭС. Индустриализация национальных республик Средней Азии проходила в более высоких темпах по сравнению с общесоюзными темпами. Так, за годы первой пятилетки объем промышленной продукции в центральных районах страны вырос в 2 раза, в республиках же Средней Азии — в 3—4 раза, а в некоторых республиках (Киргизия, Таджикистан) еще больше. Это диктовалось целями быстрой ликвидации экономического неравенства национальных республик и поднятия их экономики до уровня центральных районов страны. Высокие темпы индустриализации обеспечивались громадными капиталовложениями союзного правительства в народное хозяйство национальных республик.

Промышленность развивалась здесь многосторонне — создавались собственная топливная база, энергетика, машиностроение и другие отрасли, определяющие экономический профиль каждой республики. Например, в Узбекистане — главной хлопковой базе Советского Союза — значительное развитие получило машиностроение, обслуживающее хлопководство, химическая промышленность, обеспечивающая производство удобрений, текстильная промышленность и др.

Важной предпосылкой социалистической реконструкции сельского хозяйства Средней Азии были проведенные в 1921—1929 гг. земельно-водные реформы, которые ликвидировали крупное землевладение, феодально-родовые пережитки в земле- и водопользовании. В дальнейшем, в процессе коллективизации, десятки тысяч дехканских хозяйств объединились в колхозы, что означало окончательную ликвидацию кулачества и байства, полный переход сельского хозяйства на путь социалистической экономики.

Успехи, достигнутые в промышленности и сельском хозяйстве за годы социалистического строительства, обусловили повышение жизненного уровня народов Средней Азии. Улучшилось культурно-бытовое обслуживание населения, благоустроивались города, кишлаки и аулы; с каждым годом росло число школ, техникумов, вузов, научно-исследовательских учреждений, расширялась и улучшалась сеть медицинских учреждений.

За годы пятилеток социалистическая экономика республик Советского Востока поднялась до высокого уровня индустриально-аграрных стран; небывалых успехов достигла их культура. Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан — все братские республики Средней Азии — стали убедительным примером для поработанных империализмом зарубежных стран Востока, наглядно свидетельствующим о прогрессивности социалистического строя и достижениях ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Н. С. Хрущев, выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ярко и убедительно показал, как в результате Великой Октябрьской социалистической революции в семье равноправных советских республик народы бывших окраин царской России, в том числе Средней Азии, получили полную свободу, быстро подняли свою экономику, культуру и благосостояние.

За период с 1913 по 1960 г. включительно в республиках Средней Азии продукция крупной промышленности возросла в 60 с лишним раз. На территории Средней Азии и Казахстана производилось до революции лишь 7 млн. квт-ч электроэнергии — в 300 раз меньше, чем во всей Российской империи, а сейчас там годовая выработка электроэнергии составит 19 млрд. квт-ч, что в 9 раз превышает производство электроэнергии во всей дореволюционной России. Уже сейчас среднеазиатские республики производят электроэнергии на душу населения около 800 квт-ч в год, т. е. значительно больше, чем, например, в любой из латиноамериканских республик.

Советские среднеазиатские республики и Казахстан производят во много раз больше электроэнергии, чем такие соседние с ними государства, как, например, Турция, производящая 95 квт-ч на душу населения, Иран — 36 квт-ч, Пакистан — 11 квт-ч.

Еще более разительны успехи в развитии культуры. Известно, например, что до революции народы Казахстана и республик Средней Азии были почти сплошь неграмотными. Людей со средним и высшим образованием здесь почти не было. Советская власть открыла всем народам широкий доступ к источникам просвещения и культуры. Неграмотность населения в Казахстане и республиках Средней Азии, как и в остальных республиках Советского Союза, ликвидирована, и они стали республиками сплошной грамотности.

До революции в нынешних Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении не было высших учебных заведений, в Киргизии же, Таджикистане и Туркмении — даже средних, а в 1959/60 учебном году в этих республиках обучалось 211 тыс. студентов высших учебных заведений и 176 тыс. учащихся техникумов и других средних специальных учебных заведений. На каждые 10 тыс. жителей этих республик приходится в среднем 88 студентов высших учебных заведений и 73 учащихся техникумов, не считая большого количества молодежи, уехавшей учиться за пределы своих республик — в Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Саратов, Новосибирск, Томск и другие культурные центры.

Напомним, что во Франции на каждые 10 тыс. жителей приходится лишь 40 студентов высших учебных заведений, в Италии — 34, а в Западной Германии — 31, т. е. почти в 3 раза меньше, чем в Советской Средней Азии.

Встреча делегатов Первой советской конференции солидарности народов Азии и Африки со студентами вузов Таджикистана. 1960 г. Душанбе

Одним из решающих условий, обеспечивших успешное развитие хозяйства и культуры национальных республик, является рост квалифицированных кадров рабочих и интеллигенции.

«Мы гордимся тем, — сказал в своем выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев, — что на опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран»¹.

Современные этнические процессы и перспективы дальнейшего развития социалистических наций Средней Азии и Казахстана

Коммунистическая партия и Советское правительство претворили в жизнь ленинскую национальную политику. В процессе ее реализации народы Средней Азии и Казахстана прошли большой путь национального развития и консолидировались в социалистические нации, которые представляют собой новый тип наций, состоящих из дружественных классов рабочих и крестьян. Отличительную черту духовного облика советских наций составляет идеология пролетарского интернационализма, идеология дружбы между нациями.

Вместо стихийного, мучительного, тянущегося многие века процесса консолидации буржуазных наций, сопровождающегося обычно жестокими войнами, насильственной ассимиляцией национальных меньшинств, разжиганием буржуазного национализма и шовинизма, в рамках Советского государства происходил процесс совсем иного типа, процесс консолидации социалистических наций.

Этот процесс лишен элементов стихийности. Его основу составляют научно познанные, освещенные марксистско-ленинской теорией тенденции

¹ Н. С. Хрущев. Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения! Госполитиздат, 1960, стр. 29.

прогрессивного развития народов; реализация этих тенденций осуществляется под руководством партии и базируется на подлинно интернационалистических принципах братской помощи ушедших вперед народов не по своей вине отставшим в прошлом братьям. Последовательно продолжая проведение ленинской национальной политики, партия и правительство осуществили решения XX съезда КПСС по дальнейшему расширению прав союзных республик в руководстве промышленностью и строительством, в области юстиции, просвещения, науки, культуры, финансов и др. Это способствовало еще большему экономическому и культурному расцвету, росту взаимного доверия, развитию суверенности союзных республик Средней Азии и Казахстана.

В годы Советской власти, по мере развития и консолидации социалистических наций Средней Азии, изживалась былая обособленность многочисленных родоплеменных и локальных этнографических групп. Преобладавшее прежде над национальным самосознанием сознание принадлежности к определенной родоплеменной группе, к числу жителей определенного города, местности или историко-культурной области (Фергана, Бухара, Хорезм) в основном изжито. Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. показали значительно меньшее, чем предыдущие переписи, число мелких этнографических групп в составе каждого народа Средней Азии, показали большую этническую монолитность социалистических наций Средней Азии.

Прогрессивный процесс национального развития, ведущий к укреплению интернационалистических уз, продолжается. Даже вполне сложившаяся социалистическая нация не прекращает своего внутреннего развития. С ней постепенно сливаются близкие ей этнически или территориально мелкие народности и группы национальных меньшинств, вкрапленные в ее среду. Этот процесс дальнейшего этнического развития социалистических наций не имеет ничего общего с насильственной ассимиляцией, как это пытаются представить буржуазные историки; он проходит естественным путем, на добровольных началах, без какого-либо давления извне, со стороны той крупной нации, с которой сливаются мелкие народности и группы. Наряду с дальнейшим расцветом каждой из социалистических наций Средней Азии и Казахстана усиливается столь характерный для современного исторического этапа процесс все более тесного их сближения в условиях развернутого строительства коммунистического общества.

Коммунистические черты интернационализма во взаимоотношениях между социалистическими нациями проявлялись уже на ранних этапах их становления и развития. Братское сотрудничество, бескорыстная помощь более развитых наций (русской, украинской и др.) народам, отставшим вследствие ряда исторических причин в своем экономическом и культурном развитии — яркий пример коммунистического содружества. В обращении узбекского народа к русским и украинцам в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией ярко отражается вся глубина и бескорыстие их братской помощи узбекскому народу в период строительства социализма: «Это сталевары Урала и Запорожья плавил в Узбекистане первую сталь, обучая профессии сталевара своего брата-узбека. Это шахтеры Кузбасса и Донбасса снимали первые слои угля в Ангренском угольном бассейне, передавая свой опыт своему брату-узбеку. Это нефтяники Баку и Эмбы вместе с первыми узбекскими нефтяниками бурили первые скважины в Ферганской долине. Это харьковские машинисты повели вместе с узбеками тепловозы по Ташкентской магистрали. Это ивановские текстильщицы обучали женщин-узбечек работе на сложных ткацких агрегатах...»¹.

¹ «Правда Востока», 29 мая 1954 г.

Другим примером содружества народов и коммунистического труда могут быть величественные народные ирригационные стройки, проводившиеся колхозниками в довоенные годы и в годы войны, в частности строительство Большого Ферганского канала. Эта стройка, как и последовавшее за ней строительство других каналов, обширного Катта-Курганского водохранилища, Фархадской ГЭС и, наконец, строительство в пустыне Каракум железнодорожной линии Чарджоу — Кунград свидетельствует не только о силе и торжестве созидательного коммунистического труда, но и о дружбе народов. Так, строить Большой Ферганский канал пришли вместе с сотнями тысяч колхозников Узбекистана киргизские и таджикские колхозники, а в постройке Большого Гиссарского канала в Таджикистане участвовали труженики Южного Узбекистана. Группа опытных строителей Большого Ферганского канала впоследствии приняла участие в работе по обводнению полей азербайджанских колхозников, передав им свой опыт народных ирригационных строек.

В том же аспекте следует рассматривать народное движение за освоение целинных земель и пустынь. На освоении целины в Казахстане и Южной Сибири, на освоении Голодной степи, на освоении мертвых песчаных пустынь Кызылкум и Каракум работают и проявляют беспримерный героизм наряду с другими национальностями труженики всех республик Средней Азии и Казахстана, включившиеся во всенародное движение энтузиастов-освоителей.

В наши дни новая, высшая коммунистическая ступень содружества народов СССР все ярче проявляется в области экономики, культуры, духовной жизни социалистических наций. Осуществляя грандиозную программу строительства коммунизма, руководствуясь при этом ленинской национальной политикой, Коммунистическая партия признала необходимым в целях обеспечения подъема экономики всех союзных республик осуществить правильное размещение производительных сил на территории страны. Задания, предусматриваемые контрольными цифрами семилетнего плана, утвержденного XXI съездом КПСС обеспечивают дальнейшую специализацию и комплексное развитие хозяйства Средней Азии, как и других крупных экономико-географических районов; при этом планируется наиболее ускоренное развитие экономики восточных районов, в том числе республик Средней Азии и Казахстана.

В принятой на XXII съезде КПСС Программе Коммунистической партии Советского Союза намечены величественные перспективы развития народного хозяйства страны, построения в течение двух десятилетий в СССР материально-технической базы коммунизма. Выполнение этой главной экономической задачи обеспечит народам Советского Союза самый высокий в мире жизненный уровень, создаст условия для достижения изобилия материальных и культурных благ.

В плане развития народного хозяйства на 20 лет предусматривается дальнейшее улучшение в размещении производительных сил; при этом среднеазиатские республики и Казахстан, как и другие восточные районы страны, занимают важное место в общесоюзном разделении труда.

Намечается превращение Средней Азии в важнейший район размещения энергетических производств на базе использования огромных ресурсов газа и гидроэнергии. Большую роль будет играть Средняя Азия в осуществлении ленинской идеи сплошной электрификации всей страны. Здесь будут построены крупные гидроэлектростанции, имеющие комплексное значение как для развития электрификации, так и для ирригации. Среди них — Нурекская и Рагунская электростанции на р. Вахш, Токтогульская и Тогузтороуская на р. Нарын. В Казахстане будет также построен ряд крупных электростанций, в том числе Иртышская энергетическая группа. В этой же республике создается одна из пяти мощных общесоюзных металлургических баз. В Средней Азии, как в одном из глав-

ных в Советском Союзе районов концентрации дешевых природных и нефтяных газов, намечается организация крупных комплексов химической и нефтеперерабатывающей промышленности. В Центральном Казахстане, Целинном крае и Средней Азии планируются крупные работы по водобеспечению — строительство регулирующих водохранилищ, развитие в больших масштабах ирригационного и мелиоративного земледелия. Среднеазиатские республики будут и впредь основной хлопковой базой страны. Имеется в виду создать новый крупный район хлопководства в бассейне Сыр-Дарьи, где по предварительным расчетам можно оросить 800—850 тыс. га земель Голодной степи на территории Узбекской, Казахской и Таджикской республик; использовать энергию Нурекской гидроэлектростанции с тем, чтобы оросить под хлопок, рис и другие культуры до 1,2 млн. га земель в Узбекской и Таджикской ССР; развернуть орошение и освоение земель в Туркмении на базе Каракумского канала на площади 600 тыс. га для развития хлопководства; создать новые районы рисосеяния в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи с площадью орошаемых земель около 900 тыс. га¹. Осуществив программу ирригационного строительства, республики Средней Азии и Казахстан смогут производить дополнительно миллионы тонн хлопка, кукурузы, люцерны, риса и других культур, а также продуктов животноводства. Социалистическое сельское хозяйство этих республик займет почетное место в борьбе за рост сельскохозяйственной продукции, внесет свой вклад в осуществление коммунистической программы создания изобилия материальных и культурных благ.

Новый, высший этап экономического сотрудничества получает отражение также и в характере хозяйственных связей между республиками Средней Азии и Казахстаном. Двумя республиками — Узбекистаном и Таджикистаном — построена в Ферганской долине Кайраккумская ГЭС, заслуженно названная «Дружба народов»; вместе с Киргизией строит Узбекистан Уч-Курганскую ГЭС; совместными усилиями нескольких республик планируется постройка Чардаринского водохранилища на Сыр-Дарье. Три республики — Узбекистан, Таджикистан и Казахстан — объединяют свои усилия в освоении Голодной степи.

В Средней Азии и Казахстане, как и в других районах страны, бурное экономическое развитие, рост городов и улучшение транспортных связей влекут за собой усиление подвижности населения и способствуют взаимному общению наций. Увеличивается приток жителей из соседних республик, приезжающих для работы на новых крупных промышленных предприятиях, на вновь освоенных целинных землях. В республиках Средней Азии и Казахстане на заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях вместе, плечом к плечу, трудятся и учатся представители десятков национальностей.

Н. С. Хрущев, выступая 7 марта 1959 г. на общегерманской рабочей конференции в Лейпциге, один из разделов своей речи посвятил развитию содружества между народами в наше время и в этой связи остановился на вопросе о границах между социалистическими странами и о постепенном отмирании значения границ в социалистических странах на пути перехода к коммунизму. Постепенную утрату прежнего значения границ в пределах нашего социалистического государства Н. С. Хрущев объясняет тем, что у нас «все нации и народности равноправны, жизнь строится на единой социалистической основе, в одинаковой степени удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, каждой национальности»².

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат, М., 1961, стр. 148, 151, 164.

² Н. С. Хрущев. Речь на девятой Общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 г. Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн, т. I. Госполитиздат, 1960, стр. 181.

Этим прогрессивным процессом укрепления братских связей между республиками нашей страны можно объяснить и такие замечательные явления в жизни народов Средней Азии, как добровольную передачу отдельных районов другой республике. Так, в 1956 г. Казахстан передал Узбекистану часть земель Голодной степи и Бостандыкский район. Узбекский народ, выражая свою благодарность дружественной казахской социалистической нации за этот благородный акт, писал: «... Это благородное великодушие казахского народа по отношению к узбекскому народу является ярким выражением дружбы между нашими народами. Узбекский и казахский народы с давних времен жили в добром соседстве: пили воду из одной реки, охотились в одной степи, жили и трудились на одном и том же поле, под одним знаменем воевали против общего врага...»¹. Примеру Казахстана последовал Узбекистан, в свою очередь передавший таджикскому народу 50,5 тыс. га Голодной степи.

Однако процесс сближения социалистических наций не ограничивается экономической жизнью; происходит сближение и национальных культур, развиваются новые традиции, общие для всех народов советской страны. «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»². Национальные формы культуры видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Это сближение наблюдается и в культурной жизни республик Средней Азии и Казахстана.

Не говоря уже о переводе лучших произведений литературы, поэзии на языки других народов, все чаще и чаще деятели культуры одной республики обращаются в своих произведениях к темам из жизни другой республики, представители художественной интеллигенции знакомят со своим искусством трудящихся другой республики. Национальные культуры, различные по языку, по своеобразию художественных приемов изображения действительности, в нашей стране развиваются не изолированно, а во взаимодействии друг с другом; тесное сотрудничество между нашими народами в области культуры сближает трудящихся разных национальностей, помогает воспитанию высоких эстетических вкусов, делает талантливые творения художников одной нации значимыми в общечеловеческом масштабе.

Все эти явления, наблюдаемые в культурной жизни народов Средней Азии, как и других социалистических наций нашей страны, и есть социалистический интернационализм в действии, одна из важнейших черт социалистических наций, развивающихся по пути к коммунизму. К этому же ряду явлений относится и еще одна область жизни народов Средней Азии. Это рост их дружественных связей с народами зарубежных стран. О растущем значении этих связей может свидетельствовать хотя бы пример Узбекистана, давно уже ставшего местом важнейших международных встреч. Недаром именно здесь зародился «дух Ташкента», ставший символом борьбы против реакции, фашизма, расистского изуверства.

* * *

Исследование основных этапов этнической истории народов Средней Азии и Казахстана позволяет проследить, как на протяжении столетий происходил процесс постепенного становления характерных для них черт этнической общности. Однако лишь в годы Советской власти были соз-

¹ «Правда Востока», 25 января 1956 г.

² Программа и Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, стр. 190.

даны условия, способствовавшие формированию наций и созданию суверенных социалистических государств — национальных республик Средней Азии и Казахстана, достигших небывалого экономического и культурного расцвета в условиях социализма. На современном историческом этапе развернутого коммунистического строительства осуществляется прогрессивный процесс все большего роста тесных взаимосвязей и сотрудничества между этими нациями, интенсивного обмена материальными и духовными богатствами, все большего их сближения между собой и с другими нациями нашей страны. Эти новые, прогрессивные явления ярко свидетельствуют об огромной творческой теоретической и практической работе Коммунистической партии в области осуществления ленинской национальной политики, преодолевшей все исторически сложившиеся трудности разрешения национального вопроса в бывших Туркестане, Бухаре и Хиве — некогда отсталых, бесправных окраинах России.

На себе испытавшие ярмо социального и национального гнета, сами прошедшие тяжелый путь борьбы за преодоление вековой отсталости, советские люди республик Средней Азии и Казахстана хорошо понимают и полностью разделяют чаяния народов, пробудившихся к самостоятельной жизни, рвущих цепи ненавистного колониализма. Как бы ни злобствовали империалисты, ничто не может предотвратить крах обреченного историей колониального режима. На примере процветающих советских республик Востока ясно видно, что самостоятельное историческое творчество не является достоянием «избранных» наций, как лживо утверждают колонизаторы и буржуазные фальсификаторы истории, а доступно всем народам, независимо от цвета кожи, национальных, расовых и религиозных различий.

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ КАЗАХСТАНА

К тюркским языкам народов Средней Азии и Казахстана относятся современные государственные языки: Туркменской ССР — туркменский язык; Казахской ССР — казахский язык; Киргизской ССР — киргизский язык; Узбекской ССР — узбекский язык, Кара-Калпакской АССР — каракалпакский язык и язык уйгуров, живущих в Казахской ССР, Киргизской ССР и Узбекской ССР, а также в основной своей массе в Синьцзяне (КНР).

В генетическом отношении все шесть языков имеют различное происхождение внутри данной группы языков и различные связи между собою и с языками других групп. Тюркские языки народов Средней Азии разделяются по существующей классификации на четыре группы. Так, туркменский язык относится вместе с азербайджанским и другими к юго-западной, или огузской, группе тюркских языков, киргизский, казахский и каракалпакский языки вместе с другими — к северо-западной, или кыпчакской, группе, узбекский и уйгурский — к юго-восточной, или чагатайской, группе.

Следует, однако, отметить, что в существующей классификации тюркских языков критериями разделения их являются отдельные, иногда случайные, фонетические и отчасти морфологические признаки. Классификация не учитывает исторических условий формирования и сложных взаимодействий данных народов и языков, не говоря уже об учете при классификации всего строя языков в единстве их фонетических, лексических, морфологических и синтаксических признаков, и, таким образом, является в некоторой мере условной.

Тюркские народы и языки в современном своем составе являются результатом длительного исторического процесса последовательного развития отдельных родоплеменных и феодальных союзов, объединений и государств, которые возникали на территории Восточной Европы, Средней и Центральной Азии. Эти союзы и объединения племен с древнейших времен до консолидации в национальные государства включали в процессе формирования наций в свой состав множество различных разрозненных тюркских, славянских, угро-финских, иранских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и прочих племен.

Различные этнические элементы, вошедшие в состав тюркских народов, в большей или меньшей степени повлияли и на формирование языков, составляющих ныне по доминирующим признакам одну группу тюркских языков. Например, современные узбекский и уйгурский языки, а также их предшественники староузбекский и так называемый классический ново-

уйгурский язык (язык уйгуров XVII—XIX вв.), которые прежде были известны под общим термином чагатайского литературного языка, являются результатом соединения или скрещения языков тюркских племен, пришедших на территорию Средней Азии в основном в VI—VIII вв., с языками ираноязычных народов, более древних аборигенов Средней Азии.

Языки тюркских народов Средней Азии имеют не только общие черты, но и значительные расхождения, обусловленные различным их происхождением и различными историческими связями.

Исторические сведения о тюркских народах и материалы по древним и современным тюркским языкам указывают на весьма давнее разделение тюркских народов на две части — восточные тюркские племена и западные тюркские племена. Это разделение происходило дважды: в первых веках нашей эры, когда одна группа племен примкнула к западным, а другая к восточным гуннам, и в VII—VIII вв., когда тюркские племена были разобщены в связи с падением Тюркского каганата, а затем уйгурского государства.

Формирование всех народов и языков Средней Азии, за исключением разве только киргизского языка, совершилось относительно позднее в составе позднейших западных тюркских племенных союзов, хотя каждый народ и язык были генетически связаны и с более ранними восточными союзами племен.

Так, формирование туркменского языка в основном произошло в среде западноогузских племен при участии народов, вошедших позже в сельджукский союз племен. Хронологически образование туркменского языка, таким образом, относится к VIII—XI вв., хотя генетически туркменский язык был связан через огузов и с более древним языком орхонских надписей Тюркского каганата VI—VII вв., а также с языком древних ираноязычных аборигенов Хорезма.

Языки каракалпакский и отчасти казахский, по-видимому, сформировались сравнительно поздно в составе Большой ногайской орды; до этого они были генетически связаны с языками кыпчаков-половцев, а в более ранний период с языком печенегов и отчасти болгар, с одной стороны, и ираноязычными аборигенами Средней Азии — древними хорезмийцами, согдийцами и саками с другой. Генезис этих народов и языков связан в основном с западными союзами тюркских племен, хотя через кыпчаков-половцев народы эти генетически были связаны также и с восточными племенными союзами тюрков. На формирование этих языков безусловно повлияли как угро-финские племена (через болгар, хазар и печенегов), так и древние ираноязычные народности Средней Азии.

Язык киргизский в современном своем составе относительно новый язык, сформировавшийся в кыпчакской среде, хотя субстратом его являлись древние диалекты енисейских киргизов, смешанных по своему этническому составу. Интереснейшим памятником языка енисейских киргизов являются древние енисейские надписи. Длительное пребывание киргизов на востоке и в частности непосредственное соседство с монгольскими племенами, носителями языка более новой формации, отразилось и на языках восточных тюркских племен и не только в лексическом, но и в фонетическом и фонетико-морфологическом отношениях (ср. например, вторичные долгие гласные, менее характерные для западных тюркских языков).

Наконец, узбекский и новоуйгурский языки, как уже отмечалось выше, представляют собой результат взаимодействия тюркских языков с языками хорезмийцев, согдийцев, бактрийцев, саков и прочих иранских народностей — аборигенов Средней Азии. Вместе с тем эти языки сохранили также и непосредственную связь с древними тюркскими языками и в первую очередь со староузбекским или так называемым чагатайским языком, а затем с языком Караханидского государства, в основе которого лежали

карлукские и еще более древние тюркешские диалекты; носители их генетически были связаны с древними уйгурами и орхонскими тюрками.

Таким образом, уточняя существующую ныне классификацию, все современные тюркские языки следует разбить на две большие группы или ветви: западную и восточную, которые в основных своих чертах совпадают и с географическими границами современного расселения тюркских народов на территории Европы и Азии.

1. Западная ветвь тюркских народов исторически сложилась из тюркских племен, продвинувшихся на запад и с древнейших времен входивших в западногуннский племенной союз, а отчасти и в западнотюркский каганат, в процессе распада которых выделились крупные родоплеменные объединения и языки: 1) булгары и болгарская группа языков; 2) огузы и огузская группа языков; 3) карлуки и карлукская группа языков и 4) кыпчаки и кыпчакская группа языков. Характерными особенностями тюркских языков западной ветви, отличающими эти языки от языков восточной ветви, являются: а) отсутствие вторичных долгих гласных в закрытых слогах (за исключением гагаузского) и замещение их либо сочетаниями гласного и согласных *g*, *r*, например, *өгрен* 'учиться', *таг* 'гора', либо дифтонгами, например, *уйрен* 'учиться', *тай* 'гора'; б) замещение древних *z*, *s*, *ð*, *t* > *й*, например, *айақ* 'нога'; в) большая степень дифференциации глухих и звонких согласных: *b — n*, *k — g*, *s — z*, *ð — t*; г) наличие дифференцированных согласных фонем *x*, *v*, *ç*, и др.; д) наличие значительного количества заимствованной лексики из языков арабского и иранского и относительно меньшее количество заимствований из монгольского языка; е) более развитая структура сложного предложения и наличие большего количества союзов, в том числе заимствованных из других языков; ж) меньшее количество стяженных сочетаний слов, выступающих в качестве имен и глагольных форм и др. Перечисленные здесь основные признаки отличают все тюркские языки западной ветви от тюркских языков восточной ветви. Однако кроме этих общих признаков каждая группа языков, входящая в западную ветвь, имеет свои более конкретные, частные признаки, отличающие каждую группу внутри данной ветви языков.

1. Болгарская группа языков, к которой относятся древние болгарский и хазарский языки и современный чувашский язык, образовалась в среде древнейшего населения Поволжья — болгар, или болгар (VI—XIV вв.) и хазар (VI—X вв.), непосредственных преемников племен, входивших в состав западных гуннов, современными потомками которых являются сохранившие древний строй языка чуваша. Характерными признаками языков болгарской группы, по которым они отличаются от языков других групп, входящих в западную ветвь, являются: а) наличие особой системы вокализма, в том числе двух негубных и двух губных гласных неполного образования; б) замещение некоторых гласных в начале слов дифтонгами и дифтонгоидными сочетаниями, например, *йерт* 'водить' (вм. *ерт*), *йёкев* 'подпилоч' (вм. *егев*), *йёр* 'след' (вм. *из*), *вут* 'огонь' (вм. *от*), *вырэн* 'место' (вм. *орын*); в) замещение согласного *z* других языков согласным *p*, например *çавар* (вместо *агыз*, *авыз*) 'рот', *пёр* (вм. *буз*) 'лед', *хёр* (вм. *қыз*), *кёр* (вм. *куз*) 'осень'; г) наличие характерной согласной фонемы *ç*, замещающейся в других языках фонемами *й*, *ж*, *дь*, *ч*; д) наличие в известных позициях вариантов согласных фонем, занимающих среднее положение между глухими и звонкими согласными в других языках; е) замещение чередующихся по языкам согласных *ð — t — s — z — й* согласным *p*, например *ура* (вм. *адақ*, *азақ*, *айақ* и др.) 'нога'; ж) наличие в лексике значительной группы слов, общих по происхождению с славянскими словами, и лексики, общей по происхождению с угрофинскими словами; з) своеобразие морфологии, в значительной степени отличающейся от морфологии языков других групп.

2. Огузская группа языков, к которой относится несколько подгрупп языков: 1) огузо-туркменская подгруппа, объединяющая древний язык огузов, зарегистрированный Махмудом Кашгарским, и современные языки: туркменский и язык туркмен Северного Кавказа; 2) огузо-сельджукская подгруппа, к которой принадлежат турецкий и азербайджанский языки; 3) огузо-булгарская подгруппа, к которой относятся древний печенежский язык и современный гагаузский, имеющие, впрочем, различные субстраты.

Огузская группа языков образовалась в среде огузов (VIII—XIII вв.) и сельджуков (XI—XII вв.), ведущих свое происхождение от западных и отчасти восточных тюркских племен. Прямые потомки этих племен, сохранившие древнеогузские черты языка,— туркмены и более поздние смешанные племена, из которых образовались современные азербайджанцы, гагаузы и турки. Все эти народы имеют в своем составе различные этнические элементы, а, следовательно, и различные языковые напластования. Так, туркменский язык, кроме огузской основы, в процессе формирования впитал элементы кыпчакских языков, древнехорезмийского языка и др.; азербайджанский язык, кроме огузских черт, имеет сельджукские и кыпчакские элементы; гагаузский язык в значительной мере имеет элементы кыпчакских, болгарских языков и др. Характерными чертами языков огузской группы являются: а) наличие восьми гласных фонем, в отличие от других языков, имеющих от шести до девяти фонем (например, языки кыпчакские или карлукские), и менее выраженные вторичные долготы гласных (исключение в этом отношении составляет туркменский язык, имеющий первичные долгие гласные); б) наличие узких губных гласных в аффиксах, например *йаруқ* (вм. *йарық*) 'свет', блеск; в) сохранение конечных *g* и *f* в словах типа *бег* 'бек', господин, *даг* 'гора' и выпадение их в некоторых аффиксах, например *гелен* (вм. *келген*) 'пришедший', *алан* (вм. *алған*) 'взявший' и др.; г) озвончение начальных согласных *t* и *k/қ*, например *гөр* 'видеть' (вм. *көр*), *дил* 'язык' (вм. *тил*); д) выпадение начального *b/p* в основе *ол* 'быть' (вм. *бол, пол, пул*); е) выпадение *й* перед и после узких гласных в некоторых словах, например *ир* 'песня' (вм. *йыр*), *ит* (вм. *ийт*) 'собака'; ж) фонетически редуцированный формант родительного падежа *-ын/-ин* наряду с полной формой *-ның/-ниң*; з) фонетически редуцированный формант направительного падежа в позиции после согласного, например, *а:дама* 'человеку'; и) форма желательного вида на *-асы/-еси* вм. формы на *-гу/-гу*, например *келеси* (вм. *келгу*).

3. Карлукская группа языков, к которой относятся древние языки Караханидского государства X—XI вв., староузбекский язык и современные языки: узбекский и уйгурский. Эта группа языков образовалась последовательно в составе племенных объединений тюркшей, чигилей и карлуков (тесно связанных с тюркскими и уйгурскими племенами), создавших позже Караханидское государство; затем огузо-кыпчаков, образовавших государство Сельджукидов и участвовавших в создании государства Хорезмшахов, и, наконец, в Чагатайском и позже Тимуридском узбекском государстве. Ныне она представлена языками прямых потомков народов, входивших в эти племенные союзы и государства: 1) уйгурским — языком основной массы уйгуров Синьцзяна; 2) диалектами узбеков Хорезма, сохранившими огузские и кыпчакские черты; 3) узбекским — языком населения большинства районов, входящих в состав Узбекской ССР. Все эти народы и языки имеют, как было уже отмечено выше, этнические и лингвистические связи с аборигенами Средней Азии, а также и с восточными тюркскими племенами через тюркшей, чигилей и карлуков. К характерным признакам этой группы языков относятся следующие: а) изменение состава гласных фонем не только для каждого языка, но и внутри языков по диалектам с колебаниями от 6 до 9 и более фонем; б) конвергенция *и* — *ы* и индифферентный; в) раз-

личные степени палатализации согласного *к*; г) отсутствие озвончения согласных *п, т, ҕ/к* в интервокальной позиции; д) сохранение согласных *з, ғ* или переход их в конце слов в *ҕ/к*, например *сарыҕ* (*сарыҕ*) 'желтый'; *тирик* 'живой', *өлүк* 'мертвый'; е) широкое распространение причастной формы на *-ған/-ген*, в отличие, например, от огузских языков, где данный аффикс заменяется либо редуцированной формой *-ан/-ен*, либо формой на *-дыҕ/-дик*; ж) полная форма родительного падежа *-ның/-нің* и отсутствие вариантов по согласному; з) полная форма винительного падежа при именах с аффиксом принадлежности 3-го лица, например *қызыны* вм. *қызын* 'его дочь'.

4. Кыпчакская группа языков, к которой относится несколько подгрупп языков: 1) кыпчакско-булгарская подгруппа, объединяющая современные татарский и башкирский языки; 2) кыпчакско-огузская, или половецкая, объединяющая древний половецкий язык и современные караимский, кумыкский и карачаево-балкарский языки; 3) кыпчакско-ногайская подгруппа, объединяющая современные ногайский, каракалпакский, казахский языки и некоторые диалекты узбекского языка.

Кыпчакская группа языков с тремя исторически последовательно возникшими подгруппами образовалась в среде многочисленных кыпчакских племен, появившихся в Восточной Европе и Западной Азии сначала вместе с печенегами (IX—XI вв.), а затем с кыпчаками-половцами или куманами (XI—XIII вв.) и затем составивших основное ядро населения Золотой Орды (XIII—XV вв.). Позже это ядро распределилось между Астраханским, Казанским и Крымским ханствами, а частично вошло в Большую ногайскую орду; из нее в свою очередь выделились группы племен, вошедшие в Узбекский, Казахский и Каракалпакский союзы. Из состава кыпчаков, ассимилированных частично по языку булгарами и вошедших в состав сначала Золотой Орды, а затем Казанского и Астраханского ханств, сформировались современные татары и башкиры, язык которых имеет общие элементы с языками булгарской группы и с языками кыпчакской группы, а потому и отнесен к смешанной кыпчакско-булгарской подгруппе. Кыпчакско-огузскую, или половецкую, подгруппу составляют древний половецкий, или куманский, язык, основным памятником которого является латино-персидско-кыпчакский словарь XIII века «Codex Sumanicus», современные языки: караимский язык литовских караимов, обладающий также булгарскими чертами, кумыкский и карачаево-балкарский; носители этих языков являются, по-видимому, прямыми потомками половцев. Наконец, самую позднюю подгруппу кыпчакских языков составляют кыпчакско-ногайские языки, сформировавшиеся в XIV—XV вв., к которым относятся ногайский, каракалпакский, некоторые диалекты узбекского языка и казахский язык. Основными особенностями кыпчакских языков являются: а) наличие восьми-девяти гласных, внутри которых своеобразную окраску звуков неполного образования имеют узкие гласные *ы, и, у, ү*; б) отсутствие, как правило, лабиализации узких гласных в аффиксах (ср., например, *йаруҕ* в огузских или карлукско-чагатайских языках); в) слабая губная гармония гласных и только в отношении узких гласных; г) отсутствие долгих гласных; д) соответствие более древним сочетаниям гласного и согласного *ағ > ай, ег > ий, өг > үй* и др., например, в словах *тағ > тау* 'гора', *тег > тий* 'касаться', *өгрөн > үйрен* 'учиться'; е) наличие, как правило, в начале слов звонкого *б*, но глухих *т* и *ҕ/к*, например *балта* 'топор', но *тил* 'язык' и *кел* 'приходить' (вм. огузских *дил* 'язык', *гел* 'приходить' и др.); ж) неустойчивость в начальной позиции звуков *й/ж/дж*, з) спирализация *п/б > ӓ* и *ҕ/к > ғ/г* в интервокальной позиции и т. д., а также некоторые характерные черты морфологии и лексики кыпчакских языков.

11. Восточная ветвь тюркских языков и народов исторически сложилась главным образом из тюркских племен, входивших последовательно в во-

сточногуннский племенной союз, восточнотюркский каганат и древнеуйгурское государство; таким образом и сложились основные родоплеменные объединения и группы языков: 1) орхонские тюрки и орхонотюркская группа языков; 2) древние уйгуры и древнеуйгурская группа языков и 3) киргизы и киргизско-кыпчакская группа языков.

Восточная ветвь языков характеризуется признаками, противоположными западной ветви тюркских языков: а) наличием в большинстве языков восточной ветви, кроме древних языков енисейско-орхонского и древнеуйгурского, вторичных долгот, характерных также и для живых монгольских наречий; б) наличием чередующихся по отдельным языкам согласных *з, с, д, т*, вместо *й* западной ветви тюркских языков, например в слове *адақ/лазақ* вместо *айақ* 'нога'; в) слабой дифференциацией или отсутствием дифференциации между глухими и звонкими согласными: *д — т, б — п, к/қ — г/ғ, с — з*, каждая пара этих согласных рассматривается в языках восточной ветви как варианты одной и той же фонемы; г) отсутствием согласных фонем *ф* и *в*, которые, как правило, имеются в языках западной ветви; д) наличием значительного количества лексики, заимствованной из монгольских языков, в отличие от языков западной группы, в которых преобладают арабо-иранские лексические заимствования; е) менее развитой структурой сложных предложений и в связи с этим меньшим количеством союзов; ж) чрезвычайно развитыми стяженными формами сочетаний имен и глагольных форм. Выше перечислены только основные различия языков восточной ветви от западной, так как каждая группа в свою очередь имеет специфические признаки, по которым они отличаются между собой.

1. Орхонотюркская группа языков, к которой относится только один — древний язык орхонских надписей. Носители этого языка — господствующее племя в Тюркском каганате VI—VIII вв.; с ними генетически связаны позднейшие союзы огузов и карлуков, от которых и сохранились современные их потомки, входящие в состав огузской и карлукской групп западной ветви тюркских народов и языков. Непосредственных наследников, носителей языка, генетически восходящего к орхонотюркскому, среди современных народов, говорящих на языках тюркской семьи, нет. Основными признаками, характеризующими орхонотюркский язык являются следующие: а) наличие согласного *д* вместо чередующихся по языкам *з, й*, например *адақ* вм. *айақ* 'нога', *адырылмаз* вм. *айырылмаз* 'неразделяющийся', *эдгу* вместо *ийги* 'добрый', б) диссимилиация согласных, например *кёрти* вм. *кёрди* 'он видел', *ёлти* вм. *ёлди* 'он умер', *алты* вм. *алды* 'он взял'; в) наличие формы винительного падежа на *-ығ/-иг*; г) наличие древних форм условной модальности, например, *барығсар* 'если он пойдет < он хочет пойти', *сағынсар сен* 'если ты предполагаешь'; д) преобладание употребления формы на *-ур/-ур* и *-ыр/-ыр* вместо *-ар/-ер* в значении причастия будущего времени и др. Орхонотюркский язык отличается от современных языков также архаической лексикой и значительными заимствованиями из языков китайского, санскритского и др.

2. Древнеуйгурская или уйгурская группа языков, к которой относятся древнеуйгурский язык и современные языки: сары-уйгурский и саларский диалекты современного новоуйгурского языка, северные диалекты алтайского языка (туба, кумандинский и чалканский), хакасский, тувинский, карагасский (или тофаларский) и в известной мере якутский языки. Все языки, относящиеся к этой группе, генетически связаны с древним уйгурским языком, носителями которого были уйгуры VIII — IX вв.. Древние уйгуры вошли также в этнический состав карлуков, а по языку сохранили некоторые отдаленные связи с крайними западными племенами и языками — булгарами и современными чувашами, а отчасти с кыпчаками и огузами. Характерными признаками этой группы языков являются: а) количество гласных —

8 нормальных + 8 долгих гласных, за исключением древнеуйгурского языка, в котором процесс превращения сочетаний некоторых согласных с гласными в долгие гласные не завершился; б) отсутствие губной гармонии, за исключением якутского; в) слабое развитие согласных фонем и неразличение глухих и звонких согласных; г) наличие в начале слов только глухих согласных; д) озвончение глухих согласных в интервокальной позиции; е) сохранение звонких согласных -g/-r в конце слова; ж) наличие -d/-z вм. й в середине слова: *адақ/азақ* вм. *айақ*, 'нога' и др.; з) наличие фонемы ч в позиции начального йота в других тюркских языках, например *чол* 'путь', 'дорога' в шорском, хакасском и других языках и фонемы с в некоторых словах якутского языка, например *суол* 'путь', 'дорога'.

3. Киргизско-кыпчакская группа языков представлена одним древним киргизским языком енисейских надписей и двумя живыми современными языками: киргизским и алтайским. Языки этой группы имеют своим субстратом диалекты древних киргизских племен, образцы языка которых дошли до нас в енисейских надписях. Однако современный состав этих языков, а именно киргизского и алтайского, показывает, что они в значительной степени трансформировались и представляют собой уже языки более поздней формации, образование которых произошло в другой, кыпчакской, среде и в близком общении и взаимодействии с языками монгольских племен. Особенно это относится к алтайскому языку, носителю которого, алтайцы, долгое время находились в составе Монгольского государства. Характерными особенностями языков этой группы являются: а) гласные полного образования: восемь нормальных и шесть-восемь долгих гласных; б) наиболее полно выражена губная гармония гласных; в) слабое по диалектам различие глухих и звонких согласных; г) наличие шипящих согласных ч — ш в отличие от кыпчакско-ногайской группы языков, где этим согласным соответствуют ш — с: *қач* 'убегать' и *баш* 'голова' (вм. *қаш* и *бас*); д) наличие в начале слов преимущественно глухих согласных, в особенности это касается алтайского языка; е) озвончение глухих согласных в интервокальной позиции, в особенности в алтайском языке, в языке же киргизском этот признак не характерен, хотя в ряде диалектов это явление выражено последовательно и т. д.

Таким образом, рассматривая языки тюркских народов Средней Азии и Казахстана в общей системе классификации всех тюркских языков в связи с их историей, мы не только устанавливаем происхождение каждого отдельного языка, но и уясняем общую перспективу развития всех тюркских языков в их взаимодействии.

Ниже при характеристике отдельных языков тюркских народов Средней Азии (см. стр. 122 сл.) мы будем определять место каждого языка не только внутри всей системы тюркских языков, но и внутри каждой ее группы, отмечая специфические особенности, характеризующие данный язык и отличающие его от других языков данной группы.

В заключение следует остановиться на составе лексики современных тюркских языков Средней Азии, которая по существу имеет черты и слои, общие для всех групп языков.

Кроме основного фонда лексики, содержащего в зависимости от происхождения данного языка некоторые своеобразные черты, характерные для каждой языковой группы, лексика тюркских языков Средней Азии характеризуется следующими общими пластами:

1. Пласт лексики, отражающий главный образом древнюю сельскохозяйственную терминологию и терминологию городских ремесел, который, по-видимому, представляет собой наследство от древних ираноязычных аборигенов Средней Азии и прочих племен. В тюркских языках Восточной Европы этому пласту соответствует по времени древний слой

в результате развития тех племенных диалектов, на основе которых вырос в XII в. среднеазиатский литературный язык домонгольской эпохи; в образовании этого языка участвовали уже сами туркмены. Одним из памятников этого языка являются произведения Ходжи Ахмеда Ясави.

В XV—XVII вв. решающую роль в формировании старого туркменского литературного письменного языка, а отчасти и разговорного языка играл тогдашний литературный язык Средней Азии — староузбекский (чагатайский) язык.

Наконец, с конца XIX в. и в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции значительное и благотворное влияние на туркменский язык оказал русский язык. В результате проведения ленинской национальной политики наряду с общим невиданным ранее культурным подъемом туркменского народа происходит и необычайно быстрое развитие туркменского литературного языка, на котором ныне создается своя художественная и научная литература и на который переводятся лучшие произведения мировой художественной литературы, классиков марксизма-ленинизма и сложные научные работы.

Уточняя место туркменского языка в системе тюркских языков, следует отнести его к западной ветви тюркских языков, к огузской группе и к наиболее древней огузо-туркменской подгруппе, формирование языков которой было, впрочем, тесно связано также и с другими подгруппами огузских языков, а именно огузо-сельджукской и огузо-булгарской.

Обладая общими признаками, характеризующими все огузские языки, туркменский язык имеет и свои специфические особенности, выделяющие его из других тюркских языков огузской группы, к которым относятся: а) наличие первичных долгих гласных, что является рефлексом древнего происхождения туркменского языка и его связей с восточными тюркскими языками (ср. также первичные долготы в тувинском и якутском языках); б) губная гармония в отношении широких гласных *болон-болгон*, что также является отзвуком генетических связей туркменского языка с восточными тюркскими языками; в) наличие междузубных звуков *ç, ʒ* (общих с теми же звуками в башкирском языке); г) наличие параллельных вариантов основы *бол-* и *ол-* 'быть, стать'; д) наличие звонкого, заднемягко-небного взрывного *ğ*, например в слове *ğыйз* 'девушка'; е) наличие варианта отрицательной формы причастия будущего времени на *-мар/-мер*, кроме общей на *-маз/-мез* в других огузских языках; ж) преимущественное использование формы на *-ган/-ген, -ан/-ен* вместо формы на *-дық/-дик* в других огузских языках и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции туркменский литературный письменный язык пользовался сначала арабской реформированной графикой, которая в 1928 г. была заменена латинизированным алфавитом. Латинский алфавит не только не обеспечил должного размаха в развитии литературного туркменского языка, но и оказался помехой для установления необходимых связей с русским народом и языком, в силу чего произошел переход туркменской письменности на основу русского алфавита. На современном туркменском языке печатается обширная литература, издается множество газет и проводится преподавание в начальной, средней и высшей школе.

КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

Киргизский язык — язык основного населения Киргизской ССР. Наряду с литературным письменным языком киргизский язык представлен двумя группами народных диалектов, а именно: северной группой диалектов и южной группой смешанных диалектов, являющихся результатом взаимодействия киргизского и узбекского языков. Эти две

группы характеризуются противопоставляющимися друг другу признаками: а) начальным *дж* в северных диалектах вместо *дж/й* — в южных; б) наличием долгих гласных в северных диалектах и замещением их дифтонгами в южных; в) отсутствием гласного *э* в северных и наличием его в южных диалектах и т. д.

Образование киргизского языка с современной его структурой относится к сравнительно позднему периоду, хотя субстратом его и являются языки древних киргизских племен, живших в первые века нашей эры на Енисее. Судя по типологии и основным особенностям, киргизский язык в более позднее время подвергся ассимиляции кыпчакскими языками, вместе с тем на его формирование в известной мере оказали влияние также языки других систем, в частности, монгольский язык.

Своеобразные особенности, которыми киргизский язык отличается от других кыпчакских языков (например, вторичные долготы гласных, встречающиеся по диалектам явления оглушения конечных согласных и их озвончение в интервокальной позиции) сближают его с группой алтайских языков (алтайских в географическом смысле), в частности, с собственно алтайским языком. Алтайский же язык вместе с киргизским, а также языки хакасский, шорский, тувинский, якутский и некоторые другие прошли значительный период своего развития по соседству и вместе с языками монгольскими и отчасти тунгусскими, маньчжурскими и палеоазиатскими.

Таким образом все эти тюркские языки приобрели общие черты, отличающие их от других языков тюркской системы.

По специфическим особенностям, отличающим его, киргизский язык, а вместе с ним и другие близкие к нему языки, например алтайский язык, могут быть отнесены к восточной ветви тюркских языков, которая объединяет все тюркские языки, получившие свое развитие в среде тюркских племен, расположенных на востоке в непосредственной близости с монгольскими, тунгусскими, маньчжурскими, палеоазиатскими и др. В составе же восточной ветви тюркских языков киргизский и алтайский языки составляют особую киргизско-кыпчакскую группу.

В то время как вся восточная ветвь тюркских языков характеризуется некоторыми особенностями, отличающими эти языки от языков западной ветви, например, наличием вторичных долгих гласных, слабой дифференциацией глухих и звонких согласных, отсутствием звонкого согласного в конце слов, озвончением глухих согласных в интервокальной позиции, киргизско-кыпчакская группа внутри восточной ветви тюркских языков характеризуется следующими дополнительными признаками: а) отсутствием в составе звуков заимствованной лексики фонемы *x* и фонемы *ʃ* (*ш*); б) последовательной губной гармонией гласных за исключением влияния узких губных гласных *y* и *y* на широкие негубные гласные *a* и *e* второго слога; в) тенденцией к превращению полных личных аффиксов в сокращенные редуцированные аффиксы, совпадающие по форме, но дифференцированные по значению с аффиксами принадлежности¹.

Наконец к признакам, различающим киргизский и алтайский язык между собой, относятся: а) наличие в киргизском шести, а в алтайском языке восьми долгих (вторичных) фонем (6 фонем + долгие *ии*, *ыы*); б) наличие в киргизском фонемы *дж* и замещение ее в алтайском *дь-ть*; в) большая степень дифференциации глухих и звонких согласных фонем в киргизском и отсутствие этой дифференциации в алтайском языке; г) формант родительного падежа *-нын/-нин*, *-дын/-дин*, *-тын/-тин* и ис-

¹ Различное содержание аффиксов подчеркивается также отсутствием в системе личных редуцированных аффиксов — аффиксов третьего лица; личной же форме третьего лица соответствует нулевая форма спрягаемого причастия, в то время как в системе аффиксов принадлежности имеется специальная форма аффикса принадлежности третьего лица.

ходного -дан/-ден, -тан/-тен, -нан/-нен в киргизском и -мың/-ниң, -дың/-диң, -тың/-тиң и исходного -даң/-дең, -таң/-тең, -наң/-нең в алтайском языке.

Лексика киргизского языка, как языка восточной ветви тюркских языков, также отличается по своему составу от лексики языков западной ветви большим количеством монголизмов и меньшим количеством слов, заимствованных из арабского и иранского языков, которые, впрочем, имеются в большем количестве в киргизском, чем в алтайском языке.

В настоящее время киргизский язык, как народный разговорный, так и в особенности литературный письменный, обладает хорошо разработанной терминологией во всех отраслях знания, которая выросла в нем, главным образом, за счет советских, русских и интернациональных терминов.

На киргизском языке, имеющем ныне графику на русской основе, печатается обширная художественная, научная и общественно-политическая литература и ведется преподавание в начальной, средней и высшей школе. На киргизском языке издаются переводы классиков марксизма-ленинизма и лучших произведений русских и советских писателей.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Казахский язык является языком основного населения Казахской ССР и по существующей классификации относится к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков.

Казахский язык на обширной территории, занимаемой Казахской ССР, имеет весьма незначительные диалектные расхождения, которые, впрочем, по классификации С. Аманжолова, позволяют установить наличие трех основных диалектов: северо-восточного, южного и западного.

Северо-восточный диалект происходит исторически из языка объединения племен аргын, найман, кирей, кыпчак, конграт и лежит в основе современного казахского литературного языка. На этом диалекте говорили и писали основоположники казахского литературного языка Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.), Ибрай Алтынсарин (1843—1889 гг.) и др. Таким образом, данный диалект характеризуется общими признаками с современным литературным языком.

Южный диалект исторически происходит из языка племен уйсун, жалаир, канглы, дулат и других и характеризуется следующими, отличающими его от литературного языка, особенностями: а) переходом спорадически глухого $k > g$ в начале слов, например *гуріш* вместо *куріш* 'рис'; б) переходом $ж > й$ в начале слов, например *йақ* вм. *жақ* 'сторона'; в) отсутствием ассимиляции $л/д/т$, например, *маңлай* вм. *маңдай* 'лоб'; г) переходом $с > ш$, например, *мышық*, вм. *мысық* 'кошка'; д) наличием формы повелительно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-алы/-ели*, например, *баралы* вм. *барайық* 'пойдем-ка мы'; е) более полная форма послелога *мынан* вм. *мен* и др.

Западный диалект исторически происходит из языка Алшынского племенного союза. Этот диалект характеризуется в основном теми же признаками, что и южный диалект, отличаясь от него следующими частными особенностями: а) переходом широкого $o > y$, например, *қул* вм. *қол* 'рука'; б) $й > н$ в вопросительном местоимении *қанда* вм. *қайда* 'где'; в) сокращенной формой притяжательных местоимений 1-го лица множественного числа, например, *бізің* вм. *біздің* 'наш'; г) параллельным употреблением форм в значении глагола прошедшего времени *барды/баруылы* и др.

Казахский народный разговорный язык прошел длительный путь развития, подвергаясь взаимодействию с другими, как тюркскими, так и

иносистемными языками, и сформировался окончательно вместе с узбекским и каракалпакским языками в XV в., когда все народы, говорящие на этих языках, выделились в отдельные союзы.

История народного разговорного казахского языка, точно так же как и история других тюркских языков западной ветви, была связана, с одной стороны, с формированием Половецкого племенного союза, государства Золотой Орды и, наконец, Большой ногайской орды, часть которой позже вошла в Казахский союз, а с другой — с союзами племен и государствами, развивавшимися на Востоке, в частности, с государствами, возникавшими в Средней Азии и оказавшими значительное влияние на формирование казахского языка, в состав которого вошли также и элементы иранских языков.

Таким образом, казахский язык может быть отнесен также к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакских языков. Что касается характерных особенностей самого казахского языка, отличающих его внутри кыпчакско-ногайской подгруппы языков, то к ним относятся следующие: а) последовательная прогрессивная ассимиляция последующего звука *л/д/т* под влиянием предыдущего, например, *қыздар* 'девушки', *аттар* 'лошади', *тастар* 'камни' вм. *қызлар*, *атлар* и *тастар* в других языках данной подгруппы; б) преимущественное *ж* в начале слова из чередующихся по языкам *й/дж/ж/дь/ть/ч* и других, например, *жол* 'дорога' вм. *йол*, *джол*, *чол*, *дьол*; *жыл* 'год' вм. *йыл*, *джыл*, *чыл*, *дьыл*, а также значительные особенности его в морфологии, ср., например, формант-*атын/-етін*, *-йтын/-итін* причастия настоящего-будущего времени вм. *-атуеун/-етуеун* в каракалпакском или *-атаған/-етаған* в ногайском; отсутствие формы причастия будущего времени на *-аджақ/-еджақ* или *-айақ/-ейеқ*, которая имеется в каракалпакском и ногайском языках, и т. д.

Казахские литературный язык и письменность на арабском алфавите возникли во второй половине XIX в. и оформились в конце того же века. Этому способствовала деятельность крупнейших казахских просветителей Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина. Однако полный расцвет казахского литературного языка и казахской литературы наступил после Великой Октябрьской социалистической революции, когда язык и литература стали достоянием всего народа.

Казахская письменность, пользовавшаяся в 1929—1938 гг. латинизированным алфавитом, в 1938 г. перешла на русскую графику. Русский алфавит оказался не только более соответствующим по составу знаков для гласных и согласных казахского языка, переход на этот алфавит, кроме того, облегчил для казахов изучение русского языка.

Современный казахский язык, как литературный разговорный, так и литературный письменный, благодаря новым, социалистическим условиям и благотворному влиянию русского языка имеет хорошо развитую терминологию для всех отраслей науки и является языком, на котором печатается пресса и обширная художественная, научная и общественно-политическая литература.

КАРАКАЛПАКСКИЙ ЯЗЫК

Каракалпакский язык является языком основного населения Каракалпакской АССР.

Народный разговорный каракалпакский язык представлен двумя основными диалектами: северо-восточным и юго-западным. На северо-восточном диалекте говорит каракалпакское население Тахта-купырского и Муйнакского районов. К этому же диалекту относятся также смешанные говоры Тахта-купырского района, развившиеся на основе взаимодействия казахского и каракалпакского языков. На юго-западном диалекте

говорит население остальных районов Кара-Калпакии. Этот диалект имеет также несколько говоров, из которых отметим ходжейлинский и некоторые турткульские смешанные говоры, развившиеся на основе взаимодействия каракалпакского и туркменского языков, а также смешанные говоры Кунградского, Кипчакского, Бирунийского и Турткульского районов, развившиеся на основе взаимодействия каракалпакского и узбекского языков.

Характерными, противопоставляющимися признаками северо-восточного и юго-западного диалектов являются следующие: а) отсутствие, как правило, в северо-восточном диалекте фонемы *ə* при наличии ее в юго-западном диалекте; б) менее выраженная губная гармония гласных в северо-восточном диалекте; в) наличие негубных узких гласных в северо-восточном диалекте при соответствии им губных в юго-западном, например, *бызай—бузай* 'тел нок', *мылтық—мултуқ* 'ружье'; г) характерное для северо-восточного диалекта «жокание» при начальном *дж* в юго-западном; д) преимущественное наличие в начале слов звонкого *б* в северо-восточном диалекте при *б/п* в юго-западном, например, *буу—пуу* 'пар', *бақыр—пақыр* 'кричать'; е) преимущественное наличие в северо-восточном диалекте в начале слова глухих *т* и *к* при обычных звонких в юго-западном, например *туз—дуз* 'соль', *тизгин—дизгин* 'вожжи', *куз—гуз* 'осень'; ж) как правило, отсутствие в северо-восточном диалекте фонемы *h* при весьма частой ее встречаемости в юго-западном; з) противопоставление типов ассимиляции согласных, например, *лл < нл* в юго-западном диалекте и *нн < нл* в северо-западном, например *куллер ~ куннер* ~ *кунлер* 'дни'.

Каракалпакский народный разговорный язык сформировался в среде племен, которые последовательно входили в Печенежский (X—XI вв.) и в Половецкий (XI—XIII вв.) племенные союзы, в государство Золотой Орды (XIII—XV вв.), в состав Большой ногайской орды вплоть до XV в., когда составляющие ее племена и роды вошли частично в Узбекский, Казахский, а позже и в Каракалпакский союзы (см. стр. 119). В более ранний период своей истории те племенные языки, которые легли в основу современного каракалпакского литературного и каракалпакского народного разговорного языка, подверглись значительному воздействию, с одной стороны, болгарского языка, что выразилось в наличии некоторых общих черт (дифтонгизация начальных широких губных гласных, отсутствие согласной фонемы *ч* и др.), а с другой, — огузских языков, что выразилось в наличии звонких согласных *г* и *д* в начальной позиции, например в словах *дуз* — 'выравнивать', *дизе* 'колено', *гуз* 'осень', а также значительному влиянию языка древних аборигенов Средней Азии, главным образом, хорезмийцев.

Следовательно, в аспекте историко-лингвистических связей с другими народами и языками каракалпакский язык следует отнести к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакских языков, входящих в западную ветвь тюркских языков. Формирование кыпчакско-ногайской подгруппы кыпчакских языков, к которой относятся языки ногайский, каракалпакский, казахский и некоторые другие, как это мы отмечали уже, было связано также и с другими подгруппами, в частности, с языками кыпчакско-булгарской подгруппы, влияние которой заметно в современном каракалпакском языке, и кыпчакско-половецкой подгруппы, связь с которой ощущается еще в большей степени.

Таким образом, каракалпакский язык не только обладает общими признаками, характеризующими всю кыпчакскую группу тюркских языков, но имеет также признаки, выделяющие из кыпчакской группы подгруппу кыпчакско-ногайскую, а также еще более специфические признаки, отличающие каракалпакский язык внутри кыпчакско-ногайской подгруппы от ногайского, казахского и др.

Кыпчакско-ногайская подгруппа языков отличается от кыпчакско-булгарской и кыпчакско-половецкой подгрупп, т. е. подгруппы исторически более древних следующими характерными признаками: а) отсутствием фонемы *ч* и заменой этого звука звуком *ш*, а звука *ш* звуком *с*, например *қаш*-‘убегать’ < *қач*, *қыс* ‘зима’ < *қыш*; б) наличием чередования в зависимости от соседних согласных звуков *м/б/п*; в) наличием чередования также в зависимости от позиции согласных *н/д/т* и др.

Каракалпакский же язык внутри кыпчакско-ногайских языков вместе с ногайским отличается от казахского и других языков этой подгруппы следующими признаками: а) отсутствием чередования звуков *л/д/т* в зависимости от соседнего предыдущего согласного, которое характерно для казахского языка (ср., например, в каракалпакском и ногайском *тастар* вместо казахского *тастар* ‘камни’); б) морфологическими признаками, в частности наличием формы причастия будущего времени на *-аджақ/-еджақ*, которая отсутствует в казахском языке, и т. д.

В настоящее время на каракалпакском языке издана значительная оригинальная и переводная литература, в том числе переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, составлены учебники для начальной и средней школы; на нем ведется преподавание в средней школе и частично в Учительском и Педагогическом институтах, осуществляются постановки в национальном театре и ведутся радиопередачи.

УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Узбекский язык — язык основного населения Узбекской ССР.

Современный народный разговорный язык представлен множеством диалектов и говоров, которые, по классификации А. К. Боровкова, разделяются на две группы:

1. Среднеузбекские, или «окающие» диалекты, к которым принадлежат говоры городских центров и прилегающих к ним районов (Ташкент, Самарканд, Бухара, Катта-Курган, Карши, Джизак, Андижан, Коканд, Маргелан, Наманган и др.). Эта группа диалектов характеризуется следующими основными признаками: а) наличием только шести гласных фонем (*и, ў, э, у, о, а*) вместо девяти в других диалектах, б) наличием лабиализованного гласного *â* — орфографически *о* — замещающего *а* других диалектов, в) отсутствием сингармонизма.

2. «Акающие» диалекты и говоры, характеризующиеся противоположными по отношению к «окающей» группе признаками: а) наличием от восьми до десяти гласных, б) гласным *а* вместо *â(о)*, в) наличием сингармонизма. Эта группа распадается на две подгруппы: а) «йокающую», или северо-западную подгруппу (южно-хорезмские говоры и южно-казахстанские говоры Туркестана, Чимкента, Кара-Булака, Манкента и др.), которая, кроме общих признаков, характеризуется наличием начального согласного *й*, например, в словах *йол* ‘дорога’, *йан* ‘бок’; б) «джокающую», или южную подгруппу (говоры долины Кашка-Дарья, Самаркандской области, отдельных районов Узбекистана), которая характеризуется начальным согласным *дж* вм. *й*, например, *джол* ‘дорога’, *джан* ‘бок’ и др.

Формирование народного узбекского языка следует отнести к XV в. К этому же времени относится и образование литературного староузбекского (чагатайского) языка, в основе которого лежали литературный язык Караханидского государства и огузо-кыпчакский литературный язык, возникший в XII в. на Сыр-Дарье. Создателем староузбекского литературного языка был великий узбекский поэт Алишер Навои (1441—1501 гг.). Узбекский же разговорный язык сформировался также, с одной стороны, на основе языков древних уйгурских, тюргешских, чигильских и карлукских племен, а с другой — на основе языка огузов и кыпчаков,

главным же образом кыпчаков, входивших частично в состав улуса Чагатай и в состав Большой ногайской орды. Кроме того, немалую роль в создании народного разговорного, а также письменного языка сыграли древние аборигены Средней Азии, ираноязычные племена. Следовательно, многодialeктность узбекского языка, резкие различия диалектов между собой и значительные расхождения между узбекским языком, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой, объясняются главным образом пестрым составом этнических групп, участвовавших в этногенезе узбеков.

Итак, уточняя место узбекского языка в системе тюркских языков, мы должны отнести его к особой карлукской группе западной ветви языков тюркской системы, объединяющей три последовательно возникших древних литературных языка: 1) язык Караханидского государства (уйгуро-карлукский), относящийся к X—XI вв.; 2) язык на огузо-кыпчакской основе, который представлен в произведениях Ходжи Ахмета Ясави (XII в.); 3) староузбекский язык XV в. и два современных живых языка — узбекский и новоуйгурский.

Кроме общих признаков, характеризующих тюркские языки карлукской группы западной ветви тюркских языков, узбекский язык имеет специфические черты, выделяющие его внутри данной группы, т. е. отличающие его от второго языка этой группы — уйгурского, а именно: а) наличие шести гласных фонем вместо восьми-девяти в уйгурском; б) наличие в большинстве диалектов лабиализованного *ä* вместо *a* в уйгурском; в) отсутствие сингармонизма в большинстве городских говоров узбекского языка в отличие от уйгурского языка, где сингармонизм сохранился; г) конвергенция $L_1, L_2 > l$ и все другие расхождения (см. уйгурский язык).

После Великой Октябрьской социалистической революции узбекский язык на первых шагах своего развития в новых условиях автономного социалистического государства пользовался арабским реформированным письмом, которое было вскоре заменено латинизированным, а затем алфавитом на русской основе. Новая русская графика способствует успешному развитию узбекского языка, опирающегося на прогрессивные говоры городского населения. На основе узбекского литературного языка выросла большая художественная, научная и общественно-политическая литература.

УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

Современный уйгурский язык представлен двумя литературными языками: 1) литературным языком советских уйгуров, в основе которого лежат северные диалекты уйгурского народного языка; данный литературный язык имеет с 1946 г. письменность на основе русской графики и 2) литературным языком уйгуров Синьцзяна, который основан, главным образом, на южных диалектах, хотя окончательная его стабилизация ещё не закончилась; этот язык пользуется старой арабской письменностью. Кроме того, народный разговорный язык представлен множеством диалектов, которые в основном распадаются на четыре группы.

Первую группу, южных диалектов составляют кашгаро-яркендский диалект с янги-хисарским говором, хотано-керийский диалект с черченским говором, аксуйский диалект. Общими основными признаками этой группы диалектов являются: а) отсутствие полной дифференциации между гласными *u* и *y*; б) переходы сочетаний: $up > уж$, $ийт > ишт$; в) палатализация и переход $t > ч$, например $туш > чуш$ 'падать', $тиш > чиш$ 'зуб', т. е. перед узкими губными и негубными гласными, находящимися в позиции перед шипящими; г) переход $s > ч$ перед узкими гласными: $сизик > чизик$; д) устойчивость $қ/к$ в интервокальной позиции и др.

Вторую группу, северных диалектов составляют: куча-турфанский диалект (Карашар, Куча, Турфан, Комул или Хами и др.); таранчинский, или кульджинский диалект, на котором также говорят и уйгуры Советского Союза. Основными общими признаками этой группы диалектов являются: а) наличие двух фонем *и* и *ы*; б) озвончение *қ* и *к* между гласными; в) переход в некоторых говорах *й* > *г*: *эггел* в.м. *эйүел* (турф.).

Третью группу диалектов уйгурского языка составляет один лобнорский диалект, который характеризуется: а) чередованием *л/д/т/з* в аффиксах и основах в зависимости от соседнего согласного, ср., например, *қыззар* < *кызлар* 'девушки', *таштап* < *ташлап* 'бросив'; б) чередованием *м/б/п*, *баспады* < *басмады* 'не надавил' и др.; в) регрессивной ассимиляцией *тс* > *сс*, *унусса* < *унутса* 'если он забудет' и др.

Четвертую группу представляют два ганьсуйских диалекта: саларский и сары-уйгурский. Оба эти диалекта резко отличаются от других уйгурских диалектов и говоров и относятся по существу к другой классификационной группе, а именно: к северо-восточной, или уйгурской группе тюркских языков. Основными характеризующими их признаками являются: а) отсутствие начальных звонких согласных, например, *пас* в.м. *баш* 'голова'; б) переход *ш* > *с*, например, *тас* в.м. *таш* 'камень'; в) переход *ч* > *ш*, *аш* в.м. *ач* 'открывать'; г) переход *й* > *д* в середине слова, например, *адақ* в.м. *айақ* 'нога'; д) переход *й* > *дж*: *джыл* в.м. *йыл* 'год'.

Процесс формирования уйгурского языка в основных чертах повторяет историю узбекского языка, но характеризуется вместе с тем и некоторыми отличительными особенностями, вытекающими главным образом из особенностей этнического состава уйгурского народа, в частности из меньшего количества кыпчакских элементов и более интенсивного участия в этногенезе уйгуров восточных древнеуйгурских племен.

Обладея общими признаками с узбекским языком, по которым и тот и другой языки могут быть отнесены к карлукской группе тюркских языков, уйгурский язык вместе с тем имеет и специфические черты, отличающие его от узбекского языка. К последним относятся следующие: а) сильная редукция широких гласных *а*, *э*, *е* в безударной позиции в середине слова, например, *балалары* > уйг. *балилири*//*баллири* 'его дети'; б) закон обратного влияния узких гласных второго слога на широкие гласные первого слога, например, *ал* 'брат, взять'; *елиш* 'взятие' в.м. *алиш*, *кэт* 'уходить', *кетиш* 'уход' в.м. *кэтиш*; в) выпадение в произношении согласных *р*, реже *л* и *й* в конце слов и перед согласными, например, *қар* > *қа(р)* 'снег', *қарға* > *қа(р)-ға* 'ворона', *болса* > *бо(л)са* 'если он будет'; г) палатализация передне- и заднетвердонебных согласных (по диалектам), например, *ким* > *чим* 'кто'. Кроме того, уйгурский язык имеет значительные расхождения с узбекским языком также и в области морфологии.

Уйгурский язык является языком уйгурского населения Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, обеспеченного в условиях Советского Союза своим литературным языком и письменностью на основе русской графики. На уйгурском языке издаются газеты, учебники и литература. Уйгурский язык является языком населения Синьцзяна — обширной по площади области Китайской Народной Республики.

